

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (12)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2013**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

LEGAL SCIENCES

№ 2 (12)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2013**

Редакционный совет:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГБОУ ВПО МГПУ, доцент, кандидат педагогических наук, почетный работник народного образования
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГБОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Иванова Т.С.</i>	первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель РФ

Редакционная коллегия:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Гаврилова Ю.В.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ершова Е.А.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ростокинский А.В.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Ситдикова Л.Б.</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Пряхина Т.М.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Степанова Л.М.</i>	ответственный секретарь

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9113

СОДЕРЖАНИЕ

Права человека: теория и практика реализации

- Ястребова А.Ю.* Международно-правовые подходы к региональному регулированию миграции в СНГ и Едином экономическом пространстве 8
- Павленко Е.М., Питько Е.В., Шутикова Н.С.*
Исполнение международных обязательств РФ по созданию специализированного правосудия по делам несовершеннолетних (на примере Егорлыкского районного суда Ростовской области) 16

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Звонарев А.В.* К вопросу о создании Сеймового Устава Великого княжества Финляндского 1869 года 27
- Северухин В.А.* К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации 35
- Яровая М.В.* Современная судебная система Англии и Уэльса (часть II) 42

Публичное право

- Куксин И.Н.* Современные трактовки необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния 50
- Царёв А.Ю.* О правовом статусе гражданина как элементе государственного устройства 64
- Чурилов С.Н.* О взглядах на истину в российском уголовном процессе 73
- Арутюнов А.А.* К вопросу о причинной связи в уголовном праве 81
- Ростокинский А.В.* О легальных протестах и жертвах экстремистского насилия 90
- Косевич Н.Р.* Предложения по совершенствованию правосудия в отношении несовершеннолетних в рамках реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы 95

Частное право

- Ситдикова Л.Б.* Критерии оценки качества в сфере оказания услуг 101

Трибуна молодых ученых

- Кузьменко В.К.* Правовая характеристика контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов 108
- Леонов Е.М.* К вопросу о понятии, видах и системе организационных договоров в отечественной цивилистике 119

Научная жизнь

- Пашенцев Д.А.* Обзор ежегодной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 25 апреля 2013 г. 125

Критика. Рецензии. Библиография

- Борисова Н.Е.* Рецензия на монографию Д.А. Пашенцева, Е.Л. Алехиной, М.И. Долаковой «Финансовое право Российской империи: от идей к реализации» (М.: АПКиППРО, 2012. 282 с.) 128
- Пряхина Т.М.* Актуальные проблемы правовой культуры избирательного процесса. Рецензия на монографию Крупени Е.М., Смолиной И.Г. «Правовая культура избирательного процесса: персоноцентристский анализ» (М.: Университетская книга, 2012. 276 с.) 131

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки», 2013, № 2 (12)** 138

- Требования к оформлению статей** 142

CONTENTS

Human Rights: Theory and Practice of Realisation

- Yastrebova A.Y.* International Legal Approaches to Regional Regulation of Migration in the Commonwealth of Independent States (CIS) and in the United Economic Area 8
- Pavlenko E.M., Pit'ko E.V., Shutikova N.S.* Implementation of International Obligations of RUSSIAN FEDERATION on the Establishment of a Specialized Juvenile Justice (on Example of Egorlykского District Court of the Rostov Region) 16

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

- Zvonaryov A.V.* To the Issue of the Development of the Sejm Statute of The Grand Duchy of Finland of 1869..... 27
- Severuxin V.A.* To the Concept and Contents of the «Systemic or Structural Issues» in the Russian Federation..... 35
- Yarovaya M.V.* The Modern Judicial System in England and Wales (Part II) 42

Public Law

- Kuksin I.N.* The Current Interpretations of Self-Defense as the Facts Precluding of Criminal Act 50
- Tcaryov A.Yu.* On the Legal Status of Citizen as an Element of the State System 64
- Churilov S.N.* On Views on the Truth in the Russian Criminal Trial..... 73
- Arutyunov A.A.* To the Issue of Causation in Criminal Law 81
- Rostokinskij V.A.* On Legitimate Protests and Casualties of Extremist Violence 90
- Kosevich N.R.* Proposals for Improvement of Juvenile Justice in the Implementation of the National Action for Children for 2012–2017..... 95

Private Law

- Sitdikova L.B.* Criteria for the Evaluation of Quality in the Provision of Services 101

Young Scientists' Platform

- Kuzmenko V.K.* The Legal Characteristics of Smuggling of Strategically Important Goods and Resources 108
- Leonov E.M.* To the Issue about Definition, Types and System of Organizational Contracts in Russian Civil Law 119

Scientific Life

- Pashentsev D.A.* Review of the Annual Scientific Conference in Memory of Professor Feliks Mikhaylovich Rudynskoho, 25 апреля 2013 г. 125

Critical Survey. Reviews. Bibliography

- Borisova N.E.* Review of the Monograph of D.A. Pashentseva, E.L. Alekhinoy, M.I. Dolakovoj «Financial Law of the Russian Empire: from Ideas to Implementation» (M.: APKiPPRO, 2012. 282 s.) 128
- Pryaxina T.M.* Actual Problems of Legal Culture of the Electoral Process. Review of the Monograph of E.M. Krupeni, I.G. Smolinoj «Legal Culture of the Electoral Process: Personotsentristsky analysis» (M: University Book, 2012. 276 s.)..... 131

- «MCTTU Vestnik Series “Legal Sciences”» / Authors, 2013, № 2 (12)..... 138

- Style Sheet..... 142

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ**

А.Ю. Ястребова

**Международно-правовые подходы
к региональному регулированию
миграции в СНГ и Едином
экономическом пространстве**

Статья посвящена вопросам международно-правового регулирования современной миграции в рамках СНГ и Единого экономического пространства в контексте добровольных межгосударственных перемещений. Особое внимание уделяется сочетанию универсальных международных механизмов защиты трудящихся-мигрантов и региональных стандартов в сфере обеспечения свободы передвижения.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование; трудящиеся-мигранты; добровольные перемещения; миграционный обмен; региональные правовые системы; Единое экономическое пространство; национальное иммиграционное законодательство.

Современное формирование регионального правового регулирования миграционных связей государств приводит к мысли о влиянии мировых перемещений на универсальный принцип сотрудничества субъектов международного права. Т.М. Пряхина замечает: «Международное сообщество предстает как наиболее крупный из возможных территориальных публичных коллективов. Существующая состязательность между государствами, борьба за сферы влияния и национальные интересы не отрицает сотрудничества между странами в такой мере, чтобы помешать существовать международному сообществу как особому территориальному коллективу» [5: с. 140].

Доклад Глобальной комиссии по международной миграции определяет ее как «перемещение людей, социальное, культурное и этническое происхождение и характеристики которых отличаются от большинства, проживающего в том обществе, к которому они присоединяются» [4: с. 45]. Приоритеты региональной правовой системы СНГ и ЕврАзЭС, объединяющей государства постсоветского пространства в единое миграционное поле, в большей степени направлены на процесс регулирования добровольных перемещений. Международно-правовая регламентация вынужденной миграции в рамках СНГ ориентирована на необходимость реагирования на последствия политических и социально-этнических конфликтов, имеющих место в регионе.

Эволюция региональных норм, связанных с добровольным перемещением граждан стран СНГ и ЕврАзЭС, в перспективе обеспечивает интересы Единого экономического пространства. В этом контексте данный геополитический регион воспринимает опыт ЕС и панамериканских международных организаций с целью совершенствования правовой базы интеграционных процессов.

Как известно, Российская Федерация продолжает оставаться доминирующим по приему миграционных потоков государством региона СНГ. По оценкам международных экспертов, РФ сегодня занимает второе место в мире по числу иммигрантов (первое принадлежит США), которое составляет около 12 млн человек. Основными странами — поставщиками мигрантов выступают Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Армения, Азербайджан, Молдова и Украина. Преобладающим типом международных перемещений является временная трудовая миграция [1: с. 11].

Эксперты указывают, что для России международная миграция «стала привычным фактом повседневности и в то же время породила множество реальных или мнимых проблем, глубоко затрагивающих области экономики, политики и, по существу, все сферы социальной жизни» [2: с. 9]. Сегодня основной акцент правового регулирования миграции сделан на взаимовыгодные международные перемещения трудовых ресурсов как часть глобальной экономической интеграции. А.А. Ковалев справедливо отмечает, что «в мире все большее развитие получает процесс экономической интеграции, т. е. объединения суверенных государств с целью установления Единого экономического пространства, в котором могут свободно перемещаться товары, услуги, финансовые и трудовые ресурсы» [3: с. 11]. Активными факторами такого сближения на уровне региона будут являться экономический потенциал ЕврАзЭС и миграционный обмен квалифицированными работниками в Едином экономическом пространстве (ЕЭП).

Для действующего национального законодательства стран СНГ присуще сочетание иммиграционных и эмиграционных основ регулирования в связи с процессами приема иностранных граждан на своей территории и отправки собственных граждан за ее пределы. Нужно отметить, что в отдельных странах СНГ (Казахстан, Молдова, Киргизия) уже сложилась тенденция формирования самостоятельной отрасли общей правовой системы — миграционного права. Что касается российского Федерального закона о правовом положении иностранных граждан № 115-ФЗ 2002 г., действующего в нынешней редакции, то он не содержит какой-либо перечень отраслевых принципов миграционного регулирования. В нем также отсутствует четко проведенная классификация иностранных граждан по основаниям целей их въезда и пребывания. Представляется, что России стоит использовать опыт партнеров по СНГ при создании комплексного миграционного законодательства, особенно если речь пойдет о кодификации его действующих норм на уровне принятия Иммиграционного кодекса.

Основным региональным документом, определяющим приоритеты государств СНГ в сфере трудовой миграции, является Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, подписанная в г. Кишинёве

14 ноября 2008 г. РФ подписала данную Конвенцию, Армения, Беларусь, Киргизия и Казахстан ратифицировали ее. Конвенция СНГ включает в свои положения те нормы Конвенции ООН о защите трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., которые реально могут быть применены в нынешних условиях экономической интеграции. К примеру, первая заимствует из второй дефиниции приграничных и сезонных трудящихся-мигрантов и классификацию прав и свобод мигрантов на основные и специальные (относящиеся к профессиональной сфере деятельности).

Одновременно Конвенция СНГ о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей 2008 г. исходит в своих нормах из строгой регламентации перечня прав и свобод этих лиц, в особенности тех, что уравнивают их с собственными гражданами. Ст. 1 указанной Конвенции определяет трудящегося-мигранта как лицо, являющееся гражданином одной из ее Сторон, или лицо без гражданства, проживающее на территории этой Стороны, «законно находящееся и на законном основании занимающееся оплачиваемой трудовой деятельностью на территории другой Стороны, гражданином которой оно не является и в которой постоянно не проживает». Это более широкое определение по сравнению с Конвенцией ООН 1990 г., дополнительно включающее такой круг лиц, как апатриды, и такой элемент, как требование законных оснований пребывания и трудовой занятости мигрантов. Используется международно-правовой принцип уравнивания лиц, не имеющих гражданства, с иностранцами в государстве пребывания. Положение о требовании законных оснований въезда и пребывания стоит ближе к нормам Европейской социальной хартии, пересмотренной в 1996 г. и ратифицированной РФ в 2010 г., о легальности трудовой миграции. Ст. 2 Конвенции СНГ 2008 г. распространяет ее действие на всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, находящихся в стране приема на законных основаниях, без какой-либо дискриминации.

Конвенция СНГ 2008 г. отдельно вводит в ст. 1 и такой термин, как «цикл миграции», обозначаемый «период времени, включающий выезд из Стороны постоянного проживания, транзит, въезд в принимающую страну, пребывание и осуществление оплачиваемой трудовой деятельности в принимающей Стороне, а также возвращение в Сторону постоянного проживания». Это тот временной промежуток, где действие Конвенции направлено на правовые отношения между принимающей страной и трудящимися-мигрантами.

Ст. 7 Конвенции СНГ 2008 г. представляет собой комплексный перечень естественных, политических, гражданских, социальных и административных прав и свобод трудящихся-мигрантов и членов их семей, заимствованных из универсальных договоров. Так, в ч. 1 ст. 7 естественные права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность сочетаются с гражданскими правами на равное судопроизводство, защиту чести и достоинства, личной переписки и частной собственности, административными правами на вступление в брак и регистрацию рождения детей. Здесь же в общей форме сформулированы права на получение

образования и на доступ и участие в культурной жизни. Ч. 2 ст. 7 содержит гарантии реализации прав на свободу слова, вероисповедания, выражения своего мнения, создание ассоциаций и вступления в профсоюзы на основе законодательства принимающей страны. Ч. 3 ст. 7 говорит о праве трудящихся-мигрантов на признание правосубъектности. Ст. 8 Конвенции вводит запрет на случаи рабства, подневольного состояния, пыток, жестокого или унижающего достоинства обращения или наказания и принудительного труда. Отражая современные международно-правовые тенденции, Конвенция 2008 г. в ч. 1 ст. 12 закрепляет принцип невысылки трудящихся-мигрантов и членов их семей в форме выдворения, депортации и реадмиссии иначе, как по основаниям, предусмотренным национальным законодательством или международными договорами.

На наш взгляд, существенным недостатком Конвенции СНГ 2008 г. является отсутствие в ней такого права трудящихся-мигрантов, как право на обращение в консульские учреждения своего государства и их содействие. П. а) ст. 5 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., в которой участвуют все страны СНГ, относит к консульским функциям «защиту в государстве пребывания интересов представляемого государства и его граждан в пределах, допускаемых международным правом». На территории РФ наиболее активно консульскую поддержку своим трудящимся-мигрантам оказывают посольства Таджикистана и Киргизии. В первом создана группа по миграционной политике, которая поддерживает постоянный контакт с ФМС России, выходит напрямую на работодателей, обращается в прокуратуру по фактам нарушений миграционного законодательства в отношении собственных граждан. Во втором существует специальная штатная должность: атташе по трудовым вопросам посольства Киргизии, который представляет интересы трудовых мигрантов, а также направляет профильным ведомствам Киргизской Республики информацию о трудовых вакансиях в РФ [8].

Приоритеты миграционного регулирования СНГ и ЕврАзЭС могут быть условно поделены на текущие и перспективные. К первым относится поощрение и укрепление международно-правовых основ приграничной миграции, ко вторым — создание многосторонних и двухсторонних договоров по основным направлениям экономического и социального сотрудничества государств-партнеров.

С.Н. Ярышев предлагает такую концепцию регулирования, при которой миграционную проблематику в Едином экономическом пространстве (ЕЭП) «следует вывести из-под юрисдикции каждого государства-участника в отдельности и передать в компетенцию регионального наднационального органа» [7: с. 35]. Сегодня функции такого органа могла бы взять на себя Евразийская экономическая комиссия, которая призвана руководить основными направлениями интеграции в ЕЭП и контролировать их исполнение.

Два устойчивых направления координации в области межгосударственного перемещения состоят в противодействии незаконной миграции и регулировании пограничного сотрудничества заинтересованных государств. Так,

в Концепции согласованной пограничной политики стран СНГ, принятой решением Совета глав государств в августе 2005 г., среди основных направлений названы: обеспечение пограничной безопасности участников, с учетом совместных действий по пресечению незаконной миграции, и социально-экономическое развитие приграничных территорий наряду с созданием комплекса мер регулирования миграционных потоков. Таким образом, Концепция рассматривает ситуацию миграции в двух аспектах: как явление, изначально подрывающее основы национальной безопасности, если она носит нелегальный характер, и как позитивный фактор, сближающий государства, интегрирующий общество и граждан в едином пространстве.

Основы пограничной политики РФ, утвержденные Президентом России 5 октября 1996 г., содержат указание на «обеспечение регулирования потоков внешней миграции» в качестве одного из элементов этой политики в контексте «создания благоприятных условий социально-экономического подъема приграничных регионов, роста благосостояния и духовного развития населения» (п. 3.5). Что касается основ пограничной политики в рамках ЕврАзЭС, то она более ориентирована на пресечение незаконной миграции через внешние границы и на создание системы взаимного признания виз для граждан третьих стран. Именно эти направления содержит решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 г. № 443 «О приоритетах и активизации деятельности государств — членов ЕврАзЭС в области пограничной политики», подписанное РФ, Беларусью, Казахстаном, Таджикистаном и Киргизией.

Рекомендательный законодательный акт «Миграция трудовых ресурсов в странах СНГ», принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи СНГ от 13 мая 1995 г., в ст. 3 расширяет виды трудовой миграции ее приграничной формой. Приграничная (маятниковая) трудовая миграция здесь определена как перемещение «трудящихся-мигрантов сопредельных территорий в целях получения оплачиваемой работы на территории другого государства с учетом проживания на территории государства выезда». Рекомендательный акт призывает поощрять «развитие приграничной трудовой миграции» и содействовать «укреплению экономических, научно-технических, культурно-просветительских связей и обмену рабочей силой между сопредельными территориями». Т.Н. Юдина понимает под маятниковой миграцией «ежедневные или еженедельные поездки населения от мест жительства до мест работы (и обратно), расположенных в разных населенных пунктах» [6: с. 107]. К настоящему моменту это один из самых востребованных типов межгосударственной миграции в СНГ, который обеспечивает мобильность его трудовых ресурсов, требует устойчивого транспортного сообщения и является предпочтительным с точки зрения экономии средств на программы адаптации трудящихся-мигрантов.

Региональное право СНГ включает в себя двусторонние международные договоры по вопросам пограничного сотрудничества, имеющие целью в том числе и прямой обмен трудовыми ресурсами. В качестве примера можно взять

Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Казахстан о межрегиональном и приграничном сотрудничестве 2010 г. и Соглашение между Правительством РФ и Кабинетом министров Украины о порядке пересечения российско-украинской государственной границы жителями приграничных регионов РФ и Украины 2011 г. Первое предполагает создание сторонами Соглашения благоприятных условий для прямых контактов между их хозяйствующими субъектами (ст. 7), реализацию совместных программ и проектов, направленных на социально-экономическое развитие приграничных субъектов (ст. 8) и взаимное содействие эффективным перевозкам грузов и пассажиров между приграничными субъектами (ст. 9). Второе предусматривает облегченный порядок пересечения границы гражданами, постоянно проживающими на приграничных территориях. Им разрешено использовать для выезда национальный или внешний паспорт, выезжать совместно с членами семьи, не регистрируясь по месту пребывания в приграничном регионе на срок до 90 суток и не используя миграционные карты (ст. 5). Итак, оба договора являются прямым следствием многолетнего безвизового режима перемещения граждан СНГ и предлагают позитивный образец упрощения миграционного регулирования в условиях добрососедских межгосударственных отношений.

Региональной международно-правовой базой для подобных двусторонних договоров стали нормы Конвенции о приграничном сотрудничестве государств — участников СНГ 2008 г., подписанной Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизией, РФ и Таджикистаном и вступившей в силу в 2009 г. Ст. 7 Конвенции выделяет среди базовых направлений развития приграничных регионов регулирование миграции населения. Ст. 8 устанавливает, что стороны «в соответствии с национальным законодательством принимают меры, направленные на упрощение процедур пограничного, таможенного, иммиграционного (миграционного) и иных видов контроля» в целях реализации указанной Конвенции.

Инновационной моделью регионального сотрудничества может быть названо трехстороннее Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, подписанное Правительствами РФ, Республики Беларусь и Республики Казахстан в 2010 г. в г. Санкт-Петербурге и вступившее в силу 1 января 2012 г. Указанный договор создает режим наибольшего благоприятствования для трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами стран-участниц. Ст. 3 Соглашения определяет, что «деятельность, связанная с привлечением трудящихся-мигрантов, осуществляется работодателями государства трудоустройства без учета ограничений по защите национального рынка труда», и трудящимся-мигрантам не требуется получения разрешений на ее осуществление на территории участников. В свою очередь, ст. 7 указывает на основные направления координации сторон, как то: согласование политики в сфере регулирования внешней трудовой миграции; содействие организованному набору трудящихся-мигрантов на территории сторон; предотвращение нелегального использования их труда; обмен информацией по во-

просам правового статуса трудящихся-мигрантов и членов их семей. Соглашение 2010 г. остается открытым для присоединения к нему других государств — членов Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества при согласии всех государств-участников Соглашения.

Таким образом, рассмотренные нами направления межгосударственного сотрудничества в области добровольной миграции на постсоветском пространстве показывают использование опыта универсального международно-правового регулирования в сочетании с собственными региональными стандартами. Только общие интересы и соответствующие им позиции интегрированных в ЕЭП государств могут служить логической основой для двустороннего и многостороннего партнерства в указанной области. На наш взгляд, в этом заложено коренное отличие современной системы управления процессами миграции от правовых механизмов сугубо политического сотрудничества СНГ, проводимого в 90-е гг. Сохранение традиционных исторических, экономических и социально-культурных связей в этом регионе является действенным фактором организации миграционного обмена и общего рынка труда. Создание унифицированных международно-правовых стандартов с помощью гармонизации национального иммиграционного законодательства стран-участниц позволит установить определенные преференции в сфере свободного передвижения их граждан.

Литература

1. Влияние экономического кризиса на миграционные тенденции и миграционную политику в Российской Федерации и регионе Восточной Европы и Центральной Азии. Аналитический доклад. М.: MOM, 2009. 76 с.
2. *Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е.* Россия перед вызовами иммиграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М.: Адамант, 2009. С. 9–62.
3. *Ковалев А.А.* Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности: учеб. пособие. М: Научная книга, 2007. 424 с.
4. Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности. Доклад Глобальной комиссии по международной миграции. Октябрь 2005 г.: пер. с англ. М.: Оргсервис-2000, 2006. 100 с.
5. *Пряхина Т.М.* Рецензия на монографию В.Е. Чиркина «Публично-правовое образование» (М.: Норма, Инфра-М, 2011. 336 с.) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2012. № 1 (9). С. 137–143.
6. *Юдина Т.Н.* Миграция: словарь основных терминов: учеб. пособие. М.: РГСУ, 2007. 472 с.
7. *Ярышев С.Н.* Международно-правовые вопросы формирования и функционирования Единого экономического пространства: автореф. ... докт. юрид. наук. М., 2012. 38 с.
8. *Ястребова А.Ю.* Пособие по предотвращению торговли людьми для сотрудников консульских учреждений. MOM. СПб: Баттерфляй, 2009. 60 с.

References

1. Vliyanie e'konomicheskogo krizisa na migracionny'e tendencii i migracionnyu politiku v Rossijskoj Federacii i regione Vostochnoj Evropy' i Central'noj Azii. Analiticheskij doklad. M.: MOM, 2009. 76 s.
2. *Zajonchkovskaya Zh., Mkrty'chyan N., Tyuryukanova E.* Rossiya pred vy'zovami immigracii // Postsovetskie transformacii: otrazhenie v migraciyax. M.: Adamant', 2009. S. 9–62.
3. *Kovalev A.A.* Mezhdunarodnoe e'konomicheskoe pravo i pravovoe regulirovanie mezhdunarodnoj e'konomicheskoy deyatelnosti: ucheb. posobie. M.: Nauchnaya kniga, 2007. 424 s.
4. Migraciya vo vzaimosvyazannom mire: novy'e napravleniya deyatelnosti. Doklad Global'noj komissii po mezhdunarodnoj migracii. Oktyabr' 2005 g.: per. s angl. M.: Orgservis-2000, 2006. 100 s.
5. *Pryaxina T.M.* Recenziya na monografiyu V.E. Chirkina "Publichno-pravovoe obrazovanie" (M.: Norma, Infra-M, 2011. 336 s.) // Vestnik MGPU. Seriya "Yuridicheskie nauki". 2012. № 1 (9). S. 137–143.
6. *Yudina T.N.* Migraciya: slovar' osnovny'x terminov: ucheb. posobie. M.: RGSU, 2007. 472 s.
7. *Yary'shev S.N.* Mezhdunarodno-pravovy'e voprosy' formirovaniya i funkcionirovaniya Edinogo e'konomicheskogo prostranstva: avtoref. ... dokt. jurid. nauk. M., 2012. 38 s.
8. *Yastrebova A.Y.* Posobie po predotvrashheniyu trgovli lud'mi dlya sotrudnikov konsul'skix uchrezhdenij. MOM. SPb.: Batterflyaj, 2009. 60 s.

A.Y. Yastrebova

**International Legal Approaches to Regional Regulation of Migration
in the Commonwealth of Independent States (CIS) and the United Economic Area**

The article is devoted to the issues of international legal regulation of the modern migration in the CIS and in the United economic area, based on voluntary movement of people. Special attention is paid to the combination of universal mechanisms and regional instruments in the sphere of freedom of migration for the protection of migrant-workers.

Keywords: international legal regulation; migrant-workers; voluntary movement; migration exchange; regional legal systems; United economic area; national immigration law.

**Е.М. Павленко,
Е.В. Питько,
Н.С. Шутикова**

Исполнение международных обязательств РФ по созданию специализированного правосудия по делам несовершеннолетних (на примере Егорлыкского районного суда Ростовской области)

В статье коллектив авторов рассматривает проблему исполнения Российской Федерацией обязательств по созданию специализированного правосудия по делам несовершеннолетних, вытекающих из международных договоров, участником которых является Россия, в частности Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года; обращает внимание на прогрессивный опыт применения ювенальных технологий и приходит к выводу, что положительные результаты деятельности Егорлыкского районного суда Ростовской области в целом в данной сфере имеют важное значение для создания системы специализированных судов по защите прав и законных интересов несовершеннолетних в России.

Ключевые слова: права ребенка; ювенальная уголовная политика; ювенальная юстиция; ювенальные технологии; специализированное правосудие по делам несовершеннолетних.

В современном мире проблемы реализации и защиты прав ребенка, заботы о его жизни, развитии, воспитании и образовании становятся общечеловеческими, приоритетными как на национальном уровне, так и для всего международного сообщества. Провозгласив права человека высшей ценностью, ратифицировав ряд международных договоров в области защиты прав несовершеннолетних, в том числе Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г., Российская Федерация взяла курс на гуманизацию права, разработку новых подходов уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

В юридической литературе для обозначения государственной политики, направленной на улучшение положения детей, часто используют термин «ювенальная политика». Так, по мнению исследователя В.Н. Ткачева, «ювенальная уголовная политика РФ — это государственная политика в области всестороннего обеспечения прав и интересов несовершеннолетнего нормами международного права, нормами национального законодательства, выраженная в реализации предписаний и принципов, регламентирующих процессы создания органов ювенальной юстиции путем использования средств восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних, увеличе-

ния значимости и ответственности семьи, школы и трудовых коллективов в обеспечении надлежащих условий жизни и воспитания несовершеннолетних» [2: с. 97]. Его позицию разделяют многие теоретики и практики, так, Л.И. Полтавцева утверждает, что «ювенальная политика Российской Федерации должна быть направлена на создание и обеспечение экономических, правовых, организационных, социальных условий функционирования эффективной системы жизнеобеспечения молодого поколения, а также повышения качества жизни детей и молодежи» [1: с. 23].

Однако вопрос о необходимости создания специализированного правосудия по делам несовершеннолетних, формирования в РФ ювенальной юстиции на протяжении длительного времени является дискуссионным, обсуждается представителями органов государственной власти, научных кругов и широкой общественности. В научной литературе институту ювенальной юстиции посвятили свои работы А.С. Автономов, О.Н. Ведерникова, Е.Л. Воронова, В.Д. Ермаков, В.В. Золотых, О.В. Зыков, М.З. Ильчиков, М.И. Кольцов, Р.Р. Максудов, Н.П. Мелешко, Э.Б. Мельникова, Е.А. Паламарчук, И.Л. Петрухин, В.Н. Ткачев, М.Г. Флямер и многие другие авторы. Но до сих пор в юридической науке отсутствует единый подход к дефиниции «ювенальная юстиция». Следует согласиться с Л.И. Полтавцевой, определяющей ювенальную юстицию как «специфический вид деятельности, в основе которой лежит осуществление правосудия по делам несовершеннолетних специализированными судебными органами» [1: с. 24].

Необходимость создания в России ювенальной юстиции обусловлена также обязательствами по исполнению норм международных договоров, участником которых она является, таких как Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г., Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) 1990 г., а также иных официальных документов, например, Рекомендации № Rec(2003)20 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о новых подходах к преступности среди несовершеннолетних и о значении правосудия по делам несовершеннолетних и других.

Так, в п. 239 Сводного четвертого и пятого периодического доклада о реализации Российской Федерации Конвенции о правах ребенка (2003–2009 гг.), поданного Россией в Комитет ООН по правам ребенка, говорится, что в соответствии с Заключительными замечаниями Комитета об активизации деятельности по реформированию системы отправления правосудия в отношении несовершеннолетних в Российской Федерации прорабатывается возможность введения ювенального судопроизводства и приводится прогрессивный опыт Ростовской области, где ряд судов при рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних используют ювенальные технологии.

Следует отметить, что настоятельная рекомендация Комитета ООН по правам ребенка о внедрении институтов ювенальной юстиции и разработке соответствующего законодательства в полном объеме не исполняется Российской Федерацией в течение 20 лет, впервые она была сформулирована Комитетом в 1993 году. В разные периоды до настоящего времени поддержку вопросам о необходимости создания ювенальной юстиции официально выражали Верховный Суд РФ, Правительство РФ и другие органы государственной власти, были разработаны проекты законов о ювенальной юстиции. Однако целостного законодательства, посвященного регулированию данных общественных отношений, Россия до сих пор не имеет.

Тем временем наблюдается важный прогресс в учреждении специального правосудия для несовершеннолетних в некоторых субъектах Российской Федерации, действуют 10 специализированных судебных составов по делам несовершеннолетних судов общей юрисдикции в Иркутской области (Ангарский городской суд), Республике Хакасия (Абаканский городской суд), Камчатском крае (Петропавловск-Камчатский городской суд), Липецкой области (Елецкий районный суд), Брянской области (Володарский и Бежецкий районные суды, Дубровский районный суд), Ростовской области¹. Следует отметить, что организация деятельности судов по применению ювенальных технологий осуществляется в рамках действующего законодательства и с использованием тех ресурсов, которыми обладает конкретный субъект Российской Федерации.

В рамках настоящей статьи исследователи обратились к опыту Ростовской области, которая является базовым регионом по внедрению ювенальных технологий и специализированного правосудия по делам несовершеннолетних. С января 2001 года в Ростовской области началась работа по пилотному проекту Ростовского областного суда, Управления Судебного департамента в Ростовской области и Программы Развития ООН «Поддержка правосудия в отношении несовершеннолетних» /ПРООН/ (2001–2003). Задачами данного проекта стали: изучение опыта отправления правосудия в отношении несовершеннолетних в других государствах, экономия уголовной репрессии; оказание судом помощи несовершеннолетнему правонарушителю в реабилитации; введение должности социального работника при суде, функции которого заключаются в подготовке доклада о личности несовершеннолетнего (Ростовским областным судом для этого была разработана «Карта социального сопровождения несовершеннолетнего правонарушителя»), а также при установлении фактов нарушения прав несовершеннолетнего подсудимого — подготовка предложений о привлечении социальных служб к разрешению конфликтной ситуации с участием несовершеннолетнего. В процессе реали-

¹ Справка по результатам обобщения информации судов субъектов РФ об использовании ювенальных технологий судами общей юрисдикции // Вопросы ювенальной юстиции. М.: ООО «Издательская группа юрист», 2010. № 4 (30). Интернет-источник: URL: <http://www.juvenjust.org/index.php?showtopic=1520>. (Дата обращения: 29.01.2013 г.)

зации проекта должность социального работника при суде преобразована в должность помощника судьи с функциями социального работника.

В данном субъекте Российской Федерации были созданы четыре модельных состава суда по рассмотрению дел в отношении несовершеннолетних: с 2004 года в г. Таганроге (Таганрогский городской суд); с 2005 года в г. Шахты (Шахтинский городской суд), с 2006 года в станице Егорлыкской Ростовской области (Егорлыкский районный суд); с 2007 года в г. Азове (Азовский городской суд).

В Ростовской области с 2006 по 2009 год реализовался совместный российско-канадский проект «Усовершенствование работы с молодежью группы риска в Российской Федерации», предусматривающий совершенствование судопроизводства с участием несовершеннолетних, развитие восстановительного правосудия, формирование региональной модели ювенальной пробации. В качестве образца для создания ювенальной технологии использован опыт ювенального суда г. Монреаля провинции Квебек (Канада). Региональная модель ювенальной юстиции в Ростовской области создавалась путем реформирования деятельности органов и служб государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Начиная с 2001 года, суд активно взаимодействует с социальными службами, работники которых участвуют в судопроизводстве по делам несовершеннолетних.

В декабре 2012 года в рамках совместного проекта кафедры международного права и прав человека юридического факультета ГБОУ ВПО МГПУ и кафедры конституционного и административного права Института права ФГБОУ ВПО МЭСИ «Проблемы формирования ювенальной юстиции в современной России» преподаватели и студенты данных ВУЗов ознакомились с работой и процессом организации судопроизводства в отношении несовершеннолетних Егорлыкского районного суда Ростовской области.

Председателем Егорлыкского районного суда Ростовской области является Валентина Владимировна Степанцова. В нем сформирован состав по рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних: судья — Ирина Викторовна Колесникова, помощник судьи с функциями социального работника — Ирина Сергеевна Катасонова, секретарь судебного заседания — Оксана Васильевна Серова. Состав по рассмотрению гражданских дел в отношении несовершеннолетних: судья — Ольга Михайловна Попова, помощник судьи — Алексей Николаевич Бражников, секретарь — Ирина Васильевна Трегубова. Таким образом, специализация судей проведена в зависимости от вида правоотношений, субъектом которых выступает несовершеннолетний. Предметом рассмотрения являются уголовные, гражданские и административные дела, в которых одним из участников выступает несовершеннолетний. Профессиональная квалификация судьи предусматривает не только применение права, но и использование знаний в области психологии, педагогики, социальных отношений. Разбирательство с участием несовершеннолетних проводится в закрытых судебных заседаниях (ст. 241 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации, ст. 10 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в том числе по решению суда).

В суде выделено помещение для проведения примирительных процедур, комната для работы психолога, кабинеты для защитников и прокуроров, кабинеты судей, а также помощников судьи с функциями социального работника, два зала судебных заседаний отличаются от обычных залов в судах общей юрисдикции. Кроме того, организован отдельный вход в зал судебного заседания при рассмотрении уголовных дел с участием несовершеннолетних, что позволяет исключить общение несовершеннолетних участников процесса со взрослыми подсудимыми и иными лицами.

Введенная должность помощника судьи с функциями социального работника предусматривает работу по следующим направлениям (на примере рассмотрения уголовных дел):

1. в соответствии со ст. 421 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации сбор сведений об условиях жизни и воспитании несовершеннолетнего, уровне его психического развития и иных особенностях его личности (социально-психологическое обследование несовершеннолетнего подсудимого с целью уточнения данных о его личности и подготовки предложений по его реабилитации и ресоциализации);

2. составление карты социально-психологического сопровождения несовершеннолетнего. В карту заносятся общие сведения о несовершеннолетнем, сведения о привлечении ранее к уголовной или административной ответственности с описанием правонарушения, сведения о законных представителях, жилищные условия, сведения о получении образования, в том числе об успеваемости и особенностях обучения, сведения о состоянии здоровья, психолого-педагогическая характеристика несовершеннолетнего, особенности личности, его взаимоотношения в семье, интересы и склонности. Помощник судьи осуществляет сопровождение и мониторинг поведения несовершеннолетних с привлечением специалистов органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, изучает ситуацию в семье, ближайшее окружение, составляет заключение. Обобщенная в карте информация позволяет охарактеризовать личность несовершеннолетнего с учетом его индивидуальных психологических особенностей, выявить причины и условия, способствующие совершению преступления, обеспечить индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного деяния, определить меры, которые необходимо применить по индивидуальной программе профилактики для предупреждения рецидива;

3. взаимодействие со специалистами органов и учреждений государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних при социально-психологическом обследовании несовершеннолетнего подсудимого, подготовке индивидуальной реабилитационной программы несовершеннолетнего подсудимого;

4. проведение примирительных процедур между потерпевшим и несовершеннолетним подсудимым;

5. участие в судебном заседании такого специалиста, который на основе собранной информации о личности несовершеннолетнего подсудимого и обстоятельств дела, предоставляет суду заключение о возможности исправления несовершеннолетнего правонарушителя без применения уголовного наказания и меры конкретной помощи несовершеннолетнему в трудоустройстве, обучении, психологической реабилитации и поддержки в организации отдыха и досуга и пр.;

6. подготовка предложений суду о необходимости направления частного постановления в соответствующие организации либо должностным лицам для принятия мер по предупреждению преступлений несовершеннолетних, в частности частное постановление может быть направлено органам и учреждениям, входящим в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, для выполнения индивидуальной программы профилактики несовершеннолетнего и членов его семьи. По поручению судьи помощник судьи с функциями социального работника готовит проекты судебных постановлений, частных определений в адрес органов и учреждений государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

7. осуществление контроля за исполнением судебного постановления — проведением органами профилактики социально-реабилитационной работы с несовершеннолетними осужденными или с несовершеннолетним, которому судом назначены принудительные меры воспитательного воздействия;

8. направление копии приговора и карты социального сопровождения несовершеннолетнего подсудимого в уголовно-исполнительную инспекцию (в случае назначения наказания, не связанного с лишением свободы) или в воспитательную колонию (при назначении реального лишения свободы). В отношении несовершеннолетних, которым назначены принудительные меры воспитательного воздействия, копия постановления и карта социального сопровождения несовершеннолетнего направляются в Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации Егорлыкского района, подразделение по делам несовершеннолетних ОМВД России по Егорлыкскому району Ростовской области для установления контроля за поведением несовершеннолетнего и принятия превентивных мер по предупреждению совершения повторных преступлений и правонарушений;

9. обобщение судебной практики рассмотрения дел в отношении несовершеннолетних.

Статистика рассмотрения Егорлыкским районным судом уголовных дел с участием несовершеннолетних следующая: в 2007 году рассмотрено 10 дел в отношении 14 лиц, в 2008 году — 8 дел в отношении 8 лиц, в 2009 году — 8 дел в отношении 9 лиц, в 2010 году — 14 дел в отношении 15 лиц, в 2011 году — 5 дел в отношении 5 лиц, в 2012 году — 6 дел в отношении 9 лиц.

Таким образом, за период с 2007 по 2012 год судом рассмотрено 51 уголовное дело в отношении 60 несовершеннолетних. Общая доля уголовных дел с участием несовершеннолетних не превышает 11,5 % по отношению к общему количеству рассматриваемых уголовных дел за период 2009–2012 гг. Сопровождение дел осуществляется помощником судьи с функциями социального работника в отношении каждого несовершеннолетнего, включая потерпевших, с 2010 года ведется сопровождение несовершеннолетних по запросам мировых судей. Снижается количество осужденных судом несовершеннолетних: 2009 год — 37,5 %, 2010 год — 57,14 %, 2011 год — 60,00 %, 2012 год — 0 %. В период с 2007 по 2012 год доля лиц, состоящих на учете в подразделении по делам несовершеннолетних ОМВД России по Егорлыкскому району, Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации Егорлыкского района, составляет не более 23,3 %, наблюдается низкая доля рецидива — 11,6 %, выявлен единственный случай повторного совершения преступления после работы с помощником судьи с функциями социального работника (2011 год).

Среди несовершеннолетних в период с 2009 по 2011 год наблюдается рост количества лиц, употребляющих алкоголь, состоящих на учете у психиатра, детей, проживающих в неполных семьях, в том числе в семье с низким уровнем дохода и детей-сирот.

В зависимости от категории преступлений наблюдается рост преступлений средней тяжести (2007 год — 7,6 %, 2008 год — 8,7 %, 2009 год — 55,56 %, 2010 год — 60,00 %, 2011 год — 60,00 %, 2012 год — 100,00 %) и тяжких (2007 год — 1,7 %, 2008 год — 2,9 %, 2009 год — 33,33 %, 2010 год — 40,00 %, 2011 год — 40,00 %). Основными видами преступлений являются: причинение вреда здоровью различной степени тяжести, кража (ст. 158 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), преступления, связанные с наркотическими средствами (ст. ст. 228–231 УК РФ), нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), уклонение от прохождения военной службы и альтернативной гражданской службы (ст. 328 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). Совокупная доля преступлений против собственности (кража, грабеж) — составляет 85 %.

В отношении несовершеннолетних приговором суда назначались наказания: лишение свободы — 3,3 % от общего количества уголовных дел в отношении несовершеннолетних за 2007–2012 гг., лишение свободы (условно) — 20 %, штраф — 6,6 %, исправительные работы (условно) — 3,3 %, обязательные работы — 8,33 %. За рассматриваемый период к 3 несовершеннолетним применены принудительные меры воспитательного воздействия, в отношении одного назначены принудительные меры медицинского характера. Доля прекращения уголовных дел в соответствии со ст. 76 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) составляет 50 %.

Основными направлениями работы с несовершеннолетними в уголовном процессе стали: проведение примирительных процедур; оказание психологической помощи социальными службами по инициативе суда; установление отношений в семье; помощь в трудоустройстве. Всего от взаимодействия с помощником судьи с функциями социального работника отказались за 6 лет 9 несовершеннолетних (15 %).

На основании обобщения и анализа статистических данных можно сделать вывод о том, что при осуществлении уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних судом при применении ювенальных технологий реализуется лично-ориентированный подход, устраняются негативные тенденции в формировании и развитии личности несовершеннолетнего подсудимого, снижается количество осужденных судом, наблюдается статичность в показателях уровня рецидива среди несовершеннолетних, активно используются примирительные процедуры. Вместо карательных элементов при осуществлении правосудия судом применяются воспитательные, реабилитационные (профилактические) меры.

При вынесении обвинительного приговора преимущественно назначается наказание, не связанное с изоляцией от общества, условное осуждение. В судебном решении содержится индивидуальная реабилитационная программа несовершеннолетнего подсудимого. После вступления приговора суда в законную силу помощник судьи с функциями социального работника осуществляет ведение личного дела несовершеннолетнего для мониторинга его поведения и взаимодействует по каждому ребенку с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Также проводятся встречи с осужденным несовершеннолетним, его законным представителем, инспекторами подразделений по делам несовершеннолетних ОМВД России по Егорлыкскому району, представителями Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации Егорлыкского района и органа опеки и попечительства отдела образования Администрации Егорлыкского района, сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции с целью изучения поведения несовершеннолетнего осужденного, его исправления, в случае необходимости вносятся изменения в программу его реабилитации.

В Егорлыкском районном суде помощником судьи с функциями социального работника, а также психологом проводится работа и в отношении потерпевших несовершеннолетних в связи с тем, что ребенку необходима психологическая помощь и поддержка в процессе судебного разбирательства.

При отправлении правосудия по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, в обязательном порядке участвуют психологи и педагоги. Егорлыкским районным судом по каждому делу привлекается психолог Анна Николаевна Киреева (ГУ РО «Социально-реабилитационный центр») для проведения психологической диагностики несовершеннолетнего.

Результаты психологической диагностики заносятся в карту сопровождения несовершеннолетнего.

Помощь психолога требуется и в процессе подготовки гражданского дела к слушанию, в ходе его рассмотрения. В проводимом специалистом обследовании, тестировании участвуют обе стороны судебного разбирательства (истец и ответчик), в частности, родители ребенка, что позволяет достичь согласия по предъявляемым требованиям, разрешить спор с учетом интересов прежде всего ребенка.

Отметим, что эффективность ювенальных технологий весьма существенны, поэтому целесообразно ввести в штат суда должность психолога.

Егорлыкским районным судом в 2006 году с участием несовершеннолетних рассмотрено 31 гражданское дело; 2007 году — 47, в 2008 году — 32; в 2009 году — 28; в 2010 году — 22; в 2011 году — 18; в 2012 году (9 месяцев) — 16 (всего 194 дела).

Категории гражданских дел, рассматриваемых судьями за период с 1990 года по сентябрь 2012 года: о лишении родительских прав, об усыновлении (удочерении), об установлении отцовства, об определении места жительства ребенка, об установлении времени общения с ребенком, о признании записи об отцовстве недействительной, о нечинении препятствий в общении с ребенком, об ограничении родительских прав, о передаче ребенка на воспитание от одного родителя другому, об оспаривании отцовства, об изменении фамилии, об определении порядка участия в воспитании ребенка, об отмене усыновления, о восстановлении в родительских правах.

Изучение данных позволяет сделать вывод о том, что по сравнению с аналогичным периодом (1999–2005 гг.) с 2006 года по сентябрь 2012 года наблюдается рост исковых требований о лишении родительских прав (рост составил 5,63 %), об установлении времени общения с ребенком — 5,07 %, об установлении отцовства — 1,97 %, об усыновлении (удочерении) — 1,41 %. Снижение показателей отмечается по таким категориям, как установление усыновления на 5,35 %, о нечинении препятствий в общении с ребенком на 0,84 %, об отмене усыновления на 0,56 %, установление факта признания отцовства на 0,56 %.

Таким образом, применение ювенальных технологий в гражданском судопроизводстве обеспечивает защиту интересов несовершеннолетних по вопросам воспитания, проживания, установления или лишения родительских прав. При подготовке дела к судебному разбирательству вырабатывается общее понимание конфликта, варианты решения, позволяющие урегулировать спор, разрабатываются превентивные меры воздействия на родителей (беседы, предупреждения органа опеки и попечительства и др).

Составы по рассмотрению уголовных и гражданских дел в отношении несовершеннолетних Егорлыкского районного суда тесно сотрудничают с такими органами государственной власти и местного самоуправления, организациями, как прокуратура Егорлыкского района Ростовской области, Комиссия по делам несовершеннолетних, подразделение по делам несовершеннолетних ОМВД Рос-

сии по Егорлыкскому району Ростовской области, орган опеки и попечительства отдела образования Администрации Егорлыкского района Ростовской области, управление социальной защиты населения Администрации Егорлыкского района Ростовской области, ГУ «Центр занятости населения» Егорлыкского района Ростовской области, филиал по Егорлыкскому району ФКУ УИИ ГУФСИН РФ по Ростовской области, ГУ РО «Социально-реабилитационный центр» Егорлыкского района, муниципальная казачья дружина, отдел по работе с молодежью Администрации Егорлыкского района Ростовской области.

Взаимодействие осуществляется с момента поступления материалов в суд и продолжается после вынесения судебного решения как при рассмотрении уголовных, так и гражданских дел для обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Большая эффективность социализации несовершеннолетнего может быть достигнута посредством тесной взаимосвязи судебной процедуры и разработанных реабилитационных программ, взаимодействия суда с органами и учреждениями, организациями по вопросам защиты и охраны прав, законных интересов несовершеннолетних, профилактики их безнадзорности и правонарушений. Положительные результаты деятельности Егорлыкского районного суда по применению ювенальных технологий, и Ростовской области в целом, имеют важное значение для создания системы специализированных судов по защите прав и законных интересов несовершеннолетних в России.

Коллектив авторов настоящей статьи выражает благодарность за предоставление информации и статистических данных Председателю Егорлыкского районного суда Валентине Владимировне Степанцовой, судьям Сергею Алексеевичу Попову, Ирине Викторовне Колесниковой, Ольге Михайловне Поповой, помощнику судьи с функциями социального работника Ирине Сергеевне Катасоновой, а также директору Ростовского филиала ФГБОУ ВПО «Российская Академия Правосудия» Александру Васильевичу Гаврицкому и преподавателю факультета повышения квалификации и переподготовки судей, государственных гражданских служащих судов и Судебного Департамента Мариэтте Рубеновне Арутюнян.

Литература

1. *Полтавцева Л.И.* Ювенальная уголовная политика и ювенальная юстиция: проблема соотношения // Юрист-Правовед. Ростов-н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2010. № 4. С. 23–27.

2. *Ткачев В.Н.* Проблемы реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних: автореф. ... докт. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2007. 37 с.

References

1. *Poltavceva L.I.* Yuvenal'naya ugolovnaya politika i yuvenal'naya yusticiya: problema sootnosheniya // Yurist-Pravoved'. Rostov-n/D.: Rostovskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2010. № 4. S. 23–27.

2. Tkachev V.N. Problemy' realizacii ugovnoy politiki v otnoshenii nesovershennoletnix: avtoref. ... dokt. yurid. nauk. Rostov-n/D., 2007. 37 s.

E.M. Pavlenko,

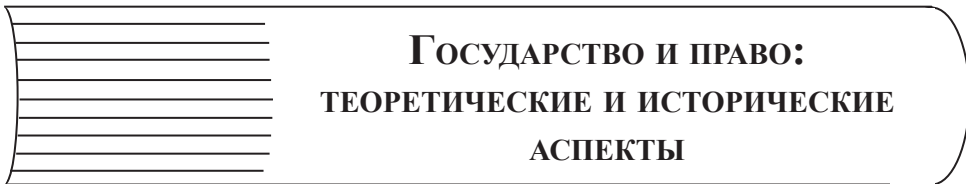
E.V. Pit'ko,

N.S. Shutikova

**Implementation of International Obligations of RUSSIAN FEDERATION
on the Establishment of a Specialized Juvenile Justice
(on Example of Egorlykskogo District Court of the Rostov Region)**

In article the group of authors considers a problem of execution by the Russian Federation of obligations for creation of specialized justice for the minors following from international treaties which participant is Russia, in particular Conventions of the UN on the rights of the child of 1989; pays attention to progressive experience of application of juvenile technologies and comes to a conclusion that positive results of activity of Egorlykskogo district court of the Rostov region as a whole in this sphere are important for creation of system of specialized courts on protection of the rights and legitimate interests of minors in Russia.

Keywords: the rights of the child; juvenile criminal policy; juvenile justice; up juvenile technology; a specialized juvenile justice.

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

А.В. Звонарев

**К вопросу о создании Сеймового Устава
Великого княжества Финляндского 1869 года**

Статья посвящена истории разработки и принятия Сеймового Устава Великого княжества Финляндского 1869 года. Рассматривается работа редакционных комиссий и рассмотрение положений Устава Финляндским императорским сенатом, генерал-губернатором, Комитетом финляндских дел и Сеймом княжества.

Ключевые слова: Сейм; Великое княжество Финляндское; Сеймовый Устав.

В 2013 году исполняется 150 лет одной из важнейших реформ, проведенных в царствование Александра II в Великом княжестве Финляндском, — воссозданию Сейма. Созыв в 1863 году Сейма, не собиравшегося с 1809 года, завершил так называемый «бессеймовый период» в истории Великого княжества Финляндского, положил начало целому ряду либеральных реформ, проведенных в этом крае в правление Александра II, и стал, по сути, первым этапом реформы народного представительства Великого княжества Финляндского. Вторым этапом можно считать разработку и принятие Сеймового Устава 1869 года, что стало возможным в результате большой законотворческой работы комиссии под руководством генерала Ю. М. Норденстама. Еще в январе 1864 года министр статс-секретарь А. Армфельт представил Александру II два доклада, в которых просил у государя разрешения образовать две редакционные комиссии. Первая комиссия создавалась для подготовки «проекта необходимых объяснений и дополнений к основным законам Великого княжества». Вторая комиссия должна была заняться реформой Финляндского императорского сената.

По мнению А. Армфельта, первой редакционной комиссии надлежало при подготовке законопроекта руководствоваться следующими положениями: «основными законами, коими определяются взаимные права и обязанности государя и народа, считаются Акт о форме правления от 21 августа 1772 года и Акт соединения и безопасности от 21 февраля 1789 года. Комиссия должна была «соединить помянутые два акта в один», «держась буквального смыс-

ла постановлений». Из нового основного закона, по мнению министра статс-секретаря, необходимо было исключить постановления о вероисповедании монарха, о престолонаследии, об управлении государством во время болезни и дальнего путешествия государя. В этих случаях в княжестве действовали бы законы империи. В то же время в новый закон необходимо было включить положения о том, что впредь займы не будут производиться без согласия земских чинов, что право Сейма по обложению податями будет расширено, и земским чинам будет возвращено право возбуждения предложений и т. п. Кроме того, А. Армфельд предлагал возложить на комиссию основных законов составленные редакции проекта «сеймового положения» — нового Сеймового Устава.

Вторая комиссия — комиссия по преобразованию Сената должна была преобразовать Судебный департамент Сената в высшее судебное учреждение с несменяемыми членами. Хозяйственный департамент предлагалось разделить на экспедиции, которые должны были «соответствовать министерствам». Главная задача этой комиссии, по мнению известного дореволюционного историка М.М. Бородинки, сводилась к тому, чтобы устранить из Сената генерал-губернатора. Ему предлагалось, однако, «наблюдать за сохранением интересов империи».

Согласие Александра II на создание комиссий было получено. Во главе первой комиссии был назначен ветеран войн на Кавказе генерал Ю.М. Норденстам, председателем второй комиссии стал барон Клинковстрем [1: с. 342]. По разным причинам и прежде всего из-за активного противодействия принятию данных проектов генерал-губернатора П.И. Рокасовского ни проект нового основного закона — Уложения для Великого княжества Финляндского, ни реформа Сената так и не были одобрены императором. Другая судьба сложилась у проекта нового Сеймового Устава.

Комиссия Ю.М. Нордстрема в течение двух месяцев подготовила проект Сеймового Устава, руководствуясь программой, высочайше утвержденной 7/19 декабря 1864 года. Согласно программе, Комиссия должна была внести в проект применимые узаконения из Устава государственного сейма от 24 января 1617 года, включить в проект из Устава для государственного сейма от 17 октября 1723 года правила, утвержденные к руководству решениями государственных сеймов, последовавшие после 1772 года, а также изложить образовавшиеся на практике порядки и обряды прежних сеймов, вошедшие в обычай и в закон. Комиссии разрешалось предложить правила, которые, основываясь на опыте сейма 1863 года и по убеждению комиссии, должны были привести «к упрощению и большей скорости в производстве дел, без упущения при том основательного и тщательного их рассмотрения».

Обращает на себя внимание п. 12 программы, в котором говорилось о том, что «право предложения законов или постановлений, издревле принадлежавшее земским чинам, возвращается им в таком виде, как оно ближе означено в п. 42 Формы правления 1772 года». То есть Сейму возвращалось право за-

конодательной инициативы, изъятое у земских чинов п. 6 Акта соединения и безопасности от 21 февраля 1789 года. Правда, за монархом сохранялось бы право инициативы по всем вопросам, касающимся изменений основных законов Великого княжества Финляндского [1: с. 512].

После того как комиссия завершила свою работу, в обсуждении проекта Сеймового Устава приняли участие Сенат, генерал-губернатор, Комитет финляндских дел и Сейм. Во время обсуждения проекта Устава звучали различные мнения, в том числе и критические. Больше всего замечаний поступало в адрес предложенного в проекте четырехсословного представительства, которое в середине XIX столетия многим казалось несвоевременным и отсталым. Высказывались мнения о том, что народное представительство должно основываться на общих выборах. Институт ответственности правительства перед народным представительством также отсутствовал в проекте Устава.

Звучали предложения расширить представительство в Сейме отдельных категорий населения княжества. Ректор Рейн при обсуждении вопроса о составе духовенства в дворянском сословии рекомендовал включить в предложения новый пункт, аргументируя свое заявление следующими соображениями: «Периодическая печать в империи часто не без основания осуждала то обстоятельство, что финские уроженцы православного вероисповедания у нас не пользуются теми же гражданскими правами, какими пользуются жители лютеране... Только настоящее высочайшее предложение проектирует для них это право, и надо надеяться, что к следующему Сейму исповедующие православную веру будут пользоваться правом выборов в сословия горожан и крестьян. Однако одного законоположения здесь нет. Лютеранская церковь, к которой принадлежит большинство жителей страны, имеет своих представителей на Сейме; но так как в стране находится более 40 000 православных, то их право на представительство в Сейме следует признать справедливым, поскольку оно зависит от законоположений Финляндии. Поэтому я предлагаю, чтоб и эта церковь имела право выбирать своего представителя в духовном сословии. А так как надо предполагать, что среди православного духовенства нет никого, кто был бы знаком с финским законоположением, то необходимо за ним признать право на передачу своих полномочий избранным лицам, хорошо знакомым с финскими законами. Такое предложение считаю, по совести, и справедливым». Однако предложение не было принято. Во время прений высказывалось мнение, что инициатива столь существенного изменения основных законов княжества должна исходить от монарха [1: с. 306].

Финляндский генерал-губернатор П.И. Рокасовский также высказал ряд замечаний по проекту Устава. В целом, П.И. Рокасовский считал «составление полного Сеймового Устава... полезным». Однако предлагал его «в некоторых частях переделать» [1: с. 534]. В частности, он не соглашался с некоторыми принципами, которыми руководствовались авторы проекта Устава, критиковал предложение депутатской неприкосновенности, закрепленный в п. 8 проекта Устава, согласно которому сеймовые депутаты за выраженные

ими мнения или другие действия не могли быть преданы суду или лишены свободы, если на то не последует согласие того сословия, к которому депутат принадлежит. Также он считал недостаточным исключение, которое предусмотрели авторы проекта, согласно которому сеймовый депутат мог быть привлечен к ответственности только в том случае, если он будет «по горячим следам уличен в тяжком преступлении или судом приговорен к лишению свободы». По мнению генерал-губернатора, нельзя было соглашаться с авторами проекта и в вопросе о разрешении противоречий, которые могли возникнуть при несовпадении позиций сословий и их предводителей по различным вопросам. Авторы проекта Устава в п. 35 предлагали передавать разрешение данных противоречий в Комиссию основных законов, состоящую из одних сеймовых депутатов. Генерал-губернатор предлагал решать данные противоречия «конференции тальманов, состоящей из ландмаршала и тальманов, как доверенных государем императором лиц, и из сеймовых депутатов».

Наконец, генерал-губернатор отвергал изложенное в п. 15 проекта установление, согласно которому сеймовым депутатом не мог быть тот, кто три последних года не был записан в мантиальные списки по Финляндии. При применении данной нормы к состоящим в российской военной службе финляндским дворянам последние могли быть лишены права заседать в сеймах. Поэтому, по мнению П.И. Рокасовского, в данном пункте проекта Устава необходимо было сделать оговорку, что данное правило не относится к дворянам, рожденным в Великом княжестве Финляндском, пока те состоят в российской военной службе [1: с. 537–538].

Одним из главных вопросов, который обсуждался в период подготовки и принятия Устава, стал вопрос о праве Сейма на законодательную инициативу. Руководствуясь п. 12 Программы, высочайше утвержденной 7/19 декабря 1864 года, комиссия Ю.М. Норденстама включила в проект Устава норму в соответствии, с которой Сейм получал право на законодательную инициативу. Это право было также закреплено в п. 40 подготовленного комиссией проекта Уложения для Великого княжества Финляндского. Когда же стало ясно, что проект Уложения не получит одобрения императора, то А. Армфельт в 1866 году подал докладную записку императору, в которой обосновал необходимость исключения данной нормы из проекта Сеймового Устава. По мнению А. Армфельта, император в своей речи на открытии Сейма 1863 года затронул тему возвращения Сейму права на законодательную инициативу. Поскольку император решил не представлять Сейму проект Уложения, то А. Армфельт просил разрешить убрать из проекта Сеймового Устава те пункты, в которых содержится упоминание о праве Сейма на законодательную инициативу. Император согласился на предложение министра статс-секретаря. По мнению О. Юссилы, с точки зрения будущих событий принципиально важным было то, что А. Армфельт не предложил добавить в проект Устава статью, в которой бы ясно говорилось о том, что Сейм не имеет права законодательной инициативы [3: с. 352–353].

Проект Сеймового Устава обсуждался на заседаниях Сейма в 1867 году. Земские чины выразили свое одобрение нового закона, а представители сословий (ландмаршал и тальманы) подписали его особо. Император поставил свою подпись только 3 (15) апреля 1869 года. Однако в Сеймовом Уставе ранее подписи Александра II появилась вставка со ссылками на Форму правления 1772 года и Акт соединения и безопасности 1789 года: «Сохраняя за Собою принадлежащее Нам право в том виде, как оно установлено в Форме правления от 21 августа 1772 года и в Акте соединения и охранения от 21 февраля и 3 апреля 1789 года и не изменено точными словами в вышеизложенном Сеймовом Уставе, Мы высочайше одобряем и утверждаем сей Устав как ненарушимый основной закон». Таким образом, император впервые в нормативном правовом акте признавал, что в Финляндии действуют и Форма правления 1772 года, и Акт соединения и безопасности 1789 года.

Еще М.М. Бородкин отметил, что в 1867 году после одобрения в Сейме Устав вышел без этой утвердительной приписки. Историк изучил сохранившийся в делах архива Статс-секретариата шведский текст Сеймового Устава и обнаружил, что весь текст написан одной рукой, а утвердительная приписка — другой. То же самое М. М. Бородкин увидел при изучении перевода Устава на русский язык. Весь перевод был написан одним почерком, а приписка — другим. По мнению М. М. Бородкина, утвердительная приписка в Сенате и на Сейме не устанавливалась и не обсуждалась, а появилась в статс-секретариате и «притом в последний момент, непосредственно перед поднесением Устава к подписи государя» [1: с. 307].

В результате дальнейшего исследования М.М. Бородкин обнаружил в архиве Статс-секретариата копию документа на шведском языке, никем не подписанную и без всякой даты. В конце документа было написано: «Против предложенного Сенатом введения я ничего не имею возразить, но недостает проекта самого утверждения, и мне кажется, что Сенат мог также дать к этому повод. Поэтому я позволю себе следующее изложение в надежде, что кто-нибудь другой сделает это лучше». Далее в документе шел текст, почти дословно соответствующий тексту, вставленному в Сеймовый Устав перед подписью императора. Позже М.М. Бородкин обнаружил аналогичный документ на русском языке, озаглавленный: «промемория Брунера». На основании этого М.М. Бородкин предположил, что идея утвердительной приписки принадлежала сенатору Ф.О. Брунеру, который входил в состав Комитета финляндских дел при Статс-секретариате и, следовательно, внушил эту мысль А. Армфельту, который, без согласия Сейма и Сената, внес приписку в текст Сеймового Устава [1: с. 307–308].

Мотивы, которыми руководствовался Ф.О. Брунер, предлагая включить в текст проекта утвердительную приписку, М.М. Бородкин находит в той же «промемории». Ф.О. Брунер пишет: «Ныне уже невозможно оставить проект Сеймового Устава без того, чтобы не пострадало уважение и доверие к императору и его слову, чего более всего необходимо избегать. Император сам

в своей речи указал, что основные законы требуют улучшения и пояснения. С этой целью им предложен Сеймовый Устав, который принят земскими чинами без существенных изменений... Если бы все осталось без последствий, то дело приняло бы вид кукольной комедии, недостойной верховной власти, и чего в начале вовсе не предполагалось. Конечно, порицание и негодование прежде всего пало бы на советников государя, но и на него самого ляжет тень, которую впоследствии нелегко будет устранить». М.М. Бородкин считал, что этими строками Ф.О. Брунер пытался воздействовать на самого А. Армфельта, который заколебался перед докладом императору, помня, что Александр II отказался утвердить проект Уложения, с которым было связано происхождение и содержание Сеймового Устава [1: с. 308].

С мнением М.М. Бородкина не вполне соглашается современный финский историк О. Юссила. Он считает, что М.М. Бородкин полностью игнорировал существенный вопрос о праве Сейма на законодательную инициативу. Согласно точке зрения О. Юссилы, основная тенденция «промемотии Ф.О. Брунера» состояла в том, чтобы показать, что в одобренном Сеймом проекте Устава отсутствовала норма о предоставлении Сейму права законодательной инициативы. По мнению автора «промемотии», распространенное мнение, будто бы оно предоставлено в статье 72 проекта, являлось чистой воды «адвокатурой» [3: с. 354].

Как считает О. Юссила, вопрос о праве законодательной инициативы был именно тем моментом, который на заключительном этапе мог погубить все дело. Обещанное императором право на законодательную инициативу комиссия Ю.М. Норденстама включила в проект Устава, но затем оно было удалено по предложению А. Армфельта в 1866 году. «Однако тогда, — пишет О. Юссила, — не было четко сказано, что у Сейма нет права инициативы в отношении обычных законов. Если бы такое добавление было сделано в последний момент, в начале 1869 г., то весь вопрос нужно было отложить до следующего заседания государственного Сейма. Такая задержка могла бы поставить под угрозу успех всего дела в целом». Статья 6 Акта о соединении и безопасности 1789 года устанавливала, что Сейм во время созыва не рассматривает иные вопросы, кроме тех, которые представил монарх. Поэтому, считает О. Юссила, Ф.О. Брунер и предложил добавить разъясняющий пункт в заключительную часть Сеймового Устава, чтобы избежать неправильной трактовки и дезавуировать обещание императора [3: с. 355].

Однако точка зрения О. Юссила тоже оставляет сомнения. Высочайше утвержденная 7/19 декабря 1864 года программа для руководства комиссии Ю.М. Норденстама была документом секретным и о ее содержании знал ограниченный круг лиц. Право на законодательную инициативу было исключено из проекта Устава до обсуждения его на Сейме созыва 1867 года. В высочайшем предложении о новом порядке созыва сеймов право на законодательную инициативу не упоминалось. Сейм одобрил проект. Можно, конечно, сомневаться, в профессиональной компетенции земских чинов, но вряд ли можно

было бы обмануть или ввести в заблуждение всех. Другое дело, что после утверждения проекта Сеймового Устава и окончания работы Сейма 1867 года прошло уже свыше полутора лет. Еще в январе 1868 года Устав был одобрен Сенатом Великого княжества Финляндского. Наступил 1869 год, а государь все еще не подписал закон. Если бы Сеймовый Устав постигла судьба проекта Уложения или проекта реформы Сената, то тогда бы «уважение и доверие к императору» могло пострадать. Поэтому Ф.О. Брунер и подталкивал А. Армфельта к более активным действиям.

Можно было обойтись без упоминания в Сеймовом Уставе о Форме правления 1772 года и Акта о соединении и безопасности 1789 года, так как в самом Сеймовом Уставе, например, в статье 71, есть упоминание о Форме правления. Но текст утвердительной записки был принципиально важен для представителей княжества, таким образом, впервые император признавал Форму правления 1772 года и Акт соединения и безопасности 1789 года действующими нормативными правовыми актами. Вопрос же о наделении Сейма правом законодательной инициативы по неосновным законам Великого княжества Финляндского не был окончательно закрыт в связи с одобрением Сеймового Устава государем. Позже этот вопрос будет не раз обсуждаться и при Александре II и при Александре III, пока положительно не будет решен в 1886 году.

Интересное толкование резолюции Александра II на утверждение Сеймового Устава 1869 года давал в своем заключении от 1 августа 1890 года на проект Формы правления комитета А.Б. фон Вейсенберга в 1885 году главноуправляющий Кодификационного отдела при Государственном совете Э.В. Фриш: «Эта высочайшая надпись, по точному и буквальному своему смыслу, имеет в виду сохранение и подтверждение, установленных законами 1772 и 1789 гг. и в особенности последним из них прерогатив верховной власти, но ни коим образом не дает оснований к делаемому из оной комитетом выводу о сохранении в полной силе всех почти положений Формы правления 1772 г. и Акта соединения и безопасности 1789 г., хотя бы эти положения были изменены последующими узаконениями, изданными после 1809 г.» [2: с. 9].

С принятием Сеймового Устава 1869 года, нового Основного закона княжества, укрепились и получили дальнейшее распространение представления национальной финляндской политической элиты о существовании особого «финляндского государства». Регулярные созывы Сейма, собственного законодательного органа, представлявшего интересы всех сословий княжества, стали одним из «краеугольных камней» учения о финляндском государстве. Сейм внес огромный вклад в развитие финляндского законодательства. Сеймом были приняты Сеймовый Устав 1869 г., Устав о воинской повинности 1878 г., Уголовное уложение Великого княжества Финляндского 1892 г., Устав о взысканиях гражданских 1895 г., Конкурсный устав 1868 г. и десятки других законов.

Литература

1. *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время императора Александра II. СПб.: Государственная типография, 1908. XVIII + 571 с.
2. Заключение по проекту основных законов Великого княжества Финляндского: «формы правления» и «сословных привилегий», выработанному особым учреждением, по высочайшему повелению 9/21 марта 1885 г., комитетом в г. Гельсингфорсе. [б.м.]: [б.г.]. 100 с.
3. *Юссила О.* Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки: Ruslania Book Oy, 2009. 844 с.

References

1. *Borodkin M.M.* Istoriya Finlyandii. Vremya imperatora Aleksandra II. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1908. XVIII + 571 s.
2. Zaklyuchenie po proektu osnovny'x zakonov Velikogo knyazhestva Finlyandskogo: «formy' pravleniya» i «soslovny'x privilegij», vy'rabotannomu osoby'm uchrezhdeniem, po vy'sochajshemu povelениyu 9/21 marta 1885 g., komitetom v g. Gel'singforse. [b.m.]: [b.g.]. 100 s.
3. *Yussila O.* Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe 1809–1917. Hel'sinki: Ruslania Book Oy, 2009. 844 s.

A.V. Zvonaryov

To the Issue of the Development of the Sejm Statute of The Grand Duchy of Finland of 1869

The article is devoted to the development and adoption of the Sejm Statute of the Grand Duchy of Finland of 1869. The work of editorial committees and the provisions of the Statute by the Finland Imperial Senate, the Governor-General, the Committee of Finnish Affairs and the Diet of the principality is considered.

Keywords: The Sejm; The Grand Duchy of Finland; Sejm Statute.

В.А. Северухин

К понятию и содержанию «системных или структурных проблем» в Российской Федерации

В статье сделана попытка раскрыть признаки и содержание «системных» проблем не только с позиции Европейского Суда по правам человека, но и дать оценку этой проблемы в целом в Российской Федерации.

Ключевые слова: системные, структурные проблемы; аналогичные, клоновые жалобы; массовые, повторяющиеся и длящиеся нарушения.

Сам термин «системные или структурные проблемы» впервые появился и был использован в практике Европейского суда по правам человека (далее Европейский суд) в 2004 году. Суд, реагируя на большое количество дел, возникающих в отношении некоторых стран, вследствие имеющихся у них системных или структурных государственных проблем начал применять процедуру так называемых «пилотных постановлений». Результатом такой процедуры стало обнаружение в рамках отдельного дела системных проблем, которые приводят к нарушениям Европейской конвенции по правам человека. В этом случае Суд предписывал в постановлении принять необходимые меры по исправлению ситуации, которая привела к массовому нарушению Конвенции. Процедура пилотных постановлений дает возможность государствам-ответчикам не только принять необходимые меры индивидуального и общего характера по исполнению постановления Суда, но и побуждает государство-ответчик к разрешению на внутривнутригосударственном уровне подобных дел, а также усиливает действие принципа субсидиарности, который лежит в основе Конвенции. Суть процедуры пилотных постановлений состоит также в том, что аналогичные, клоновые жалобы рассматриваются Европейским судом в ускоренном и упрощенном порядке (разрядка. — *В.С.*).

Первое пилотное постановление Европейским судом было вынесено еще 22 июня 2004 года по жалобе № 31443/96 «Брониовский против Польши». Суть дела: заявителю не выплачивалась польскими властями компенсация за экспроприацию земли ввиду изменения государственных границ после Второй мировой войны. Европейский суд, установив нарушение прав собственности, отложил рассмотрение вопроса и призвал государство-ответчика предпринять наряду с индивидуальными мерами по делу заявителя меры общего характера. Подобные меры восстановили бы права примерно 80 000 потенциальных

заявителей, которые находились в аналогичной ситуации. Польша в короткие сроки выполнила свои обязательства по постановлению Европейского суда и заключила с заявителем мировое соглашение, что позволило Суду исключить жалобу из списка рассматриваемых дел¹.

В январе 2009 года Европейский суд вынес первое пилотное постановление в отношении Российской Федерации в связи с систематическим неисполнением или длительными задержками исполнения решения национальных судов. По делу «Бурдов против России» (№ 2) Суд обязал власти Российской Федерации в течение шести месяцев с момента вступления Постановления в силу создать эффективное внутригосударственное средство (или комплекс средств) правовой защиты в целях обеспечения быстрого и адекватного восстановления нарушенных прав не только самого Бурдова, но и других заявителей по аналогичным нарушениям Конвенции по защите прав человека и основных свобод. Суд приостановил на один год, до принятия Российской Федерацией необходимых мер, рассмотрение аналогичных дел. Суть жалобы Бурдова в следующем. Он участник мероприятий по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. С конца 90-х годов российские суды удовлетворяли его требования о выплате различных денежных пособий, положенных ему, как «ликвидатору». Однако три судебных решения, вынесенных в пользу заявителя, не исполнялись в течение четырех лет. Европейский Суд в своем втором постановлении по этому делу отметил длительность неисполнения российскими властями решений национальных судов и отсутствие внутригосударственных эффективных средств правовой защиты (разрядка. — *В.С.*) от указанных нарушений. Европейский суд применил процедуру пилотного постановления ввиду повторяющихся нарушений, лежащих в их основе проблем, а также широкий круг лиц, которых касаются эти нарушения. К их числу суд отнес не только права жертв Чернобыля, но и права пенсионеров, инвалидов, детей и военнослужащих, а также лиц, которые пострадали за необоснованное уголовное преследование.

Европейский суд предложил властям Российской Федерации в течение шести месяцев с момента вступления в силу этого решения создать эффективное внутригосударственное средство правовой защиты или комплекс таких средств, которые смогут обеспечить быстрое и адекватное восстановление нарушенных прав. Российское государство обязали в течение года обеспечить восстановление прав всех пострадавших от невыплаты или длительных задержек в выплате сумм, которые оно задолжало по всем судебным решениям до вынесения настоящего постановления. Европейский суд приостановил на один год производство по всем делам, касающимся неисполнения или длительного неисполнения судебных решений, обязывающих российские власти к выплате денежных сумм.

¹ http://www.alleuropa.ru/old/index5271.html?option=com_content&task=view&id=1008
(Дата обращения: 04.01.2013 г.)

Пилотные постановления Европейского суда включают в себя две позиции. Первая — решение по делу конкретного заявителя. Вторая — требования к властям государств-ответчиков устранить причины, которые повлекли массовые, повторяющиеся и длящиеся нарушения (разрядка. — *В.С.*). Фактически это требование по совершенствованию национального законодательства или практики его применения. Оно по своей модели напоминает частное определение российских судов, выносимое в адрес организаций для устранения причин и условий, породивших правонарушения. Необходимо подчеркнуть, что выполнение требования российского суда является обязательным для организации, и она обязана устранить отмеченные судом недостатки и проинформировать его об их выполнении. Аналогичная ситуация и по решениям Европейского суда, обязательную силу решений которого подчеркивает Европейская конвенция. Надзор за исполнением этих решений осуществляется Комитетом министров Совета Европы. (ст. 46 Европейской конвенции).

Следствием сделанных Европейским судом выводов, связанных с нарушением прав и свобод человека, гарантированных Европейской конвенцией, должно стать устранение причин выявленного нарушения. Государство-ответчик без ущемления своего суверенитета самостоятельно определяет пути, способы и средства, а также сроки устранения причин нарушения Конвенции. Комитет министров Совета Европы вправе контролировать устранение государством-ответчиком нарушений, отмеченных в решениях Европейского суда.

Надо отметить, что власти Российской Федерации предприняли определенные меры по устранению выявленных в пилотном постановлении Европейского суда нарушений Конвенции. Так, Верховный суд в 2008 году внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального Конституционного закона «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки, и право на исполнение в разумные сроки в результате неисполнения властями вступивших в законную силу судебных актов». Это была попытка создания в Российской Федерации внутригосударственного средства правовой защиты от нарушения права на справедливое судебное разбирательство в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения вступившего в законную силу судебного решения.

Масштабы неисполнения судебных решений в Российской Федерации огромны и носят массовый характер. Так, по данным Общественной приемной при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, лишь в Воронежской области за 2009 год несвоевременно были исполнены более ста тысяч решений по выплате детских пособий и более 200 000 решений по пенсионным выплатам¹.

Учитывая актуальность изложенных проблем, было принято совместное Постановление Пленумов Верховного суда РФ и Высшего Арбитражного суда

¹ <http://www.ikd.ru/node/8427>. (Дата обращения: 10.01.2013 г.)

РФ № 30/64 от 23.12.2010 г. [1]. Однако проблему решить не удалось в связи с отсутствием взаимодействия законодательной и исполнительной властей. При этом следует подчеркнуть, что характер этого взаимодействия должен быть основан на конституционном принципе разделения властей, учитывая и то, что в российской реальности исполнительная власть фактически доминирует над законодательной и судебной властями.

Неисполнение вступивших в законную силу судебных решений подрывает у населения доверие к государственной власти и усиливает рост социальной напряженности. Естественно, не все пострадавшие обращаются в Европейский суд, но сотни таких жалоб все же доходят до Суда, и, как известно, Россия находится в числе лидеров по количеству поступивших и удовлетворяемых Судом заявлений.

Федеральный закон «О компенсации на судопроизводство в разумный срок или право на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ, который был принят во исполнение пилотного Постановления Европейского суда по делу «Бурдов против России № 2» жалоба № 33509/04 от 15.01.2009 г., в течение двух лет его действия показал свою неэффективность. Постановлением по делам «Илюшкин и другие против России, жалобы №№ 5734/08 и др.» Европейский суд признал, что данный федеральный закон «не оправдал всех возложенных на него ожиданий, так как позволяет получить компенсацию за нарушение права на исполнение только и исключительно «судебного акта, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации», но не судебных актов, которое государство обязано исполнять в «натуре»¹. Европейский суд фактически признал, что во всех случаях, когда речь не идет об обращении взыскания на средства бюджетов, лица, в пользу которых приняты соответствующие судебные акты, по-прежнему лишены каких-либо эффективных внутренних средств правовой защиты и вынуждены обращаться в Европейский суд.

По делам «Илюшкин и другие против России» заявителями были военнослужащие, в пользу которых национальные суды приняли решение об обеспечении их жильем. Эти решения не исполняются от двух до десяти лет.

В этом решении Суд вновь констатировал нарушения прав заявителей по целому ряду статей Конвенции и Протокола № 1 к Конвенции. И так же, как в Постановлении по делу «Бурдов против России (№ 2)», признал, что Российской Федерацией нарушена ст. 13 Конвенции в связи с отсутствием эффективных внутренних средств правовой защиты (выделено автором) от чрезмерно длительного неисполнения судебных решений. Аргументы российской стороны, изложенные ею ранее при рассмотрении дела «Бурдов против России (№ 2)», вновь были отвергнуты.

10 апреля 2012 года Европейский Суд объединил ряд дел в производство «Герасимов и 14 других жалоб против России» (жалобы №№ 29920/05 и др.),

¹ См.: <http://europeancourt.ru/2012/04/17/10040/> (Дата обращения: 15.01.2013 г.)

которые также свидетельствуют об отсутствии эффективных внутренних средств правовой защиты от чрезмерно длительного неисполнения судебных решений, не предусматривающих «обращение взыскания на средства бюджетов», но требующих исполнения государством. Эти жалобы касались неполадок в сфере жилищно-коммунального хозяйства, обеспечения жильем, выделения субсидий и др. Подобных жалоб, находящихся на рассмотрении Суда, около 500. В связи с этим Европейский суд в очередной раз призвал власти Российской Федерации рассмотреть проблему, которая свидетельствует об отсутствии эффективных внутренних средств правовой защиты от чрезмерного длительного неисполнения судебных решений.

Таким образом, системные или структурные проблемы — это повторяющиеся нарушения длящегося характера, охватывающие широкий круг лиц (разрядка. — *В.С.*), причиной которых являются недостатки в законодательстве государства или практики его применения. По мнению профессора А.И. Ковлера, к этим проблемам относятся:

- неисполнение судебных решений по социальным вопросам (пенсии, пособия, предоставление квартир);
- отмена надзорной инстанцией вступивших в законную силу судебных решений (гражданская процедура);
- практически автоматическое заключение под стражу в качестве меры пресечения по уголовным делам;
- нарушение процессуальных гарантий при избрании меры пресечения;
- условия содержания в СИЗО;
- неэффективность следствия по так называемым «чеченским делам» (преступления военнослужащих, исчезновения родственников заявителей и самих заявителей)¹.

Перечень проблем системного характера, который был дан А.И. Ковлером еще в июне 2006 года, охватывает в большей мере проблемы, которые просматриваются с позиции Европейского суда. На наш взгляд, проблемы системного характера значительно шире. Они охватывают социальную и экономическую сферу государства, его правовую систему, сферу правоприменения. Результатом именно системных нарушений следует рассматривать системную коррупцию государственного аппарата, массовые нарушения прав человека и гражданина, отсутствие свободы средств массовой информации и др. Однако относить все правонарушения и преступления, происходящие в стране за счет системных или структурных проблем, было бы неправильно. Правонарушения имеют место в любом государстве. Дифференцировать эти правонарушения от правонарушений и преступлений, которые порождают так называемые системные проблемы, является задачей не только юридической науки, но и политологии, экономики и др., которые должны вооружить новыми выводами исполнительную власть для устранения тех «системных

¹ См.: <http://www.espch.ru/content/view/145/34/> (Дата обращения: 15.01.2013 г.)

или структурных проблем», на которые указывает Европейский суд по правам человека.

О том, что ряд массовых и делящихся правонарушений в нашей стране являются результатом недостатков деятельности государственного аппарата или, по терминологии Европейского суда, «системными или структурными проблемами», понимают не только ученые, но и подавляющее большинство населения, а также руководители государства. Однако понимание проблемы есть, а реальных мер по ее решению нет. Свидетельством этого является небольшой, но очень важный и показательный пример — это порядок рассмотрения обращений граждан. В соответствии со здоровой логикой и действующим законодательством их нельзя направлять тем лицам, действия которых обжалуются. Однако повсеместно это требование нарушается, и это прекрасно известно населению и власти.

Ряд норм федеральных нормативных правовых актов не соответствуют прежде всего принципам Конституции Российской Федерации, не говоря уже об актах субъектов федерации. Причины такого явления известны, как отмечалось неоднократно в юридической литературе, нарушен принцип разделения властей, доминирует исполнительная власть. Формирование гражданского общества в нашей стране протекает достаточно медленно, общественный контроль за деятельностью государственных органов практически отсутствует. Коррупция носит системный и делящийся характер. Этот перечень можно было бы продолжить.

При такой ситуации количество жалоб в Европейский суд по правам человека будет увеличиваться и не исключены новые пилотные постановления Европейского суда в адрес Российской Федерации.

К настоящему времени сложилась следующая ситуация. Решения Европейского суда признаются и исполняются, но лишь в части исполнения требований лица, в пользу которого был принят соответствующий «судебный акт, предусматривающий обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации», но не иных судебных актов, которые государство обязано исполнять «в натуре».

Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) призвала Россию «демократизировать систему» в стране. В резолюции от 2 октября 2012 года ПАСЕ заявило, что Россия переживает «уникальный период» в своей краткой истории развития демократии, что ей необходимы ощутимые реформы, чтобы воспользоваться потенциалом «стремления к переменам» порожденного проявленной после недавних выборов волей граждан к действиям, пробуждениям активности гражданского общества и готовности властей отозваться на призывы к реформам. Ряд законов, принятых с декабря 2011 года, таких как поправки к закону о политических партиях, внесение изменений в избирательное законодательство и восстановление прямых выборов губернаторов, представляют собой, по мнению ассамблеи, «позитивные шаги», демонстрируют намерения либерализовать систему и сделать ее более демократической.

В то же время, по мнению этой организации, вызывают «серьезную озабоченность» принятые в июне – июле 2012 года четыре закона: о криминализации клеветы, об Интернете, поправки в закон о митингах и закон об НПО [2: с. 1].

В позиции ПАСЕ, ее комментариях и рекомендациях фактически нет ничего нового. Недостатки российской государственности «изнутри» понимаются гораздо глубже и всесторонне.

Итак, в реформировании нуждается прежде всего политическая система России. Что касается правовой системы, то она также должна быть реформирована в масштабах значительно более широких, чем это обозначено в постановлениях Европейского суда и решениях парламентской ассамблеи Совета Европы.

Литература

1. Совместное Постановление Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ № 30/64 от 23 декабря 2010 года «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. 2011. 14 января.
2. Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 11. 18 с.

References

1. Sovmestnoe Postanovlenie Plenumov Verxovnogo Suda RF i Vy'sshego Arbitrazhnogo Suda RF № 30/64 ot 23 dekabrya 2010 goda «O nekotory'x voprosax, vznikayushhix pri rassmotrenii del o prisuzhdenii kompensacii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumny'j srok i prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumny'j srok» // Rossijskaya gazeta. 2011. 14 yanvary.
2. Byulleten' Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. Rossijskoe izdaniye. 2012. № 11. 18 s.

V.A. Severuxin

To the Concept and Contents of the «Systemic or Structural Issues» in the Russian Federation

There is an attempt in article to reveal the features and contents of the “systemic” problems, not only with the position of the European Court of Human Rights, but also to assess this issue as a whole in the Russian Federation.

Keywords: systemic structural problems; similar; clonal complaints; the massive; repetitive and continuing violations.

М.В. Яровая

Современная судебная система Англии и Уэльса (часть II)

Во II части статьи рассматриваются суды специальной юрисдикции и квази-судебные органы.

Ключевые слова: современная судебная система Англии и Уэльса; антимонопольный суд; суды коронеров; военные суды; канонические суды.

В Англии и Уэльсе широко представлены специализированные суды¹ и внесудебные органы (quasi-judicial agencies)², в Англии их свыше 200 (с правом подачи апелляций в палаты Высшего Суда Правосудия). Они имеют различные компетенции, некоторые из них носят название трибуналов, что подчеркивает их «второстепенное» значение по сравнению с судами общей юрисдикции. К таким органам можно отнести: Юридический комитет Тайного совета (Judicial Committee of the Privy Council), антимонопольный суд (Restrictive Practices Court), суды коронеров (включая Королевского коронера) (coroners court, inquest), военные суды (courts martial), канонические суды (Ecclesiastical Court), суд протекции (court of protection), суды расследования (inquiries board), суд по рассмотрению жалоб на ограничение свободы предпринимательства (Restrictive Practices Court), избирательный суд, опекунский суд (Court of Protection), третейские суды и трибуналы, промышленные трибуналы, Апелляционный трибунал по трудовым спорам; трибуналы по делам социального страхования, по делам о подоходном налоге, по делам землевладения, по делам об аренде, патентный трибунал, трибуналы по спорам об авторском праве, медицинские трибуналы и внутренние трибуналы [1: с. 243–256].

Судьи Верховного суда Королевства (допускается совместно с судьями заморских территорий) образуют Юридический комитет Тайного совета (его относят к специализированному суду). На таком уровне рассматриваются жалобы на решения Верховных судов заморских территорий и государств —

¹ Суды специальной юрисдикции предназначены для рассмотрения некоторых категорий дел, требующих особой специализации судей (не обязательно профессиональных); именно поэтому они и наделены особыми полномочиями и функциями. Считается, что юрисдикция судов специальной юрисдикции обычно распространяется лишь на определенных представителей общества, которые, как предполагается, согласны подчиниться этой юрисдикции, хотя в некоторых случаях она распространяется на всех членов общества.

² Квазисудебные учреждения — это органы, отправляющие правосудие как специальными лицами, не являющимися профессиональными судьями (и даже юристами), так и с привлечением профессиональных судей.

членов Содружества, поскольку эти государства не исключают подачи такой жалобы.

подавляющее большинство гражданских дел рассматривается не в английских судах общей юрисдикции, а главным образом в третейских судах (арбитражах) и трибуналах.

В настоящее время в Англии на основе как общих (статут о трибуналах и расследованиях 1971 г.), так и специальных актов (Правила трибунала по делам об изъятии недвижимости 1975 г., Правила Апелляционного трибунала по трудовым спорам 1980 г., Правила промышленных трибуналов 1985 г.) функционируют промышленные трибуналы, рассматривающие трудовые споры о неправильном увольнении, об отказе в выплате пособий по беременности и родам и др. Они были учреждены в 1964 году в составе трех членов (под председательством профессионального юриста). Решения промышленных трибуналов могут быть обжалованы в Апелляционный трибунал по трудовым спорам, учрежденный в 1975 г. Он состоит из судей Высокого суда или Апелляционного суда и дополнительных членов трибунала — специалистов либо представителей предпринимателей и работников. Апелляционный трибунал рассматривает также жалобы на постановления административных органов относительно регистрации профсоюзов и по другим вопросам трудовых отношений.

Деятельность различных третейских судов по разрешению правовых споров осуществляется на основе законов об арбитраже 1950 г., 1979 г., 1995 г. Особенностью постановлений третейских судов является отсутствие обязательной юридической силы; принудительное исполнение их решений допустимо лишь с санкции судей судов общей юрисдикции. Часто стороны, занятые в сфере совместной деятельности, обращаются не в суд, а передают свои споры для разбирательства в третейский суд, или арбитраж, что относится к альтернативным внесудебным процедурам. Особенности третейских судов заключаются в следующем: споры рассматриваются не публично (т. е. при закрытых дверях), соглашение передать дело на разрешение третейского суда в праве Англии рассматривается как обыкновенный контракт (если в контракте стороны договорились обратиться в третейский суд и одна из сторон обращается в суд общей юрисдикции, то это рассматривается как нарушение контракта).

Процессуально виды арбитража различают: по определению качества товаров и услуг (качество продукции и соблюдение стандартов торговых процедур), а также технический арбитраж (интерпретации положений нормативных документов, определяющих условия торговли товарами или предоставления услуг потребителям). Арбитраж также отличается от технического арбитража и тем, что в арбитраже по качеству не обязательно присутствие профессионального адвоката (барристера), а также чтобы арбитр имел профессиональную юридическую подготовку. Достаточно присутствия эксперта по данному вопросу. Арбитраж по нормативным актам (технический) связан с интерпретацией положений нормативных документов, определяющих условия торговли товарами или предоставлением услуг.

Смешанный арбитраж тоже имеет место, когда необходимо разобраться не только в качестве товаров или услуг, но и связать их оценку с толкованием той или иной нормы, содержащейся в контракте.

Арбитр назначается соглашением сторон. Он не может быть связан деловыми и партнерскими отношениями со сторонами. Должен обладать опытом и знаниями о предмете спора. Каждая сторона может назначить арбитром, кого считает нужным. В таком случае арбитры выбирают третьего (посредника), который должен будет рассудить их, если они не придут к решению. Выбирая арбитра, стороны консультируются с деловыми центрами, такими как лондонская Торговая палата, Сити-корпорация и Институт арбитров. Они объединяются в рамках лондонского Арбитражного суда. В обязанности арбитра входит честное разрешение спора по нормам права и торговым обычаям. Арбитр обладает определенными полномочиями по истребованию доказательств и вызову свидетелей. Также дано право обращаться в Высокий суд, который может обязать свидетеля явиться в суд. Показания в Арбитражном суде даются под присягой, а дача ложных показаний преследуется по закону.

Преимущества арбитражного порядка рассмотрения споров: низкая стоимость разбирательства по сравнению с судебной процедурой; стороны сами решают вопрос о том, где и когда должно состояться разбирательство; порядок определения арбитра гарантирует доверие сторон и конфиденциальность; арбитражная процедура характеризуется атмосферой компромисса; решение оставляет простор для будущих переговоров; быстрота арбитражного разбирательства; арбитражи призваны заменить суды.

К недостаткам арбитражного разбирательства в третейских судах можно отнести следующие: не все арбитры выносят обоснованные решения; стороны не представлены профессиональными адвокатами; поспешность разбирательства; арбитр может принимать свое решение; закрытый характер разбирательства; стороны, идущие на арбитражное решение споров, не всегда представляют последствия решения; юридическая помощь в арбитражном процессе не гарантируется. Основным недостатком системы третейских судов в Англии можно считать высокий процент (около 25 %) неисполненных судебных решений [1: с. 282–296].

Особое место среди учреждений специальной юрисдикции занимает Суд по рассмотрению жалоб на ограничение свободы предпринимательства (Restrictive Practices Court), учрежденный в 1956 году. Он рассматривает соглашения о ценах и условиях поставок товаров и услуг, с тем чтобы не допустить монополизации производства и торговли, а тем самым и искусственного удержания высокого уровня цен. Суд рассматривает иные жалобы на нарушения правил добросовестной торговой практики, а также разбирает просьбы об освобождении от налогообложения какого-либо вида товаров по соображениям общественного интереса. Суд состоит из трех судей Высокого суда, одного судьи Сессионного суда Шотландии, одного судьи Верховного суда

Северной Ирландии, а также 10 других лиц, назначаемых на три года из специалистов по вопросам производства и торговли. Дела в нем обычно рассматривают коллегии из одного профессионального судьи и двух специалистов.

Коронерские суды создаются по мере необходимости для официальной проверки фактов в случае наступления неестественной (криминальной) смерти человека, а также для проведения расследования в случае обнаружения клада. В коронерских судах могут быть использованы присяжные с целью решения вопроса о причине смертей, произошедших в тюрьмах, в следственных изоляторах, на производстве. Процесс в коронерских судах носит скорее инквизиционный характер.

Юрисдикция военных судов распространяется на лиц, находящихся на военной службе. Военные суды армии и военно-воздушных сил имеют одинаковую организацию и единый процесс. Военные суды формируются не менее чем из трех (а общие военные суды — не менее чем из пяти) офицеров, в помощь которым назначается судья-адвокат из департамента судьи генерального адвоката. Военные суды рассматривают дела о правонарушениях, совершенных военнослужащими, — дела о неповиновении, дезертирстве, мятеже. Такие дела рассматриваются без участия присяжных заседателей. Военно-апелляционный суд состоит из членов Апелляционного суда, судей Отделения Королевской скамьи, назначаемых лордом-главным судьей, а также из нескольких шотландских и ирландских судей и других лиц, обладающих опытом в судебных делах. На решения Военно-апелляционного суда апелляции поступают в Верховный суд Королевства по просьбе обвинения или защиты по тем же требованиям, по которым поступают апелляции на решения уголовного отделения Апелляционного суда.

К числу судов специальной юрисдикции относится также избирательный суд. Как правило, он состоит из двух судей Высокого суда. Как кандидат, так и избиратель имеют право в течение трех месяцев после выборов подать иск. Избирательный суд может дисквалифицировать кандидата, назначить повторный подсчет голосов, проверить правильность подсчета бюллетеней, объявить результаты голосования, признать выборы недействительными (ничтожными) и назначить новые выборы.

В Англии действует также Опекунский суд (Court of Protection). Согласно общему праву Корона всегда принимала на себя опеку над душевнобольными и охрану их имущественных интересов. Эти полномочия раньше доверялись лорду-канцлеру как «хранителю королевской совести». В наше время судьи Канцлерского отделения Высокого суда управляют имуществом лиц, признанных душевнобольными, на основании Акта о душевных заболеваниях 1959 г. и рассматривают эти категории дел в составе Опекунского суда.

Также в Англии и Уэльсе широко используются альтернативные способы разрешения споров (alternative dispute resolutions — ADR). К ним относят примирение, посредничество (медиацию — mediation), ведение переговоров с целью нахождения компромисса (negotiation), передачу сторонами материалов

дела для изучения всех спорных вопросов эксперту (экспертное исследование — expert appraisal). Помимо указанных процедур стороны могут обратиться в Центр по разрешению споров (ADR centres — Alternative Dispute Resolution centres) для оценки юридической весомости их позиций по делу. Данный центр создан в Лондоне в 1990 году и состоит из ушедших в отставку судей и адвокатов. По общему правилу альтернативные способы разрешения споров не носят обязательного юридического характера для их участников, хотя стороны по своему желанию могут предусмотреть в контракте обязательный характер результата того или иного способа разрешения спора. Альтернативные способы разрешения споров позволяют решить дело быстрее и дешевле, чем в судебном разбирательстве. Тем не менее они оказываются достаточно эффективными лишь при условии, если стороны сами желают достичь быстрого решения своего спора и стремятся найти для этого взаимоприемлемые способы¹.

В 1967 г. в Великобритании была учреждена Служба парламентского уполномоченного по делам администрации. С помощью своих сотрудников он проводит расследования по жалобам на действия правительственных учреждений, обычно после соответствующего обращения к нему члена Палаты общин. О результатах такого расследования парламентский уполномоченный докладывает обратившемуся к нему депутату и соответствующему правительственному учреждению, а в некоторых случаях — Палате общин².

Таким образом, судебная система европейского государства — это совокупность судов (общей юрисдикции и специализированных), квазисудебных органов и специальных органов судебной власти, целенаправленно осуществляющих правосудие и дифференцированных по предметам ведения и другим основаниям, функционирующих в системе в определенной иерархичности [2: с. 28]. Данное определение впервые характеризует структурную и функциональную составляющую судебной системы именно европейских стран. Таким образом, в судебной системе различаются три субъектных элемента: суды, квазисуды и специальные органы.

Для всех государств — членов Европейского Союза (в 2012 году — 27 государств) существует наднациональный судебный орган — Европейский суд справедливости или суд Европейских Сообществ — European Court of Justice (г. Люксембург), который в настоящее время превратился в судебную систему трех уровней: Суд (с 1952 г.), Трибунал (с 1989 г.) и Судебные палаты (с 2001 г.). В настоящее время для европейских государств это неотъемлемый (и очень важный) элемент судебной системы. Его роль связана с необходимостью создания единой для объединенной Европы судебной инстанции (как Европарламент и пр.).

¹ Кстати, именно в Лондоне функционирует **Международный арбитражный суд (LCIA)**, создан в 1892 году как третейский суд.

² Официальный сайт Правительства Великобритании — legislation.gov.uk (Дата обращения: 12.01.2013 г.)

В связи с вступлением Великобритании в Европейское экономическое сообщество (Европейский Союз — с 1992 г.) в 1973 году на основании Акта о Европейских сообществах (1972) на нее распространяется юрисдикция Европейского суда Справедливости или суда Европейских сообществ (European Court of Justice)¹. В соответствии с Актом о Европейских сообществах 1972 года «все права, полномочия и обязательства, ответственность и ограничения, которые устанавливаются договорами Великобритании об участии в Европейском сообществе или возникают из них, и все средства защиты и процессуальные правовые правила, которые предусмотрены Договорами, должны применяться в Соединенном Королевстве без последующего издания национальных законодательных актов и считаются включенными в британское право, признаны и разрешены и соответственно выполняемы»², т. е. нормы права, принятые как законодательными, исполнительными, так и судебными органами Европейского Союза, приобретают силу закона без какого-либо участия британского Парламента, который, как следует из Акта 1972 г., не может контролировать их содержание.

Вопросы, составляющие первую основу (first pillar) права Европейского Союза (ЕС), входят в компетенцию органов Европейского Союза, решения которых имеют приоритет перед решениями внутригосударственных органов, в том числе судебных. В силу этого решения Европейского суда справедливости или Суда Европейских сообществ в области антимонопольного, валютного законодательства, различных форм дискриминации, свобод передвижения капитала, товаров, услуг, рабочей силы, вопросов иммиграции, предоставления политического убежища обладают преимущественной юридической силой. Также обязательными для судов любого государства — члена ЕС являются решения Европейского суда справедливости, в которых дается толкование той или иной статьи Европейских договоров.

Интересно отметить, что в настоящее время вопрос о юридической природе решений Европейского суда справедливости остается в самой Англии достаточно спорным. Некоторые правоведы полагают, что они являются обязательными прецедентами, другие рассматривают их в качестве лишь убедительных прецедентов, третьи считают, что решения данного суда вообще не имеют обязательной юридической силы для судов Англии за исключением вопросов толкования Европейских договоров³. На данном примере достаточно отчетливо проявляется нежелательная, но тем не менее постоянно дающая о себе знать взаимосвязь права и политики: отношение английских судов к решениям Европейского суда справедливости во многом зависело и зависит от той позиции, которую принимает правящая политическая партия по от-

¹ В Англии его относят к специализированным судам.

² Официальный сайт Правительства Великобритании — legislation.gov.uk (Дата обращения: 21.01.2013 г.)

³ Официальный сайт Верховного суда — <http://www.supremecourt.gov.uk/> (Дата обращения: 03.02.2013 г.)

ношению к вопросу о характере и степени взаимодействия Великобритании и Европейского Союза.

Итак, выбор судебной системы каждого государства зависит от конкретно-исторических особенностей. А унитарная судебная система вполне допускает существование внутренних национальных судебных систем, как в Великобритании. Произошло неизбежное разделение функций судов общей юрисдикции и административной юстиции, причем в Англии и Уэльсе действуют так называемый «квазисудебный» и административно-судебный (смешанный) варианты административной юстиции [3: с. 56].

Таким образом, английский тип судебной системы подразумевает: отсутствие конституционного суда, наличие унитарности судебной власти (при допущении самостоятельной судебной системы в Шотландии и в Северной Ирландии)¹; традицию обращения в вышестоящие суды только по вопросам применения права; отсутствие отдельных административных судов (административно-судебный и квазисудебный варианты административной юстиции); построение первых инстанций судов общей юрисдикции по принципу «город — сельская местность»; отсутствие ювенальных судов; сложность и запутанность (в силу традиций) юрисдикций судов; решение экономических споров в судах общей юрисдикции (без участия присяжных) и квазисудебных органах; огромное количество квазисудов и специализированных судов (более двухсот); активное применение досудебных процедур разрешения споров (в том числе и в уголовном процессе); широкое применение мини-процессов и медиации, альтернативных способов разрешения споров [4: с. 124].

При этом судебные системы европейских государств — членов Европейского Союза, к какому бы типу они ни принадлежали (английскому, романскому или германскому, а также смешанным вариантам), основаны на общих демократических принципах, закрепленных в Европейской Хартии о статусе судей 1998 года и других документах², таких как: осуществление правосудия судом и квазисудебными органами; независимость судей и подчинение их закону; назначаемость судей; несменяемость; неприкосновенность судей; несовместимость (с другими формами деятельности); независимость судей; свобода доступа к суду; коллективное отправление правосудия — коллегиальность (единолично судья может рассматривать только незначительные право-

нарушения); ведение судебного процесса на языке, понимаемом сторонами, или с обеспечением переводчика за счет государства; прозрачность и глас-

¹ Верховные суды историко-географических регионов Великобритании подчиняются единому суду — Верховному суду Королевства (а до этого — Апелляционному комитету Палаты лордов).

² Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов, одобренные Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 году; Бангалорские принципы поведения судей 2002 года; ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R(94)12 «О независимости, эффективности и роли судей»; Заключение Консультативного совета европейских судей (КСЕС) № 1 «О стандартах независимости судебной власти и несменяемости судей» и др.

ность правосудия, публичность суда (за исключением ювенальных судов); возможность обжалования и пересмотра судебного решения путем апелляции, кассации или ревизии; ответственность государства за судебную ошибку, возмещение ущерба лицам в случае причинения вреда ошибочным судебным решением или неправомерным осуществлением правосудия. Опыт европейской демократии учитывается сегодня в современной России при проведении судебной реформы.

Литература

1. Романов А.К. Правовая система Англии. Глава 12: Английская судебная система. М.: Дело, 2002. 253 с.
2. Яровая М.В. Судебные системы современных европейских государств: сравнительно-правовой анализ. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: РАП, 2006. С. 79–93.
3. Caenegem Raoul Van. Historical and modern confrontation between continental and English law // The Common Law of Europe and the Future of Legal Education / Ed. by De Bruno. Witte&Caroline Forder.: Deventer, 2009. 68. p.
4. Civil Justice Review: Report of the Review Body on Civil Justice. L., 2007.

References

1. Romanov A.K. Pravovaya sistema Anglii. Glava 12: Anglijskaya sudebnaya sistema. M.: Delo, 2002. 253 s.
2. Yarovaya M.V. Sudebny'e sistemy' sovremenny'x evropejskix gosudarstv: Sravnitel'no-pravovoj analiz. Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve: dis. ... kand. yurid. nauk. M.: RAП, 2006. С. 79–93.

M.V. Yarovaya

The modern Judicial System in England and Wales (Part II)

In Part II of the article considers the special jurisdiction of the courts and quasi-judicial bodies.

Keywords: modern judicial system of England and Wales; Restrictive Practices Court; the courts of coroners; courts martial; Ecclesiastical Court.

И.Н. Куксин

Современные трактовки необходимой обороны как обстоятельства, исключающие преступность деяния

Статья посвящена правовому анализу положений института необходимой обороны, которые закреплены в уголовном законодательстве Российской Федерации. Сделан акцент на те из них, которые нашли свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 года.

Ключевые слова: общественно опасное посягательство; наличность; действительность (реальность); мнимая оборона; превышение пределов необходимой обороны.

Последние десятилетия социально-экономических преобразований в России, к сожалению, сопровождаются увеличением роста преступности. «Нельзя не сказать и о том, что по-прежнему высока латентная составляющая преступности. А по оценкам криминологов, ее показатели значительно выше, чем те, которые попадают в официальную статистику» [2].

Сегодня средства массовой информации изобилуют сценами насилия, пропагандируя культ силы, что привело к увеличению неоправданно жестоких, циничных и бесчеловечных преступлений. Надо признать тот факт, что в современных условиях Российское государство не может в полной мере гарантировать всем гражданам надежную защиту и безопасность от преступных посягательств. Так, на 1 января 2011 года общая численность нераскрытых убийств, по которым срок давности не истек, превысила 90 тысяч, изнасилований — 20,5 тысяч, а умышленных причинений тяжкого вреда здоровью — 200 тысяч [7]. Только в общественных местах совершено 108 000 грабежей, 11 900 разбойных нападений. Президент Российской Федерации В.В. Путин по случаю убийства телеведущего ГТРК К. Гаккиева 5 декабря 2012 г. заявил: «Нарушено главное право — право на жизнь. Все это заставляет задуматься, насколько эффективна работа по защите прав человека» [4]. Приведенные цифры подтверждают тезис о слабой защищенности жизни и здоровья граждан России.

Правоохранительные органы не всегда имеют возможность оказать действенную помощь гражданам, оказавшимся в ситуациях, когда против них осу-

ществляют насильственные действия. Имеют место и вопиющие факты, когда «полицейский, находившийся на месте происшествия, не сумел или не захотел остановить драку. В ходе потасовки, приятель Лотковой упал весь в крови, девушка вытасила травматический пистолет (лицензия на травматику была) и выстрелила в нападающих, защищая себя и своего спутника. В результате против нее возбудили уголовное дело по статье УК — «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» [1].

Людьми руководит вполне естественное желание защитить свои интересы или интересы других людей, чтобы не оказаться жертвой преступления, противостоять преступным посягательствам, что вынуждает их прибегать к необходимой обороне. Однако, как свидетельствует следственная и судебная практика, широко освещаемая СМИ, граждан, осуществлявших правомерную необходимую оборону, в ряде случаев необоснованно привлекают к уголовной ответственности. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, несмотря на то, что институт необходимой обороны является достаточно разработанным, на протяжении последних нескольких лет законодатель не раз обращал свое внимание на норму права, посвященную необходимой обороне, внося поправки в УК РФ, которые вызывали самые различные толкования, и, с одной стороны, вызывали серьезные затруднения у сотрудников органов предварительного следствия и суда в каждом конкретном случае осуществлять грамотную правовую оценку действиям граждан, совершенных при использовании ими права на необходимую оборону, а с другой, — привели ко многим ошибкам в оценке различных действий, связанных с причинением вреда лицами, находящимися в состоянии необходимой обороны. Во-вторых, «превышение пределов необходимой обороны» или его смысловой синоним «эксцесс обороны», как юридическая категория, оценка которой в большей степени зависит от усмотрения органов предварительного следствия и суда, что сказывается на правильности квалификации содеянного и в конечном счете на результативности правоприменительной деятельности.

С учетом того обстоятельства, что ст. 37 УК РФ в настоящее время приобрела дуалистический вид, представ в двух разновидностях, Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 19 от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступления» [5] обобщил судебную практику и дал более четкие ориентиры сотрудникам органов предварительного следствия и судам по вопросам правомерности необходимой обороны, а также условий, при которых превышаются ее пределы.

С точки зрения правового статуса личности, право на необходимую оборону — это неотъемлемое, субъективное право человека, которое является гарантией реализации конституционного положения о том, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

Исходя из приведенной конституционной нормы, институт необходимой обороны призван обеспечить баланс интересов, связанных с реализацией предусмотренных в ч. 1 ст. 2 УК РФ задач уголовного законодательства по охране социальных ценностей, с возможностью правомерного причинения вреда.

Однако реализация гражданами права на необходимую оборону в значительной степени сдерживается из-за боязни уголовной ответственности за превышение ее пределов. О сложности определения пределов правомерности необходимой обороны свидетельствует и большое количество судебносудебных ошибок, в результате которых правомерные действия граждан по отражению преступных посягательств необоснованно квалифицировались как превышение ее пределов.

В ст. 37 УК РФ установлены условия, при наличии которых действия, причинившие тот или иной вред правоохраняемым объектам, не образуют преступления. В связи с этим теория уголовного права (с учетом судебной практики) выработала условия правомерности необходимой обороны. Они могут быть разделены на два блока:

- условия, относящиеся к общественно опасному посягательству (нападению) и
- условия, относящиеся к защите [3].

К условиям, характеризующим нападение, относятся: общественно опасное посягательство, наличность и действительность (реальность).

В современной трактовке необходимой обороны интенсивность защиты связывается со степенью **общественной опасности нападения**. Если нападающий посягает на такую абсолютную ценность как *жизнь* человека, тогда допустимы любые варианты защиты вплоть до лишения нападающего жизни. Данное обстоятельство не будет рассматриваться как превышение пределов необходимой обороны. Государство заинтересовано в том, чтобы лицо, осуществляющее необходимую оборону, находилось в максимально выгодных условиях по сравнению с нападающим.

Поэтому право на необходимую оборону порождает только такое общественно опасное посягательство, которое причинило вред или создало угрозу причинения вреда правоохраняемым интересам. Законодатель в ч.1 ст. 37 УК РФ закрепил, что общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, представляет собой деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица. Факторами, свидетельствующими о наличии общественно опасного посягательства, являются:

- причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранение жизненно важных органов);
- применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т. п.).

Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасной для жизни демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания этой угрозы.

Как следует понимать общественно опасное посягательство, относящееся ко второй разновидности необходимой обороны, «не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» (ч. 2 ст. 37 УК)?

Когда речь идет о второй разновидности необходимой обороны, которая касается защиты иных, чем человеческая жизнь, ценностей, тогда степень общественной опасности посягательства требует от обороняющегося принимать такие средства защиты, чтобы не допустить превышения пределов необходимой обороны. В таких случаях *под посягательством*, защита от которого допустима в пределах, установленных ч. 2 ст. 37 УК РФ, *следует понимать совершение общественно опасных деяний, сопряженных с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица* (например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья). Кроме этого, таким посягательством является совершение и иных деяний (действий или бездействия), в том числе по неосторожности, предусмотренных Особенной частью УК РФ, которые хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда. К подобным посягательствам относятся, например, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения.

Пленум Верховного Суда РФ ориентирует органы предварительного следствия и суды, что состояние необходимой обороны не образуют:

– правомерные действия должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, даже если они сопряжены с причинением вреда или угрозой его причинения (например, применение в установленных законом случаях силы сотрудниками правоохранительных органов при обеспечении общественной безопасности, общественного порядка и др.);

– деяние лица, которое причинило вред другому лицу в связи с совершением последним действий, хотя формально и содержащих признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но заведомо для лица, причинившего вред, в силу малозначительности не представлявших общественной опасности (ч. 2 ст. 14 УК РФ);

– действие лица, которое спровоцировало нападение, чтобы под видом обороны расправиться с нападающим, использовать как повод для совершения противоправных действий (для причинения вреда здоровью, хулиганских

действий, сокрытия другого преступления и т. п.). Содеянное в этих случаях квалифицируется на общих основаниях;

– если вред посягавшему лицу причинен после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость, что осознавалось оборонявшимся лицом. В таких случаях, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, причинение вреда посягавшему лицу может оцениваться по правилам ст. 38 УК РФ либо оборонявшееся лицо несет ответственность на общих основаниях. В целях правильной юридической оценки таких действий суды, с учетом всех обстоятельств дела, должны выяснять, не совершены ли они оборонявшимся лицом в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного общественно опасным посягательством.

Источником опасности при необходимой обороне является *физическое лицо*. В ч. 1 ст. 37 УК РФ специально обращено внимание на данное обстоятельство: «...не является преступлением причинение вреда посягающему лицу». Понятие «лицо» в данном случае трактуется весьма широко и не сводится только к признакам лица-субъекта преступления. В силу этого необходимая оборона может быть признана правомерной независимо от того, привлечено ли посягавшее лицо к уголовной ответственности, в том числе в случае защиты от посягательства лица в состоянии невменяемости или лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Вторым условием правомерности необходимой обороны, относящимся к посягательству, является *наличность*. Этот признак устанавливает временные параметры, в пределах которых необходимая оборона возможна: начальный и конечный момент посягательства. Когда возникает состояние необходимой обороны с точки зрения временных параметров? Ждать, когда начнется нападение, или, исходя из оценки ситуации, отражать нападение первым? Именно на эти вопросы и отвечает второе условие правомерности отражения нападения — *наличность*.

Для признания акта обороны правомерным нельзя требовать, чтобы нападение уже началось. Такое условие поставило бы лицо, обороняющееся от преступного посягательства, в положение, при котором оно вынуждено терпеливо ждать нанесения ему первого удара нападающим. Старая русская поговорка гласит: «Искру гаси до пожара, беду отводи до удара». Непосредственная угроза посягательства делает оборону правомерной. Поэтому состояние необходимой обороны возникает не только с момента начала общественно опасного посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, но и при наличии реальной угрозы такого посягательства, то есть с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния. Суду необходимо установить, что у обороняющегося имелись основания для вывода о том, что имеет место реальная угроза посягательства.

Таким образом, *начальным моментом* посягательства признается когда оно настолько очевидно и неминуемо, что непринятие предупредительных мер ставит в явную, непосредственную и неотвратимую опасность лицо, которое вынуждено принять эти меры, так и момент непосредственного общественно опасного посягательства.

В практике имеют место случаи упреждающей необходимой обороны против посягательств, когда владельцы дачных участков для охраны своего имущества делают различные приспособления или автоматически срабатывающие устройства (капканы, самострелы), которые по своим свойствам способны причинить вред здоровью человека. В год в стране нападениям подвергается около 5 тысяч домовладений. Статистика методов проникновения в жилище такова: 40 % — взлом замка двери; 10 % — взлом входной двери; 5,6 % — подбор ключей или отмычек; 6 % — выдавливание или выбивание стекла; 10 % краж — дело рук рабочих, которых наняли на ремонт или постройку дачи [6]. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 19 разъяснил, что правила о необходимой обороне распространяются на случаи применения не запрещенных законом, автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств. Это разъяснение Пленума требует уточнения. Если установленным автоматическим устройством причинен вред не нападающему, а третьим лицам, например почтальону, пожарному или вообще устройство сработало автоматически и причинило кому-то вред, допустим, соседям или гуляющим неподалеку детям, то за последствия ответственность возлагается на причинителя вреда. При срабатывании (приведении в действие) таких средств или приспособлений в условиях отсутствия общественно опасного посягательства содеянное подлежит квалификации на общих основаниях.

В тех случаях, когда автоматически срабатывающим или автономно действующим средством, приспособлением причиняется вред посягавшему лицу, явно не соответствующий характеру и опасности посягательства, содеянное следует оценивать как превышение пределов необходимой обороны.

Что касается установки, например, взрывчатого устройства, растяжки с гранатой, то такие устройства категорически запрещены. Такие средства не находятся в свободном обороте и их устанавливать нельзя.

Федеральным законом от 08.12. 2003 г. № 162-ФЗ в ст. 37 УК РФ было внесено изменение, согласно которому «не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие *неожиданности* (разрядка. — *И.К.*) посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения» (часть 2.1). Поэтому при выяснении вопроса, являлись ли для оборонявшегося лица неожиданными действия посягавшего, вследствие чего оборонявшийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения (ч. 2.1. ст. 37 УК РФ),

суду следует принимать во внимание время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица. Лицо вследствие внезапности нападения впадает в состояние страха, паники, испуга, замешательства и может в момент нападения неправильно оценить опасность, степень посягательства и неадекватно среагировать на действия нападающего. Например, жизни обороняющегося не угрожали, а он нападающего убил. Поэтому в Постановлении Пленума Верховного Суда разъяснено, что в зависимости от конкретных обстоятельств дела неожиданным может быть признано посягательство, совершенное, например, в ночное время с проникновением в жилище, когда оборонявшееся лицо в состоянии испуга не смогло объективно оценить степень и характер опасности такого посягательства.

Пленум Верховного Суда РФ также обращает внимание судов, что при защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ), а также в случаях, предусмотренных частью 2.1 ст. 37 УК РФ, обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу.

В судебной практике возникал вопрос оценки действия обороняющегося от посягательства нескольких лиц. Пленум Верховного Суда РФ однозначно определил, что (если имеет место *посягательство нескольких лиц*) обороняющееся лицо вправе применить к любому из посягающих такие меры защиты, которые определяются характером и опасностью действий всей группы.

Началом состояния необходимой обороны может быть вызвано общественно опасное посягательство, носящее длящийся или продолжаемый характер (например, незаконное лишение свободы, захват заложников, истязание и т. п.). Право на необходимую оборону в этих случаях сохраняется до момента окончания такого посягательства.

В случае совершения предусмотренных Особенной частью УК РФ деяний, в которых юридические и фактические моменты окончания посягательства не совпадают, право на необходимую оборону сохраняется до момента фактического окончания посягательства.

Конечный момент посягательства связан с осознанием обороняющимся, что объективно угроза причинения вреда здоровью миновала. Исходя из принципа субъективного вменения (ст. 5 УК РФ), приоритет при оценке правомерности необходимой обороны должен быть отдан восприятию обороняющегося.

Реальность угрозы и установление момента окончания посягательства, за пределами которого необходимая оборона исключена, относится к *признакам оценочного свойства*. Поэтому состояние необходимой обороны может иметь место и в том случае, когда:

– защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченного посягательства, но, исходя из обстоятельств, для оборонявшегося лица не был

ясен момент его окончания, и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается;

– общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам.

На практике возникают вопросы оценки действий обороняющегося, когда последний при посягательстве завладел оружием нападающего или другими предметами, **используемыми** в качестве оружия, и **применил** их при отражении нападения. На этот счет Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что переход оружия или других предметов, использованных в качестве оружия при посягательстве, от посягавшего лица к оборонявшемуся лицу сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства, если с учетом интенсивности нападения, числа посягавших лиц, их возраста, пола, физического развития и других обстоятельств сохранялась реальная угроза продолжения такого посягательства.

Если обороняющийся причинил вред нападающему, когда факт окончания очевиден — это должно квалифицироваться как самочинная расправа, как акт мести.

Третьим условием правомерности необходимой обороны, относящимся к посягательству, является то обстоятельство, что посягательство должно быть **действительным (реальным)**.

Действительным (реальным) считается посягательство, которое существует объективно, в реальной действительности, а не в воображении «защищающегося». Признать же посягательство существующим в реальной действительности — это значит установить, что оно объективно было способно причинить существенный вред правоохраняемым интересам. Поэтому не только в теории уголовного права, но и в судебной практике различают состояние необходимой обороны и состояние *мнимой обороны*.

Мнимая оборона — это оборона от воображаемого, объективно не существующего посягательства. При мнимой обороне отсутствует реальное общественно опасное посягательство, и лицо ошибочно предполагает его наличие.

Судебная практика выработала три варианта уголовно-правовой оценки причинения вреда в состоянии мнимой обороны с позиции учений о фактической ошибке и ее влиянии на вину и уголовную ответственность.

Во-первых, в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны.

Во-вторых, если лицо превысило пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, не сопряженного с наси-

лием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, или с непосредственной угрозой применения такого насилия, оно подлежит ответственности за превышение пределов необходимой обороны.

В-третьих, в тех случаях, когда лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия подлежат квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности.

Если же общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала лицу оснований полагать, что оно происходит, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях.

Защиту от посягательства характеризуют следующие элементы: объект защиты, оценка вреда, нанесенного посягающему, характеристика условий, которые указывают на превышение пределов необходимой обороны.

Защита допустима при отражении нападения на *охраняемые правом интересы* как коллективные, так и индивидуальные, как свои, так и чужие. Круг объектов защиты определен в ч. 1 ст. 37 УК РФ. Это права и законные интересы обороняющегося и другого лица, интересы общества и государства. Следовательно, объектом обороны при посягательстве на личность могут быть жизнь, здоровье, половая неприкосновенность, личная свобода, а также личная и иная собственность, интересы общества и государства. Например, при преступном посягательстве на те или иные государственные интересы (попытка совершить террористический акт, похитить документы, содержащие государственную тайну и т. п.) право на оборону возникает независимо от того, было или не было посягательства на личность. Ст. 37 УК РФ, в нынешней ее интерпретации, признает право обороны не только за тем, кто непосредственно подвергается нападению, но и за всяким другим лицом, явившемся свидетелем непосредственного преступного посягательства на интересы личности или имущество отдельных граждан. Для осуществления акта обороны от нападения на другое лицо нет необходимости устанавливать согласие потерпевшего на такую защиту его третьими лицами.

Таким образом, путем необходимой обороны можно защищать любой правоохраняемый интерес. При этом, в соответствии с ч. 3 ст. 37 УК РФ, право на необходимую оборону возникает «независимо от возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти».

Вторым условием правомерности необходимой обороны, относящимся к защите, последняя должна быть совершена *путем причинения* того или иного *вреда* непосредственно нападающему, без превышения ее пределов. Защита не должна быть направлена против третьих лиц. Причинение вреда нападающему — важнейший признак необходимой обороны, без которого уголовно-правовые отношения не возникают вообще. Защита каких-либо интересов путем причинения вреда не нападающему, а третьим лицам не является актом

необходимой обороны. В таких случаях речь может идти о крайней необходимости. При осуществлении акта необходимой обороны не требуется, чтобы в результате защиты вред был причинен личности нападающего. Вред может быть причинен и его имущественным интересам.

Защита при осуществлении акта необходимой обороны может выражаться в разнообразных формах причинения вреда нападающему: в лишении жизни, причинении тяжелых телесных повреждений, в лишении свободы, в истреблении, повреждении имущества, с помощью которого происходит посягательство на потерпевшего. Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ не влечет уголовную ответственность умышленное причинение посягавшему лицу средней тяжести или легкого вреда здоровью либо нанесение побоев, а также причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства.

При необходимой обороне причиненный посягающему вред не обязательно должен быть *соразмерен* возможному ущербу. Вред, причиненный нападающему, может быть больше вреда предотвращенного как при защите жизни, так и при защите иных, помимо человеческой жизни, ценностей и интересов. На это положение Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении особо обращает внимание судов. При защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, а также в случае неожиданности посягательства обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу. Там, где речь идет о защите жизни обороняющегося или другого лица закон, исходя из ч. 1 ст. 37 УК РФ, никаких ограничений не устанавливает. Сложнее обстоит дело при применении необходимой обороны, «не сопряженной с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой такого насилия» со стороны посягающего (ч. 2 ст. 37 УК РФ). При такой форме необходимой обороны закон требует от обороняющегося выбирать соответствующие средства обороны, чтобы «не было допущено превышения пределов необходимой обороны». Исходя из приведенного законодательного положения, вытекает третье условие правомерности необходимой обороны, относящееся к защите, — это ***недопущение превышения ее пределов***.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ приводятся критерии для установления пределов необходимой обороны, которые наработаны судебной практикой и обобщены теорией уголовного права.

Исходя из ч. 2 ст. 37 УК РФ, превышением пределов необходимой обороны будут действия, если по делу установлено, что оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства такими способами и такими средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть. При этом ответственность за превышение пределов необхо-

димой обороны наступает только в случае, сказано в Постановлении, когда по делу будет установлено, что оборонявшийся осознавал, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

На что должны обращать внимание работники следственных органов и суды, разрешая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны? Анализ отдельных уголовных дел, связанных с превышением необходимой обороны показывает, что в деятельности органов предварительного следствия и судов наблюдается формальный подход к анализу доказательств, при решении вопросов о том, действовало ли лицо в состоянии необходимой обороны или же допустило превышение ее пределов. Это касается тех случаев, когда гражданин, спасая свою жизнь, убивает нападающего; когда женщина, обороняясь от попытки ее изнасиловать, убивает насильника; когда гражданин, защищаясь от попытки вторжения бандита в квартиру, стреляет и ранит его и т. д. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснено, что суды, решая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения необходимой обороны, должны учитывать:

- объект посягательства;
- избранный посягавшим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства;
- место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и оборонявшихся, наличие оружия или иных предметов, использованных посягавшими;
- возможность оборонявшегося лица отразить посягательство (его возраст и пол, физическое и психическое состояние и т. п.);
- иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц.

Ошибки судов по этой категории дел во многом обусловлены тем, что суды, исходя зачастую лишь из тяжести последствий, судебное разбирательство сводят только к доказанности виновности подсудимого в причинении посягающему вреда, а вопрос о том, в чем именно заключалось превышение пределов необходимой обороны, тщательно не исследовалось [10]. В частности, решая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, суды должны учитывать не только соответствие или несоответствие средств защиты и нападения, но и характер опасности, угрожавшей обороняющемуся, его силы и возможности по отражению посягательства, количество посягающих и обороняющихся, их возраст, физическое состояние, наличие оружия, место и время посягательства и т. д. При этом сравнение всех указанных обстоятельств не должно делаться механически, т. е. ни количество нападавших и защищающихся, ни наличие оружия у тех или других не может само по себе иметь решающего значения.

Чтобы впредь исключить такой подход, Постановление Пленума Верховного суда разъясняет, что суд, признав в действиях подсудимого признаки превышения пределов необходимой обороны, не может ограничиться общей формулировкой и должен обосновать в приговоре свой вывод со ссылкой на конкретные, установленные по делу обстоятельства, свидетельствующие о явном несоответствии защиты характеру и опасности посягательства. Кроме того, в постановлении указано, что судам надлежит иметь в виду, что обороняющееся лицо из-за душевного волнения, вызванного посягательством, не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства и, как следствие, избрать соразмерные способ и средства защиты.

Действия оборонявшегося лица нельзя рассматривать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны, если причиненный вред хотя и оказался большим, чем вред предотвращенный, но при причинении вреда не было допущено явного несоответствия мер защиты характеру и опасности посягательства.

Превышение пределов необходимой обороны является действием общественно опасным, и поэтому оно включает в себе состав преступления. Однако совершение преступления в условиях превышения необходимой обороны — деяние менее опасное, чем причинение того же вреда при отсутствии этих условий. Это учтено законодателем в п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ, где указывается, что совершенное преступление «при нарушении условий правомерности необходимой обороны» выступает в качестве смягчающего уголовную ответственность обстоятельства. В силу этого УК РФ рассматривает умышленное убийство, совершенное при превышении необходимой обороны, как менее опасное (ст. 108 УК РФ), чем убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Если же имеет место умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, повлекшее по неосторожности смерть посягавшего лица, то такое действие обороняющегося надлежит квалифицировать только по части 1 ст. 114 УК РФ.

Превышение пределов необходимой обороны, не сопряженной с насильем, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, может быть двух видов:

– превышение пределов необходимой обороны, вызванное *несоразмерностью примененных средств защиты, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.* Установление явного несоответствия характеру и опасности посягательства связано с внимательным изучением всех конкретных условий, в которых осуществляется акт необходимой обороны. При этом следует учитывать степень опасности нападения, близость его осуществления, силу и стремительность, характер тех средств, которые избрал нападающий и т. п.;

– превышение пределов необходимой обороны, вызванное *несвоевременностью защиты.* Например, совершение оборонительных действий после

окончания посягательства или после того, как опасность посягательства уже миновала.

Следует отграничивать убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ) от убийства и причинения тяжкого вреда здоровью в состоянии внезапно возникшего, сильного душевного волнения (аффекта) (ст. 107 и ст. 113 УК РФ).

При разграничении указанных составов преступлений Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что для преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, характерно причинение вреда потерпевшему не с целью защиты и, следовательно, не в состоянии необходимой обороны. Кроме того, обязательным признаком преступлений, совершаемых в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного действиями потерпевшего, является причинение вреда под влиянием именно указанного волнения, тогда как для преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, этот признак (наличие аффекта) не обязателен.

Если оборонявшееся лицо превысило пределы необходимой обороны в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), его действия надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 108 или ч. 1 ст. 114 УК РФ.

Необходимую оборону (ст. 37 УК РФ) следует отграничивать от причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ).

Задержание лица, совершившего преступление, может производиться и при отсутствии непосредственной опасности совершения задерживаемым лицом общественно опасного посягательства. При этом задержание такого лица осуществляется с целью доставить его в органы власти и тем самым пресечь возможность совершения им новых преступлений.

Если в процессе задержания задерживаемое лицо совершает общественно опасное посягательство, в том числе сопряженное с насилием, опасным для жизни задерживающего его лица или иных лиц, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, причинение вреда в отношении задерживаемого лица следует рассматривать по правилам о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ).

Разъяснение, данное Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении № 19 от 27 сентября 2012 года, значительно расширяет рамки понимания и применения закона о необходимой обороне, что дает основание прогнозировать в ближайшем будущем снижение судебных ошибок, которые не только отрицательно сказываются на реализации права граждан на законную защиту своих интересов и интересов других лиц, но и содействуют обстановке безнаказанности грабителей, насильников, что вызывает справедливое недовольство граждан и затрудняет ведение борьбы с преступностью.

Литература

1. *Богданов В.* Отстрел на месте // Российская газета. 2012. 12 октября.
2. *Егоров И.* Неучтенными оказались тяжкие и особо тяжкие преступления — и среди них 294 убийства // Российская газета. 2012. 5 декабря.

3. Курс уголовного права. Общая часть: учебник для вузов. Т. 1: Учение о преступлении. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. 516 с.
4. *Латухина К.* Глава государства рассчитывает на поимку убийц Казбека Гаккиева // Российская газета. 2012. 5 декабря.
5. Постановление № 19 Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.
6. *Фалеев М.* Ты в мой садик не ходи // Российская газета. 2012. 25 октября.
7. *Фалалеев М.* Карты в руки // Российская газета. 2012. 12 октября

References

1. *Bogdanov B.* Otstrel na meste // Rossijskaya gazeta. 2012. 12 oktyabrya.
2. *Egorov I.* Neuchtenny'mi okazalis' tyazhkie i osobo tyazhkie prestupleniya — i sredi nix 294 ubijstva // Rossijskaya gazeta. 2012. 5 dekabrya.
3. Kurs ugolovnogogo prava. Obzhhaya chast': uchebnik dlya vuzov. T. 1: Uchenie o prestuplenii. M.: ZERCALO, 1999. 516 s.
4. *Latuxina K.* Glava gosudarstva rasschity'vaet na poimku ubijcz Kazbeka Gakkieva // Rossijskaya gazeta. 2012. 5 dekabrya
5. Postanovlenie № 19 Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 27 sentyabrya 2012 g. «O primenenii sudami zakonodatel'stva o neobxodimoj oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii licza, sovershivshego prestupleniya» // Byulleten' Verxovnogo Suda RF. 2012. № 11.
6. *Falaleev M.* Ty' v moj sadik ne xodi // Rossijskaya gazeta. 2012. 25 oktyabrya
7. *Falaleev M.* Karty' v ruki // Rossijskaya gazeta. 2012. 12 oktyabrya.

I.N. Kuksin

The Current Interpretations of Self-Defense as the Facts Precluding of Criminal Act

The article is devoted to the analysis of the legal provisions of the institution of self-defense which enshrined in the Criminal Law of the Russian Federation. Emphasis is placed on those which are reflected in the decision of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on 27 September 2012.

Keywords: socially dangerous encroachment; cash; reality (reality); imaginary defense; excess of limits of necessary defense.

А.Ю. Царёв

О правовом статусе гражданина как элементе государственного устройства

В статье на основе исторических, юридических и других аргументов сделан вывод о том, что, наряду с формой правления, формой административно-территориального устройства и формой политического режима, элементом государственного устройства является правовой статус гражданина.

Ключевые слова: государственное устройство; правовой статус гражданина.

Прежде чем говорить о государственном устройстве, необходимо сказать, что мы понимаем под государством, так как «вопрос о государстве, — говорил Ленин, — есть один из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных» [1: с. 3]. Однако сам он запутал этот вопрос еще больше, утверждая, что государство — это «особый аппарат для систематического применения насилия и подчинения людей насилию» [1: с. 7], «машина для поддержания господства одного класса над другим» [1: с. 12]. Некоторые правоведы до сих пор всерьез говорят о взаимоотношениях между государством и народом [3: с. 15].

На самом деле государство — это общественная организация. Ее можно назвать публично-территориальным образованием, указать на ее признаки, говорить о том, чем она еще обладает, но суть уже сказана. И главное в этой общественной организации — само общество (другими словами — народ). Именно оно имеет все остальное: территорию, законы, руководящие органы (органы власти), армию и все другое ему необходимое, вплоть до суверенитета. Без общества органы власти, под которыми часто понимают государство, — ничто. Если же вдруг исчезнут органы власти, то общество изберет себе новые, поскольку без органов власти обществу не обойтись. Ибо сам народ власть осуществлять не может, даже если обратное записано в основном законе государства. В лучшем случае у народа есть право и возможность избирать тех, кто потом осуществляет власть от его имени, но по своему усмотрению.

Говоря о государственном устройстве или об устройстве государства, название основного закона нашей страны можно понимать как «Устройство Российской Федерации», о чем автор данной статьи уже писал более подробно [6: с. 7–10]. Кстати, полное название основного закона города Москвы от 28 июня 1995 года звучит в духе сказанного: «Устав города Москвы». То есть, в данном случае слово «устав» обозначает не вид нормативного пра-

вового акта, как полагают многие. В названии основного нормативного правового акта Москвы это слово следует понимать, как «установленный свод правил» [5: с. 870]. В связи с этим можно отметить, что по мастерству законотворчества московский законодатель намного превосходит всех других законодателей в современной России.

Принято считать, что устройство государства характеризуется, главным образом, его формой правления, формой административно-территориального устройства и формой политического режима (существующие разногласия по поводу названия этих форм для данной статьи принципиального значения не имеют). Однако к этим трем основным элементам государственного устройства следовало бы добавить четвертый — правовой статус гражданина.

Действительно, основной закон государства должен быть именно о его устройстве. Не случайно принятый в 1787 году основной закон США «The Constitution of the United States» (дословно: «Устройство Соединенных Штатов») закрепляет прежде всего государственное устройство Соединенных штатов. Это очевидно из содержания всех его семи статей, устанавливающих:

1. законодательные полномочия (Конгресса);
2. исполнительную власть (Президента);
3. судебную власть (Верховный суд и нижестоящие суды);
4. взаимоотношения Союза и входящих в него штатов;

5–7. правовые основы Соединенных Штатов, в том числе порядок ратификации основного закона страны и внесения в него поправок.

То есть, на тот момент отцы-основатели США основными элементами государственного устройства считали систему органов государственной власти, административно-территориальные принципы государства и основы его правовой системы. Отдельные права граждан в первоначальном тексте Конституции США упоминаются всего лишь три раза, да и то в связи с определением полномочий органов государственной власти, например, в нем сказано, что судебная власть распространяется на споры между гражданами одного штата, предъявляющими «свои права на земли», уступленные другими штатами (раздел 2 статьи III).

Но уже через два года, в 1789 году, Конгресс США одобрил первые десять поправок к Конституции США, получивших название Билль о правах. Однако эти поправки не только о правах граждан. Десятая поправка касается разграничения полномочий между федерацией и штатами, то есть, государственного устройства. Более того, большинство статей о правах граждан сформулированы в интересах или с учетом интересов государства. Например, право народа хранить и носить оружие обусловлено необходимостью иметь хорошо организованное ополчение «для безопасности свободного государства» (поправка II). Некоторые гарантии прав граждан действуют только в условиях, когда нет войны или опасности, «угрожающей обществу» (поправки III и V), то есть, государству.

Другие поправки запрещают «необоснованные» и «чрезмерные» меры государственных органов в отношении граждан, в частности, необоснованные обыски и аресты (поправка IV), чрезмерные штрафы и жестокие наказания (поправка VIII), — словом, такие меры, которые могут вызывать массовые возмущения и тем самым подрывать устои государства.

Можно полагать, что и запрет на издание закона, устанавливающего религию либо запрещающего свободное ее исповедание (поправка I), направлен не только на соблюдение прав граждан, но и на консолидацию общества, на укрепление государства. Также и запрет на ограничение свободы слова, печати и права народа мирно собираться и обращаться к правительству (поправка I) можно считать направленным на создание в обществе атмосферы плюрализма и толерантности, которая способствует благополучию государства, в отличие от атмосферы идеологического монополизма и взаимной нетерпимости. Более того, используя эти свободы, граждане могут обратить внимание органов власти на то, что те (органы власти) делают не так.

Можно спорить о том, что в момент принятия Билля о правах заботило американских законодателей: права отдельных граждан или укрепление государства в целом. Пожалуй, и то, и другое. Но фактом является то, что положения о правах человека стали частью закона о государственном устройстве Соединенных Штатов.

Не только прогрессивные республиканцы, но и просвещенные монархи понимали, что государство сильно своими гражданами. Таким был Император Иосиф II (1741–1790), который в 1780 году оказался абсолютным властителем самой обширной монархии Центральной Европы. Укрепляя свое государство, он не только применял сугубо административные меры (в целях унификации системы управления империей немецкий язык был введен повсеместно в качестве официального), но и расширял права и свободы своих подданных:

- ввел принцип полного равенства всех перед законом (в частности, в правительственный аппарат назначались лица, независимо от их классового и этнического происхождения, но исключительно по их заслугам);

- покончил с цензурой печати и провозгласил политику религиозной терпимости;

- отменил жестокие наказания и смертную казнь за большинство преступлений;

- начал освобождение крепостных;

- ввел обязательное бесплатное начальное образование для всех детей и развил больничную систему¹. Последнее следует отметить особо, в связи с модными сегодня антипатерналистскими настроениями среди тех, кто определяет социальную политику нашего государства, которые между тем себе «социальные пакеты» за государственный счет обеспечили.

¹ Энциклопедия Кольера. — Открытое общество. 2000. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/2544 (Дата обращения: 12.01.2013 г.).

А в первой Конституции Франции, принятой 3 сентября 1791 года, уже сказано, что Национальное собрание провозглашает права человека и гражданина вследствие того, что полагает: «...невежество, забвение прав человека и пренебрежение к ним являются единственными причинами общественных бедствий и пороков правительств» (читай: бедствий общества или государства и пороков его органов власти).

В России проблема невежества решалась по-иному. Только в 1907 году в Государственную Думу был внесен проект закона о введении всеобщего начального обучения, который после почти пятилетнего обсуждения был отклонен Государственным Советом [4: с. 625]. И как следствие, малообразованность народа явилась одной из главных причин того, что именно Россия оказалась в 1917 году тем «слабым звеном» (по выражению Ленина), где стало возможным массовое оболванивание народа, сопровождаемое невиданными по масштабам братоубийством, глумлением над верой, крушением храмов и усадеб. Ведь для решения проблемы самодержавия достаточно было отречения Царя от престола и созыва Учредительного Собрания.

Однако большевистское государство (его называют советским, но это не так) в первой же своей Конституции (Конституции РСФСР 1918 года) поставило себе задачу: предоставить гражданам «полное, всестороннее и бесплатное образование», правда, пока только «рабочим и беднейшим крестьянам» (ст. 17). Вытекающее из этой задачи право на образование было тогда единственным конституционным правом, которое было предоставлено гражданам всерьез и надолго.

Избирательные права (ст. 64), а также свободы совести (ст. 13), союзов (ст. 16), собраний, митингов, шествий и «т. п.» (ст. 15) в Конституции провозглашались, но предоставлялись лишь постольку, поскольку это отвечало интересам «советской власти», точнее — интересам тех, кто руководил государством. Что же касается конституционных обязанностей трудиться (ст. 18) и защищать отечество (ст. 19), то они в полной мере отвечали интересам государства.

Известно, что Конституция РСФСР 1925 года закрепляет вхождение России в СССР, а в остальном почти полностью повторяет Конституцию РСФСР 1918 года. Но в ней перед государством поставлена задача предоставить «полное, всестороннее и бесплатное образование» уже всем трудящимся (ст. 8), к которым через десять с небольшим лет будут причислены все граждане.

Забегая вперед, увидим, что в РСФСР переход ко всеобщему обязательному 4-летнему (начальному) обучению был завершен в 1934 году, к обязательному семилетнему — в 1956 году, к обязательному 8-летнему — в 1959 году. А к 1976 году был в основном завершен переход ко всеобщему среднему образованию [2: с. 253]. Коммунисты понимали, что строители социализма и коммунизма не могут быть малограмотными, что для достижения великих целей, да и просто для могущества руководимого ими государства, нужны не только квалифицированные рабочие, талантливые инженеры и выдающиеся ученые, но специалисты во всех отраслях промышленности как с рабочими

специальностями, так и в области культуры, сфере образования, медицины и т. д. Поэтому они не только призывали: «Учиться, учиться и учиться!» — но обеспечивали право любого гражданина, независимо от его социального положения, на получение любого образования (дневного, вечернего, заочного) свободно и бесплатно. Главное, чтобы у гражданина были к этому желание и способности.

Большевицкому государству нужны были не только образованные члены общества, но также здоровые, работоспособные, законопослушные, честные, рачительные, культурные и даже (современный читатель не поверит) зажиточные. Поэтому в Конституции РСФСР 1937 года права и обязанности граждан значительно расширены и отражены в отдельной главе «Основные права и обязанности граждан» (гл. XI). В ней более развернуто, чем в предыдущей Конституции, говорится об обязанностях трудиться и защищать Отечество, но и содержатся новые конституционные обязанности: соблюдать Конституцию РСФСР, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. В соответствии с новой Конституцией граждане получили права: на труд; на отдых; на материальное обеспечение в старости..., в случае болезни и потери трудоспособности; на бесплатную медицинскую помощь; на образование. Важно отметить, что в Конституции было сказано, чем конкретно обеспечивается каждое право, например, право на отдых — сокращением рабочего дня до 7 часов, установлением ежегодных отпусков с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов (ст. 123). Однако свободы слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций гарантировались лишь «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя» (ст. 129).

Кроме того, гражданам РСФСР обеспечивалось право объединения в общественные организации: профессиональные, кооперативные, молодежные, спортивные, оборонные, культурные, технические и научные (ст. 130). И нет необходимости доказывать, что все эти организации действовали не только в интересах граждан, но и в интересах государства.

В Конституции РСФСР 1978 года, по сравнению с Основным законом 1937 года, глава о правовом статусе гражданина приобретает более емкое название («Основные права, свободы и обязанности граждан»), перемещается с одиннадцатого места на шестое (гл. 6) и содержит почти в два раза больше статей (не 16, а 31). В первой же ее статье было сказано: «...использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства...» (ст. 37).

Действовавшие до этого конституционные права граждан РСФСР были расширены или уточнены, например, право на образование теперь обеспечивалось: бесплатностью всех видов образования; осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи; широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования; развитием заочного и вечернего образования; предоставлением государственных стипендий и льгот учащимся и студентам; бесплатной выдачей школьных учебников; созданием условий для самообразования (ст. 43). Появились следующие новые конституционные права: на охрану здоровья; на жилище; на пользование достижениями культуры; на свободу научного, технического и художественного творчества; на участие в управлении государственными и общественными делами; на внесение в государственные органы и общественные организации предложений об улучшении их деятельности; на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество; на обжалование действий должностных лиц, государственных и общественных органов; на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, их должностных лиц; а также права, возникающие в связи с тем, что государство обязывалось проявлять заботу о семье путем создания сети детских учреждений, организации и совершенствования службы быта и общественного питания, выплаты пособий по случаю рождения ребенка, предоставления пособий и льгот многодетным семьям, других пособий и помощи семье.

В новой Конституции РСФСР, как и в предыдущей, наряду с провозглашением прав граждан, указывалось, чем эти права должны обеспечиваться. Например, право на жилище обеспечивалось развитием государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, а также невысокой платой за квартиру и коммунальные услуги (ст. 42). То есть, в ней содержались конкретные гарантии прав граждан, а не только слова «государство гарантирует». Дополнительно к действующим у граждан РСФСР появилось более десяти новых конституционных обязанностей, которые, так или иначе, были связаны с одной из них — главной обязанностью: «...оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета» (ст. 60).

Вообще, при рассмотрении государственного устройства конкретно РСФСР появляется повод для дискуссии: чему в нем придавалось большее значение — форме правления, форме административно-территориального устройства или правовому статусу гражданина. Два первых элемента ее государственного устройства были в большей мере фиктивными, чем правовой статус гражданина. Ведь реальная власть в государстве принадлежала не конституционному Верховному Совету РСФСР, а неконституционному Политбюро ЦК КПСС. Сама же РСФСР не была федерацией ни по способу

образования [7: с. 238], ни по способу существования (фактическим взаимоотношениям центральных и региональных органов власти). Что же касается правового положения граждан, то оно в основном соответствовало тому, что было записано в Конституции.

Можно спорить о том, что больше заботило тогдашних партийных руководителей России: права отдельных граждан или укрепление государства в целом. Но фактом является то, что правовой статус гражданина был важным элементом государственного устройства РСФСР. В принципе так и должно было быть. Если семья объявлялась ячейкой общества (читай: государства), то гражданин был «ячейкой» семьи самым естественным образом.

Не следует думать, что в других развитых государствах правовой статус гражданина был ниже, чем в РСФСР. Ее опыт был взят здесь в качестве примера потому, что он, в силу пропагандистской политики КПСС, является более наглядным. В других же странах правовому статусу граждан всегда придавалось скорее не идеологическое, а практическое значение. Например, в Конституции США не сказано о праве на жилище, но это не значит, что власти этой страны не занимаются проблемой жилья своих граждан.

Однако опыт конституций РСФСР заимствовали многие. Например, в Конституции Японии глава о правах и обязанностях народа содержит тридцать одну статью — ровно столько, сколько было в Конституции РСФСР 1978 года. Важно отметить, что некоторые содержащиеся в ней права и свободы, как и в конституциях РСФСР, обусловлены общественными (читай: государственными) интересами:

- народ несет ответственность за использование прав и свобод в интересах общественного благосостояния (ст. 12);
- право людей на жизнь, свободу и на стремление к счастью является высшим предметом заботы в области законодательства и других государственных дел, поскольку это не нарушает общественного благосостояния (ст. 13);
- каждый пользуется свободой выбора и перемены местожительства, а также выбора профессии, коль скоро это не нарушает общественного благосостояния (ст. 22);
- право собственности определяется законом с тем, чтобы оно не противоречило общественному благосостоянию (ст. 29).

Более того, некоторые социальные права японцев очень напоминают права граждан РСФСР:

- народ обладает неотъемлемым правом избирать публичных должностных лиц и отстранять их от должности (ст. 15);
- гарантируется свобода научной деятельности (ст. 23);
- все имеют право на поддержание минимального уровня здоровой и культурной жизни (ст. 25);
- во всех сферах жизни государство должно прилагать усилия для подъема и дальнейшего развития общественного благосостояния, социального обеспечения, а также народного здоровья (ст. 25);
- все имеют равное право на образование в соответствии со своими способностями в порядке, предусмотренном законом (ст. 26);

– все должны обеспечить прохождение обязательного обучения детьми, находящимися на их попечении, обязательное обучение осуществляется бесплатно (ст. 26);

– все имеют право на труд и обязаны трудиться (ст. 27).

На самом деле не так важно, где и как прописаны права граждан. Они могут быть вообще не прописаны, а признаны по умолчанию. Гораздо важнее, чтобы эти права были и соблюдались. Например, право на жилье можно обеспечить по-разному. Можно как в РСФСР — сдавать гражданам в аренду государственные квартиры за умеренную плату, а можно как в Германии — делать жилье доступным с помощью хорошо продуманных рыночных механизмов, но при активной помощи государства¹. Нельзя ограничиваться одним лишь провозглашением права на жилье.

Однако сегодня от людей, которые называют себя либералами, можно услышать примерно такое: «Народу надо дать не рыбу, а удочку». С этим можно согласиться при условии, что удочка настоящая, а в озере есть рыба, если ее уже не выловили сетями. Итак, надо понимать следующее: граждане должны рассчитывать только на себя, то есть, исключительно за счет своих объективно скромных средств учиться, лечиться, покупать жилье и т. д., а объединяющая их общественная организация (государство) должна быть «ночным сторожем», который в экономику и социальную сферу не вмешивается и с помощью законов не обеспечивает нормальное соотношение предельно возможных доходов и жизненно необходимых расходов граждан, тогда последним рано или поздно ничего не останется делать, как выйти из этой общественной организации и вступить в другую. И кое-где на постсоветском пространстве это уже происходит. Конечно, все так не сделают, но в любом случае государство от этого сильнее не станет.

Государство сильно своими гражданами. А граждане сильны, если они в достаточной степени здоровы, образованы, трудолюбивы, законопослушны, трудоустроены и в силу этого обеспечены, по крайней мере, самым необходимым для достойной жизни, политически активны и патриотичны. Причем все эти качества взаимосвязаны: наличие одних способствует наличию других. Но надо признать, что многие люди в силу разных причин в принципе не могут достичь перечисленных качеств самостоятельно. Однако такая задача может быть решена с помощью института правового статуса гражданина. А определить и обеспечить этот статус должны те, кому общество доверило руководить им.

Литература

1. В.И. Ленин. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. М.: Политиздат, 1977. 24 с.

¹ Государственная жилищная политика. Часть 1. Жилищная политика Германии после 1945 года // Материал Адвокатской фирмы «ЮРИНФОРМ-ЦЕНТР». URL: <http://www.jurinfo.ru/publications/estate/p408/> (Дата обращения: 12.01.2013 г.)

2. Всеобщее обучение // Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 1329–1334.
3. Конституционное право России: учебник / Под ред. Г.Н. Комковой. М.: Юристъ, 2006. 408 с.
4. О введении всеобщего начального обучения в Российской империи // Программа реформ П.А. Столыпина. Документы и материалы: В 2-х тт. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. 764 с.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеол. выражений / Российская АН; Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.
6. *Царёв А.Ю.* О развитии конституции Российской Федерации / А.Ю. Царёв // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. М.: 2009. №№ 5, 6 (92, 93). С. 7–10.
7. *Чистяков О.И.* Становление «Российской Федерации» (1917–1922). 2-е изд., реприн. М.: Зерцало–М: МГУ, 1996. 352 с.

References

1. V.I. Lenin. O gosudarstve. Lekciya v Sverdlovskom universitete 11 iulya 1919 g. M.: Politizdat, 1977. 24 s.
2. Vseobshhee obuchenie // Sovetskij enciklopedicheskij slovar' / Gl. red. A.M. Proxorov. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1989. S. 1329–1334.
3. Konstitucionnoe pravo Rossii: uchebnik / Pod red. G.N. Komkovej. M.: Yurist'', 2006. 408 s.
4. O vvedenii vseobshhego nachal'nogo obucheniya v Rossijskoj imperii // Programma reform P.A. Stoly'pina. Dokumenty' i materially': V 2-x tt. T. 1. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, 2002. 764 s.
5. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: 72 500 slov i 7500 frazeol. vy'razhenij / Rossijskaya AN; In-t rus. yaz.; Rossijskij fond kul'tury'. M.: Az'' Ltd., 1992. 960 s.
6. *Czaryov A.Yu.* O razvitii konstitucii Rossijskoj Federacii // Predstavitel'naya vlast' — XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy'. M., 2009. №№ 5, 6 (92, 93). S. 7–10.
7. *Chistyakov O.I.* Stanovlenie «Rossijskoj Federacii» (1917–1922). 2-e izd., reprin. M.: Zerczalo–M: MGU, 2003. 352 s.

A.Yu. Tsaryov

On the Legal Status of Citizen as an Element of the State Organization

In the article on the basis of the historical, legal and other arguments it is concluded that, — an element of the state system is the legal status of a citizen along with the form of government, the form of the administrative-territorial structure and the form of political regime.

Keywords: state system; legal status of a citizen.

С.Н. Чурилов

О взглядах на истину в российском уголовном процессе

В статье исследуется проблема истины в современном российском уголовном процессе. Сделан вывод, что достижение объективной истины по уголовному делу является целью судопроизводства и одновременно принципом уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; объективная истина.

Представление об истине как одной из философских категорий занимает в гносеологии наиважнейшее место, ибо процесс познания в любой его области имеет целью раскрытие сущности познаваемых объектов. Проблема истины в уголовном судопроизводстве — частный случай применения положений теории познания в данной области человеческой деятельности. Истина при расследовании преступлений и судебном разбирательстве уголовных дел является целью доказывания — установления наличия либо отсутствия обстоятельств, от которых зависит правильное разрешение дела по существу. Сущность процесса в этой специфической деятельности заключается в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств. Конечной целью данного познавательного процесса является установление истины по делу, т. е. соответствия представления субъекта расследования или суда об имевших место в прошлом событии и связанных с ним обстоятельствах объективной действительности.

Данный взгляд на истину в уголовном судопроизводстве означает, что объективная истина является формой отражения действительности, каковой является событие, требующее судебного исследования. Теория объективной истины по сравнению с другими взглядами на истину занимает господствующее положение в уголовно-процессуальной науке, так как основывается на положениях о всеобщности процесса познания, на том философском постулате, что познание истины в конкретной области человеческой деятельности есть частный случай применения данной теории. Так, И.Я. Фойницкий, говоря об уголовно-судебной достоверности, полагал, что «конкретные события познаются со всею точностью и реальностью» [11: с. 174]. На этой же позиции стоят многие современные ученые-процессуалисты.

Е.А. Доля под процессом доказывания понимает «осуществляемую в предусмотренном законом порядке деятельность органов расследования, прокурора и суда по собиранию, исследованию и оценке доказательств с целью *установления истины* (курсив мой. — С. Ч.) по уголовным делам, представляющую собой частный случай применения теории познания [3: с. 149]. И.Л. Петрухин

полагает, что достижение истины есть *достоверное* установление всех элементов предмета доказывания [10: с. 237]. Такого же мнения придерживается В.И. Качалов: достижение истины — это установление всех элементов предмета доказывания, указанных в ст. 73 УПК РФ [5: с. 224]. То есть, «то, что достоверно, то и является истинным, так как находится в соответствии с действительностью», — утверждал М.С. Строгович [8: с. 34].

А.Р. Белкин, определяя свою позицию по этому важному вопросу, поддерживает точку зрения Л.Д. Кокорева и Д.П. Котова, которая, по существу, не расходится с мнением вышеуказанных авторов о том, что «целью доказывания является установление истины, возможность и необходимость достижения которой по каждому уголовному делу — не только правовое, но нравственное требование к должностным лицам, осуществляющим судопроизводство» и считавших стремление познавать истину и не отклоняться от нее профессиональным и моральным долгом следователя, прокурора, судьи [1: с. 10].

Основываясь на вышеизложенных утверждениях ученых-процессуалистов разных поколений, следует констатировать, что в уголовном судопроизводстве истина обладает критерием достоверности. Данный вывод вполне соответствует философскому пониманию достоверности, обозначающей наличие знания, в истинность которого верят субъекты познания на основании признаваемых доводов [9: с. 457]. Согласно Толковому словарю русского языка, понятие достоверности обозначает верный, не вызывающий сомнений [7: с. 177].

Другой важный вывод сводится к тому, что судебное познание истины основывается на всеобщем процессе познания истины, который, по ленинскому определению, выражается в формуле «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него — к практике». Процесс судебного доказывания, прокладывая себе путь от незнания к истинному знанию, управляется именно этим всеобщим правилом постижения истины. В уголовно-судебном познании следователь, прокурор и суд, как и в любой другой области человеческой деятельности, переходит от чувственного восприятия отдельных фактов, группы фактов, причинных связей между ними, обладающих свойствами доказательств, к логическому осмыслению воспринятого (т. е. к абстрактному мышлению), а затем — к производству следственных и иных действий в целях получения недостающей доказательственной информации (т. е. к практике).

Но будучи частным случаем всеобщего пути познания, доказывание в уголовном судопроизводстве приобретает свойственную ему специфику за счет условий протекания этого процесса: использования специальных средств доказывания, применения их специальными субъектами доказывания обстоятельств, предписанных законом, и подчас в неблагоприятных для установления истины условиях.

Следовательно, не может быть признано верным утверждение о том, что «нет, и не может быть специфически судебного познания истины» [1: с. 12]. Процесс познания истины в практике предварительного расследования преступлений и судебного разбирательства по уголовным делам по своей гносеологической природе не отличается от общих закономерностей познавательного процесса. Однако всеобщность процесса познания объективной

действительности не отрицает специфики его проявления в уголовном судопроизводстве, обусловленной спецификой данной разновидности практической деятельности по установлению истины.

Утверждение ученых о возможности и необходимости постижения истины в процессе доказывания по уголовным делам основывается на философской теории всеобщности отражения материи, согласно которой не существует принципиально не отражаемых явлений. Следовательно, любое преступление как явление неизбежно вызывает изменения в окружающей среде — в вещной обстановке и сознании людей. Связь изменений с событием преступления существует объективно [6: с. 43]. Процесс возникновения информации о преступном событии управляется определенными закономерностями [2: с. 122, 123], которые с гносеологической точки зрения являются объективной предпосылкой установления истины в судебном исследовании преступлений. Таковыми являются: повторяемость процесса возникновения следов события при наличии определенных условий; логическая связь между действиями преступника и наступлением преступного результата; обусловленность следов события способом совершения преступления; зависимость выбора способа совершения преступления от взаимодействующих между собой обстоятельств субъективного и объективного характера [2: с. 122, 123].

Однако возникают вопросы, во всех ли случаях проявляется закономерность обнаружения следов события или она может по какой-то причине не реализоваться? Ведь процесс возникновения следов в какой-то его части может носить случайный характер и в силу этого они окажутся недостаточно информативны, отдельные следы события по той или иной причине могут исчезнуть, должностное лицо, осуществляющее собирание доказательственной информации, может не обладать необходимыми для этого субъективными качествами, следы преступления могут быть сокрыты инсценировкой и т. п. Преодолимы ли указанные трудности объективного и субъективного характера в процессе доказывания по уголовным делам и возможно ли при их наличии достоверное установление обстоятельств произошедшего события?

Исходя из принципа отражаемости события и самой сущности процесса познания, на эти вопросы следует дать положительный ответ. Важно обратить внимание на то обстоятельство, что окружающая среда, в которой преступление вызывает изменение в виде следов, является многообъектной, следы (материальные и идеальные) содержатся не на одном отражающем объекте, а на их комплексе. Образовавшаяся в результате отражения события следовая картина включает в себе определенный объем информации, указывающий на субъект события и способ его действий. Совокупность всей доказательственной информации, собранной из разных источников, в принципе соответствует свойствам отражаемого объекта (преступника и способа его действий), хотя в действительности полного отражения события быть не может.

Объективные предпосылки обнаружения следов преступления и преступника реализуются через сознательную деятельность субъекта расследования, который целенаправленно, чувственно рационально воспринимает содержащуюся

в различных источниках информацию о расследуемом событии. Эффективность данного процесса зависит, в частности, от знания субъектом доказывания закономерностей возникновения информации о данном преступлении и его участниках, приемов и средств обнаружения следов события, умения применить эти приемы и средства, обладания наблюдательностью, логическим мышлением, умением вывести из проверяемых версий необходимые следствия и осуществить их поиск. Единство живого созерцания (наблюдения с целью восприятия информации) и абстрактного (логического) мышления и практическая уголовно-процессуальная деятельность субъекта расследования представляют собой, с точки зрения гносеологии, познавательный цикл, повторяемость которого прокладывает путь к достоверному познанию обстоятельств произошедшего события.

Недостающие субъективные качества лица, осуществляющего собирание фактических данных о событии, могут быть восполнены специальными знаниями и умениями специалиста, участвующего в производстве следственного действия. Познание смыслового значения информации, заключенной в следах события, осуществляется и в процессе судебно-экспертного исследования собранных по делу объектов. Результаты такого исследования значительно расширяют границы познания, осуществляемого следователем; они позволяют восполнить информационную неполноту о событии и связанных с ним обстоятельствах. Границы неразличимого при собирании доказательственной информации отодвигаются и при использовании необходимых технических средств собирания этой информации. Чем эффективнее применяемые технические средства обнаружения, тем доступнее следы преступного события, а также изменения среды, возникающие при инсценировках.

Действие указанных выше закономерностей возникновения и собирания доказательственной информации обеспечивает в доказывании поступательное движение к достоверному установлению обстоятельств расследуемого события. Однако следует учитывать, что эти и другие закономерности, относящиеся к предмету криминалистики, проявляются как тенденция, так как, несмотря на объективно существующую возможность обнаружения следов события, они в силу тех или иных объективных и (или) субъективных факторов остаются необнаруженными. Следовательно, не во всех случаях возможно достижение абсолютного знания о расследуемом событии и отдельных, связанных с ним обстоятельствах. Но исключает ли это обстоятельство достоверность выводов субъекта доказывания о наличии либо отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу? Ответ на этот вопрос имеет важное теоретическое и практическое значение.

По сути, разрешение данного вопроса лежит в плоскости определения соотношения понятий абсолютной и относительной истины, достоверного и вероятного знания о расследуемом событии.

С точки зрения гносеологии, абсолютная истина выражается в адекватном знании исследуемого объекта, т. е. в точном знании, которое не вызывает сомнений в силу очевидной доказанности факта его существования и присущих ему свойств. Так, знание о том, что г. Москва является столицей Рос-

сийской Федерации, — абсолютная истина. В уголовном судопроизводстве абсолютной истиной является знание, например, о том, что смерть человека наступила от огнестрельных ран, причиненных ему при производстве выстрела из стрелкового огнестрельного оружия с неблизкой дистанции, что исключает причинение ран собственной рукой пострадавшего.

Абсолютными истинами могут являться знания о времени, месте, способе совершения преступления и о других обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Однако абсолютные истины как знания отдельных обстоятельств, образующих предмет доказывания, являются относительными истинами по отношению к общему знанию о составе расследуемого преступления, его квалификации. Именно установление абсолютной истины по уголовному делу, складывающейся из необходимого множества относительных по отношению к ней истин, является определяющим условием принятия безошибочных, достоверных решений следователем, прокурором либо судом.

Вероятные, предположительные знания об отдельных обстоятельствах исследуемого события и о событии в целом не обладают свойством достоверности и по этой причине не могут быть положены в основу выводов и принимаемых по уголовному делу решений.

В теории доказательственного права до последнего времени обсуждается вопрос о том, являются ли косвенные доказательства (улики) носителями только вероятного знания или же они при определенных условиях могут быть рассмотрены в качестве достоверного знания. Например, установленный факт нахождения подозреваемого незадолго до времени убийства на месте его совершения *сам по себе* ничего не доказывает. Лицо, подозреваемое в убийстве, могло там оказаться по причине, не связанной с данным преступлением. Аналогичное значение будет иметь факт обнаружения при обыске в квартире подозреваемого орудия убийства при отсутствии других доказательств, изображающих это лицо в совершении преступления. Орудие убийства могло быть подброшено на место его обнаружения при обыске истинным убийцей, инсценировавшим совершение этого преступления иным лицом.

Представляется, что косвенное доказательство, взятое в единственном числе и в отрыве от прямых доказательств, несет в себе по отношению к предмету доказывания лишь вероятные знания. Установление объективной связи улики с предметом доказывания может быть осуществлено только в неразрывной связи с имеющимися по делу прямыми доказательствами. При отсутствии таковых, что вполне может быть на практике, достижение истинного знания при использовании улик связано с таким накоплением косвенных доказательств и в таком количестве, что они могут служить достаточным основанием для достоверных выводов по уголовному делу.

Как отмечено выше, с проблемой истины в уголовном процессе органически связан вопрос о взаимосвязи между субъектом познания и познаваемым объектом. Следователь, прокурор, суд не непосредственно воспринимают событие, имевшее место в прошлом, а опосредованно — с помощью доказательственных фактов. Это обстоятельство породило вопрос о том, действует ли при такой

взаимосвязи между субъектом исследования и исследуемым событием принцип отражения. На мой взгляд, отход в данном случае от принципа отражения неизбежно ведет к субъективизму в теории познания, к вероятной истине в теории и практике уголовного судопроизводства, к отказу от объективной истины. Субъект познания события, требующего судебного исследования, познает объективную реальность, т. е. то, что имело место в действительности. Специфика юридического познания при судебном исследовании преступлений состоит не в том, что познающий субъект, по мнению некоторых авторов, устанавливает лишь так называемую «юридическую истину», а в том, что процесс этого познания, как уже было отмечено, протекает в условиях, характерных именно для уголовного судопроизводства. Установление связи юридического познания с юридической истиной, т. е. с субъективной и, следовательно, вероятной истиной, по существу означает отказ в уголовном судопроизводстве от объективной истины.

Согласно принципу отражения, субъективная истина в уголовном процессе не может являться формой отражения действительности. Таковой формой является только объективная истина. Установление объективной истины идет от реальных фактов (изменений в окружающей среде, вызванных исследуемым событием) и причинно-следственных связей между ними, существующих объективно, помимо воли следователя, прокурора или суда. В гносеологическом аспекте формирование у субъекта доказывания убеждения в установлении истины складывается в системе «познал — определил ценность — принял как истину — принял решение» [4: с. 125] на основе определенной совокупности доказательств относительно обстоятельств уголовно-правового значения. Безусловно, формирование убеждения основывается не только на собранных по делу доказательствах, но в психологическом плане является выражением личной позиции субъекта доказывания, его профессиональных умений и этических воззрений, а также требований закона, выражения общественного мнения. При расследовании преступлений и судебном разбирательстве по уголовным делам в силу разных причин могут быть допущены те или иные ошибки: например, при неполном отражении события в окружающей среде, искажении информации при ее получении и воспроизведении участниками уголовного процесса. Возможны ошибки и в процессе логической обработки поступающей информации. По этим и другим причинам объективная истина может быть не установлена. Но следует ли из этого положения вывод о том, что объективная истина в уголовном процессе не достижима и она должна быть заменена на «юридическую истину»? Разумеется, нет. Если в процессе доказывания по уголовному делу не достигнуто адекватного знания об обстоятельствах расследуемого события, то объективная истина остается непознанной, но, безусловно, познаваемой. Вероятная (или юридическая) истина допускает право на ошибку в выводах и решениях следствия и суда. Наметившаяся в уголовно-процессуальной науке тенденция к сведению познания субъекта доказывания к установлению юридической (или вероятной) истины — это путь к признанию в теории доказательственно-го права субъективизма вместо объективности. При таком подходе предпола-

гается квалификация деяния не с точки зрения достоверности, а с точки зрения определенной условности, предположения, вероятности.

Понятие объективной истины в уголовном судопроизводстве неразрывно связано с объективным, полным и всесторонним исследованием произошедшего события. Так называемые фактические презумпции типа «признание обвиняемого — царица доказательств» не должны определять выводы исследования. Значимость данной презумпции при отсутствии других доказательств, подтверждающих признательные показания обвиняемого, должна быть сведена к нулю в силу их вероятного знания. Именно по этой причине законодатель установил в ч. 2 ст. 77 УПК РФ положение, согласно которому «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств». Выводы следователя на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, а также суда в процессе судебного разбирательства могут быть сделаны только при условии установления объективной истины. Процесс познания объективной истины по уголовному делу идет от неполного к более полному знанию. Итогом предварительного расследования является полное и точное установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, служащих основанием для составления обвинительного заключения либо для принятия иного уголовно-процессуального решения. Итогом судебного разбирательства по уголовному делу является установление объективной истины.

Требование объективной истины относится не только к окончательным решениям на стадиях досудебного и судебного производства. Истинным должен быть не только итоговый результат исследования по уголовному делу, но и все процессуальные решения, включая первоначальные и промежуточные.

Резюмируя сказанное выше, следует признать, что достижение объективной истины по уголовному делу является целью уголовного судопроизводства и одновременно принципом уголовного процесса.

Введение в ныне действующий уголовно-процессуальный закон принципа состязательности сторон не должно исключать из уголовного судопроизводства объективную истину, которая достижима только при всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств произошедшего события и неукоснительном соблюдении принципа законности.

Литература

1. *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007. 528 с.
2. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: В 3-х тт. Т. 1. М.: Юристь, 1997. 408 с.
3. *Доля Е.А.* Доказательства и доказывание // Уголовный процесс / Под ред. В.П. Божьева. М.: Спарк, 2004. С. 149–152.
4. *Гранат Н.Л., Погибко Ю.Н.* Внутреннее убеждение в структуре криминалистического мышления // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М.: ВНИИСЭ, 1972. С. 125–143.
5. *Качалов В.И.* Понятие истины в уголовном судопроизводстве // Уголовно-процессуальное право: учебник / Под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2012. С. 222– 227.

6. *Корюкин В.И.* Вероятность и информация // Вопросы философии. 1965. № 8. С. 36–47.
7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. 944 с.
8. *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Академия наук СССР, 1955. 383 с.
9. Субъект, познание, деятельность. К 70-летию В.А. Лекторского. М.: Канон, 2002. 720 с.
10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 672 с.
11. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: В 2-х тт. Т. 2. СПб.: Сенатская типография, 1910. 572 с.

References

1. *Belkin A.R.* Teoriya dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve. M.: Norma, 2007. 528 s.
2. *Belkin R.S.* Kurs kriminalistiki: V 3 x tt. T. 1. M.: Yurist", 1997. 408 s.
3. *Dolya E.A.* Dokazatel'stva i dokazyvanie // Ugovny'j process / Pod. red. V.P. Bozh'eva. M.: Spark, 2004. S. 149–152.
4. *Granat N.L., Pogibko Yu.N.* Vnutrennee ubezhdenie v structure kriminalisticheskogo my'shleniya // Voprosy' bor'by' s prestupnost'yu. Vy'p. 17. M.: VNIISE', 1972. S. 125–143.
5. *Kachalov V.I.* Ponyatie istiny' v ugovnom sudoproizvodstve // Ugovno-processual'noye pravo: uchebnik / Pod. red. V.M. Lebedeva. M.: Yurajt, 2012. S. 222–227.
6. *Koryukin V.I.* Veroyatnost' i informaciya // Voprosy' filosofii. 1965. № 8. S. 36–47.
7. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka. M.: ITI TEXNOLOGII, 2003. 944 s.
8. *Strogovich M.S.* Material'naya istina i sudebny'e dokazatel'stva v sovetskom ugovnom processe. M.: Akademiya nauk SSSR, 1955. 383 s.
9. Sub'jekt, poznaniye, deyatel'nost'. K 70-letiyu V.A. Lektorskogo. M.: Kanon, 2002. 720 s.
10. Ugovno-processual'noye pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik. 2-e izd; pererab. i dop. M.: Prospekt, 2009. 672 s.
11. *Fojniczkij I.Ya.* Kurs ugovnogo sudoproizvodstva: V 2-x tt. T. 2. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1910. 572 s.

S.N. Churilov

On Views on the Truth in the Russian Criminal Trial

In the article the problem of truth in contemporary Russian criminal trial is investigated. The conclusion is drawn that achievement of an objective truth on criminal case is the purpose of legal proceedings and at the same time the principle of criminal trial.

Keywords: criminal legal proceedings; objective truth.

А.А. Арутюнов

К вопросу о причинной связи в уголовном праве

Статья посвящена до сих пор актуальной проблеме причинной связи в уголовном праве. Исследуются общеправовые и уголовно-правовые понятия причинной связи. Анализируются сложившиеся позиции о причинной связи в бездействии. Обосновывается точка зрения об отсутствии ее между бездействием и наступившим последствием. Предпринята попытка «развенчания» информационной причинности.

Ключевые слова: причинная связь; бездействие; причинная связь при бездействии; информационная причинность.

Проблематика уголовно-правовой причинности, как считал, к сожалению, недавно ушедший из жизни А.Э. Жалинский, на первый взгляд, исчерпывающе исследована в уголовно-правовой литературе... вместе с тем уголовно-правовая доктрина не может ответить на многие теоретические и практические вопросы [5: с. 19].

И действительно, если Н.С. Таганцев еще в конце XIX века отмечал, что «всякое материальное последствие, будет ли то опасность вреда или действительный вред, предполагает для вменения его учинившему, что оно было им вызвано, наличие причинной связи» [19: с. 501], то, напротив, С.П. Мокринский, рассматривая вопрос применительно к соучастию, писал: «Действие соучастника может не стоять в причинной связи с инкриминируемым изменением (судя по всему, речь идет о «материальных» составах. — А.А.), последнее — составлять результат единственно деятельности исполнителя, а тем не менее соучастник — подлежать ответственности» [13: с. 540].

Во второй половине XX века в немецкой юридической литературе была предпринята попытка подвергнуть сомнению причинность (каузальность) действия со следующим обоснованием. В основе «естественного» или «каузального» учения о действии лежит положение о том, что телесное движение, возникнув как результат воли, делается причиной изменения во внешнем мире.

Главным недостатком «естественного» учения о действии представители «финальной теории» считают то, что оно сущность действия усматривает лишь в его каузальном характере по отношению к последствиям. Напротив, сторонники «финальной теории» считают основным моментом действия не его каузальный характер, а его субъективный характер, его целенаправленность [25: с. 29, 32].

Не согласиться с этим нельзя, однако очевидно, что действие следует рассматривать одновременно как целевое и каузальное явление. Сама по себе

целенаправленность действий без оценки их причинной связи с преступными последствиями не позволяет обосновать уголовную ответственность лица.

Последствие, как элемент состава, указывал профессор А.Н. Трайнин, не может существовать в отрыве от субъекта преступления и его действия; напротив, оно должно быть неразрывно связано с субъектом, притом связано вдвойне: субъективной связью — виновностью, объективной связью — причинностью. Как немыслим состав преступления при отсутствии виновной связи, так немыслим состав при отсутствии причинной связи. В первом случае возникает положение объективного вменения, во втором случае — вменение непричинного последствия [24: с. 90].

Следовательно, наступивший преступный результат имеет уголовно-правовое значение только тогда, когда между ним и преступным поведением существует причинная связь.

Профессор А.Э. Жалинский писал, что уголовно-правовая причинность представляет собой специфический, сложный социально-правовой феномен, и уголовно-правовая наука должна разработать свое учение об этом феномене, отличное по многим, хотя и не по всем, параметрам от философского и т. п. учений. Ошибочным, указывал уважаемый автор, является подход, отрицающий уголовно-правовую природу причинных связей в структуре преступления и преувеличивающий значение философских аргументов при их исследовании [5: с. 19]. Это, безусловно, весьма значимые соображения.

В связи с этим эвристическую ценность представляет исследование понятий, используемых юриспруденцией, проведенное Н.Н. Тарасовым, который предложил разделить их на 3 группы:

- органические понятия — это юридические понятия, которые, «составляя ядро предметной области науки, принадлежат ей и генетически, и исторически, возникают в рамках юридической деятельности на собственных правовых основаниях»;

- консолидированные понятия — это юридические понятия, «возникающие в других областях знания... и включающиеся в юридический оборот не механически, а претерпевая серьезные изменения... и приобретающие новое (юридическое) содержание»;

- ассоциированные понятия — это «понятия других наук и областей знания, вовлекаемые в “понятийный оборот” для получения представлений о явлениях, имеющих практическое юридическое значение» [21: с. 165–166].

Далее, Н.Н. Тарасов предлагает использовать в единстве три подхода к рассмотрению и изучению права: философский, научный и догматический [21: с. 122].

Применение в совокупности указанных подходов, по мнению А.Ю. Кошелевой, позволяет наиболее глубоко изучать право; в частности, выяснить существо причинной связи в уголовном праве не может быть ограничено лишь философским подходом или лишь правовым (научным и догматическим)

подходом. Следовательно, полагает автор, разрешение вопроса о существовании причинной связи в уголовном праве претендует на то, чтобы ответы на него были в равной мере обоснованы двумя науками: философией и уголовным правом [8: с. 16–17]. Попробуем воспользоваться изложенной методологией для разрешения отдельных вопросов обозначенной темы.

Современный детерминизм включает в понятие причинности генетичность, закономерность и необходимость. Генетичность означает, что одно явление следует в результате воздействия другого. В. Виндельбанд называет это основным законом причинности: «... всё эмпирически действительное имеет свою причину, за которой оно по известному правилу следует во времени» [3: с. 17]. Причинная связь есть такая связь между явлениями, при которой определенное событие возникает благодаря созидающей деятельности предшествующего события, являющегося активным началом [25: с. 167–168]. Активность причины обычно выражается глаголами «производить», «вызывать», «порождать», «изменять», «действовать» и т. д. [16: с. 30].

Однако в теории русского уголовного права Н.С. Таганцев полагал, что «ответственность за невмешательство... должна иметь основанием причинное отношение невмешательства к возникшему преступному посягательству, к созданию опасности или вреда для правоохраняемого интереса» [20: с. 651]. В свою очередь, Э.Я. Немировский отрицал причинную связь при бездействии. Если бездействие есть ничто, то ничего произвести оно не может, следовательно, не может быть причиной [14: с. 111].

Похоже, это позволяет не согласиться с выводом В.Н. Кудрявцева, что «пассивное состояние одного явления может (при определенных условиях) рассматриваться как причина пассивного состояния другого (т. е. наступление изменений в другом явлении)» [10: с. 96–98], и признать правоту В.Б. Малинина, что «пассивная» причина — не причина, так как она не порождает вредных изменений внешнего мира [12: с. 35].

В современной литературе А.А. Тер-Акопов полагал, что основой причинной связи при бездействии является не перенос материи, энергии и информации, а более фундаментальное свойство причинности в социальных отношениях — системное изменение. По мнению автора, современное юридическое мышление должно выходить за рамки узкой, механистической причинности; необходимо видеть даже невидимую связь, существующую между поведением конкретных лиц и наступившим общественно опасным последствием [6; 22: с. 250]. Нам же кажется, что при таком подходе причинность просто подменяется детерминацией, что, конечно, не может быть признано правильным.

Наконец, А.Ю. Кошелева считает, что пассивная причина, то есть кажущееся на первый взгляд отсутствие активных событий, имеет равную причиняющую способность. По ее мнению, основным признаком причины здесь является не активность либо пассивность, а действенность (в смысле эффективности) и внешний — по отношению к объекту воздействия — характер [8: с. 21].

С предложенным обоснованием причинной связи при бездействии согласиться нельзя. Бездействие заключается в несовершении определенного, требуемого уголовным правом действия, которое конкретное лицо было обязано и имело реальную возможность совершить, прервав тем самым течение причинной связи [1: с. 109].

Далее, закономерность означает отсутствие произвольности в происходящем.

При этом причинность обусловлена обильным присутствием других форм связи, от которых мы ее освобождаем в мыслительном процессе.

И в этом случае «связь причины и следствия при фиксированных условиях носит необходимый характер» [17: с. 133]. Это означает не простое неизменное чередование двух явлений, а неизбежное и непосредственное следование следствия за причиной. Связь причины и следствия является необходимой и непосредственной. С. Балашов верно по этому поводу указывает, что существование причинной связи между начальными действиями и конечным результатом означает наличие непрерывной цепи из звеньев («результат» каждого предыдущего звена совпадает с «действием» следующего за ним звена), соединяющей начальные действия и конечный результат [2: с. 6]. Изложенное несовместимо со схемой «после этого — значит, по причине этого». В указанной схеме причинная связь смешивается с простой последовательностью во времени, когда предшествующее явление принимается за его причину [7: с. 28].

В свое время Спиноза высказал интересную мысль о том, что случайное имеет также конкретную причину и становится необходимым для другого причинного ряда [18: с. 101–104].

Конечно, и необходимое, и случайное следствия причинно обусловлены (раз уж они наступили!). Другое дело, что необходимое следствие закономерно и непосредственно вытекает из данного явления и внутренне присуще ему. Случайное же следствие наступает потому, что имеет место переплетение с другой цепью причинности.

Профессор М.Д. Шаргородский предложил «в объективной стороне состава различать причины, с необходимостью вызывающие данный результат, и причины, вызвавшие результат случайно» [27: с. 132].

В свою очередь, академик В.Н. Кудрявцев выдвинул положение, что «всякое виновное причинение вреда влечет ответственность независимо от того, является ли причинная связь между действиями лица и общественно-опасными последствиями необходимой или случайной» [9: с. 50].

По нашему мнению, это не совсем правильно. Необходимая причинная связь действительно должна включаться в объективную сторону состава преступления, но случайная причинная связь (тоже реальная, но для другой цепи причинности) не имеет к данному составу преступления никакого отношения. Мы и различаем необходимую и случайную причинную связь для того, чтобы включить необходимую причинную связь в состав преступления, а случайную причинную связь оставить за его рамками.

Приведем два известных примера из практики. В 1996 году на перегоне М. Батай-Конармейская столкнулись тепловоз с автобусом, в результате чего погибли 22 человека. Было установлено, что машинист М. превысил скорость, а водитель автобуса С. выехал на занятый перегон. Ростовским областным судом водитель автобуса С. был осужден по ст. 264 ч. 3 УК РФ, а машинист Н. — по ст. 263 ч. 3 УК РФ. Верховный Суд Российской Федерации отменил приговор в отношении машиниста Н., а затем Ростовским областным судом машинист Н. был оправдан ввиду отсутствия необходимой причинной связи между его действиями и причинением преступного вреда. В другом примере, когда в результате взрыва газа в трубопроводе погибли сотни пассажиров проходящих мимо поездов, предлагалось привлечь к уголовной ответственности машинистов поездов, оказавшихся случайно в момент взрыва газа в опасном районе, признавая причиной смерти пассажиров лишь то, что один из машинистов превысил, а другой снизил скорость движения состава [2: с. 9], хотя сразу было понятно, что действия машинистов не имеют причинной связи с гибелью людей.

В современной социологии появилось понятие информационной причинности. «В причинных связях в обществе особо важную роль играет перенос информации от причины к следствию. Речь идет о причинности особого вида — информационной» [26: с. 24]. Заметим по этому поводу, что если информация переносится от причины к следствию, то, значит, не является ни причиной, ни следствием. Между тем в теории уголовного права понятие информационной причинности в настоящее время даже устоялось. Началом этому положил выступивший с теорией «информационной причинности» академик В.Н. Кудрявцев: «Изучение процессов управления, развитие кибернетики и философское обобщение новых физических открытий позволили сделать вывод, что взаимодействие причины и следствия теперь характеризуется не только как передача вещества и энергии, но и как передача информации от одного предмета к другому. Следовательно, помимо энергетической, существует информационная причинность» [10: с. 8; 22: с. 249, 305–315].

Для соучастия в преступлении, например, эта концепция, на первый взгляд, может показаться вполне подходящей, поэтому на ней следует остановиться. С позиций философии здесь, пожалуй, имеет место субъективный идеализм, представители которого (Беркли, Юм, Кант, Шпенглер) отрицали существование объективной причинности и придавали причинной связи субъективно-психологическое значение. Отсюда причина есть субъективное понятие, посредством которого связываются явления. Причинность — это форма интеллектуального опыта, психический процесс мыслеобразования. Между тем причинность является объективной категорией (Декарт, Бэкон, Гоббс, Локк, Фейербах, Гегель). Следует признать, что причинность сама по себе существует как объективная категория, всегда обладает свойством объективной реальности и лишь может отражаться как логическая категория в голове человека. Интеллектуальная деятельность человека просто дает возможность доказать реальную объективную связь

явлений. А.Э. Жалинский правильно, на наш взгляд, обращал внимание на то, что причинная связь непосредственному познанию не поддается, и ее предметная констатация и установление носят выводной характер [6: с. 379].

По мнению Г. В. Тимейко, к которому мы присоединяемся, нельзя согласиться с тем, что помимо энергетической существует информационная причинность, при которой отсутствует перенос энергии и вещества, а имеется лишь передача информации. Использование понятия «информационная причинность» для доказательства причинной связи между передачей информации и тем вредом, который был причинен другим лицом под влиянием полученной информации, включает в объективный процесс причинности психологические процессы, возникающие в сознании объекта информации, что противоречит объективному характеру причинности [12: с. 36; 23: с. 207–216].

В этой связи невозможно разделить господствующее в юридической литературе утверждение, что в причинной связи с совершением преступления находятся не сами заранее обещанные действия по приобретению или сбыту имущества, заведомо добытого преступным путем, а заранее данное обещание совершить такие действия [4: с. 221].

Человек, получивший какую-либо информацию, не становится бездумным и бездушным автоматом, действующим по системе заложенных в нем рычагов и механизмов. И вообще, в арсенале человека имеются такие факторы, как сознание и воля, позволяющие ему принять решение на основе правильной (вернее, пожалуй, собственной. — А.А.) оценки всей объективной реальности [11: с. 91].

Активный сторонник информационной причинности в уголовном праве (деяние характеризуется передачей информации, и именно информация имеет уголовно-правовое значение, причиняющую силу) А.А. Тер-Акопов признавал такую в соучастии в преступлении за исключением физического пособничества. Организатор, подстрекатель, интеллектуальный пособник, указывал уважаемый ученый, участвуют в совершении преступления путем преимущественного воздействия информацией на сознание и волю исполнителя, побуждая его к совершению преступления, укрепляя в нем решимость совершить желаемое деяние, организуя и контролируя его действия и действия других участников преступления, помогая ему советами и рекомендациями. Отсюда и следовал вывод о том, что в механизме соучастия в преступлении действует информационно-психологическая причинность [22: с. 249, 313].

Нам представляется, что между действиями, например организатора и исполнителя, отсутствует даже объективная причинная связь и уж тем более информация не выступает в этих случаях в качестве причины. Использование информации само по себе не имеет значение причины. Сам А.А. Тер-Акопов, придавая информации причиняющую силу, как нам кажется, противоречил себе, правильно отмечая, что информация всегда имеет носителя, которым может быть и физическое деяние, и предмет. Но значение, указывал автор,

имеет только информация, заключенная в деянии. Действительно, например, при фиктивном банкротстве (ст. 197 УК РФ) руководитель заведомо ложно объявляет (информирует) о своей несостоятельности. В результате кредиторы могут быть введены в заблуждение и не получить причитающиеся им платежи, государство может не получить причитающиеся налоги и понести крупный ущерб [22: с. 249]. Понятно, как нам кажется, что не ложная информация стала причиной наступившего крупного ущерба, а действия руководителя, использовавшего ложную информацию. Информация всегда имеет физическую сторону в виде некоего материального источника, который и представляет собой причиняющую силу.

Изложенное позволяет не согласиться и с выводом А.Ф. Парфенова, что информационная причинность может найти применение в составах, так или иначе связанных с передачей информации, например, в составах преступлений в сфере компьютерной информации [15: с. 85–90].

Подведем итоги.

1. Причинная связь в уголовном праве имеет юридическое содержание.
2. Причинная связь между бездействием и преступным результатом отсутствует.
3. Информация сама по себе не может выступать в качестве причины.носителем информации выступает человек, действия которого и вызывают наступление преступных последствий.

Литература

1. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. 406 с.
2. Балашов С. Причинная связь: теоретические основы и судебная практика // Уголовное право. 2009. № 2. С. 5–10.
3. Виндельбанд В. О свободе воли. М.: Академик, 2000. 231 с.
4. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр Юринфор, 2001. 316 с.
5. Жалинский А.Э. О необходимости нового подхода к причинности в уголовном праве // 10 лет Уголовному кодексу и Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан: достижения и перспективы: мат-лы междунар. практ. конф. Караганда: Карагандинский юридический ин-т им. Б. Бейсенова, 2007. С. 19–31.
6. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект, 2009. 296 с.
7. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М.: Юристъ, 1996. 256 с.
8. Кошелева А.Ю. Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия. М.: Спарк, 2009. 208 с.
9. Кудрявцев В.Н. К вопросу о причинной связи в уголовном праве // Советское государство и право. 1950. № 1. С. 37–44.
10. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М.: Юридическая литература, 1968. 176 с.
11. Малинин В.Б. Философские, исторические и теоретические основы причинной связи в уголовном праве. СПб.: ГКА, 1999. 170 с.

12. *Малинин В.Б.* Теории причинной связи в концепции В.Н. Кудрявцева // Уголовное право. 2008. № 2. С. 30–37.
13. *Мокринский С.П.* Наказание, его цели и предположения. Томск: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1905. 560 с.
14. *Немировский Э.Я.* Советское уголовное право. Одесса: Одесполиграф, 1926. 132 с.
15. *Парфенов А.Ф.* Общее учение об объективной стороне преступления: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 428 с.
16. *Свечников Г.А.* Категория причинности в физике. М.: Соцэкгиз, 1961. 246 с.
17. Современный детерминизм. Законы природы / Под ред. Г.А. Свечникова, Н.Д. Абрамова и др. М.: Мысль, 1993. 527 с.
18. *Спиноза Б.* Избранные произведения: В 2-х тт. Т. 1. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. 727 с.
19. *Таганцев Н.С.* Курс уголовного права: В 2-х тт. Т. 1. Вып. 2. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1878. 501 с.
20. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: В 2-х тт. Т. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1902. 659 с.
21. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. 265 с.
22. *Тер-Акопов А.А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: Юркнига, 2003. 480 с.
23. *Тимейко Г.В.* Проблемы общего учения об объективной стороне преступления: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1986. 149 с.
24. *Трайнин А.Н.* Учение о составе преступления. М.: Юридическое изд-во МЮ СССР, 1946. 185 с.
25. *Церетели Т.В.* Причинная связь в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963. 282 с.
26. *Чинакова Л.И.* Социальный детерминизм. Проблема движущих сил развития общества. М.: Политиздат, 1985. 159 с.
27. *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья. М.: Юридическое изд-во МЮ СССР, 1948. 511 с.

References

1. *Arutyunov A.A.* Souchastie v prestuplenii. M.: Statut, 2013. 406 s.
2. *Balashov S.* Prichinnaya svyaz': teoreticheskie osnovy' i sudebnaya praktika // Uголовное право. 2009. № 2. S. 5–10.
3. *Vindel'band V.* O svobode voli. M.: Akademik, 2000. 231 s.
4. *Gauxman L.D.* Kvalifikaciya prestuplenij: zakon, teoriya, praktika. M.: Centr Yurinfor, 2001. 316 s.
5. *Zhalinskij A.E'*. O neobxodimosti novogo podxoda k prichinnosti v uголовном prave // 10 let Uголовnomu kodeksu i Uголовно-processual'nomu kodeksu Respubliki Kazaxstan: dostizheniya i perspektivy': mat-ly' mezhdun. prakt. konfer. Karaganda: Karagandinskij yuridicheskij in-t im. B. Bejsenova, 2007. S. 19–31.
6. *Zhalinskij A.E'*. Uголовное право v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'ny'j analiz. M.: Prospekt, 2009. 296 s.
7. *Kirillov V.I., Starchenko A.A.* Logika. M.: Yurist", 1996. 256 s.
8. *Kosheleva A.Yu.* Osobennosti prichinnoj svyazi v sostavax prestuplenij, sovershaemy'x putem bezdejstviya. M.: Spark, 2009. 208 s.

9. *Kudryavcev V.N.* К вопросу о причинной связи в уголовном праве // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1950. № 1. С. 37–44.
10. *Kudryavcev V.N.* Причинность в криминологии. М.: Юридическая литература, 1968. 176 с.
11. *Malinin V.B.* Filosofskie, istoricheskie i teoreticheskie osnovy' prichinnoj svyazi v уголовном праве. SPb.: GKA, 1999. 170 с.
12. *Malinin V.B.* Teorii prichinnoj svyazi v koncepcii V.N. Kudryavceva // *Ugolovnoe pravo*. 2008. № 2. С. 30–37.
13. *Mokrinskij S.P.* Nakazanie, ego celi i predpolozheniya. Tomsk: Pechatnya S.P. Yakovleva, 1905. 560 с.
14. *Nemirovskij E'.Ya.* Sovetskoe ugolovnoe pravo. Odessa: Odespoligraf, 1926. 132 с.
15. *Parfenov A.F.* Obshhee uchenie ob ob'ektivnoj storone prestupleniya: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2004. 428 с.
16. *Svechnikov G.A.* Kategoriya prichinnosti v fizike. M.: Soce'kgiz, 1961. 246 с.
17. *Sovremenny'j determinizm. Zakony' prirody' / Pod red. G.A. Svechnikova, N.D. Abramova i dr. M.: My'sl', 1993. 527 с.*
18. *Spinoza B.* Izbranny'e proizvedeniya: V 2-x tt. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izd. Politicheskoy literatury', 1957. 727 с.
19. *Tagancev N.S.* Kurs ugolovnogo prava: V 2-x tt. T. 1. Vy'p. 2. SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1878. 501 с.
20. *Tagancev N.S.* Russkoe ugolovnoe pravo: V 2-x tt. T. 1. SPb.: Izd. Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1902. 659 с.
21. *Tarasov N.N.* Metodologicheskie problemy' yuridicheskoy nauki. Ekaterinburg: Izd. Gumanitarnogo un-ta, 2001. 265 с.
22. *Ter-Akopov A.A.* Prestuplenie i problemy' nefizicheskoy prichinnosti v уголовном праве. M.: Yurkniga, 2003. 480 с.
23. *Timejko G.V.* Problemy' obshhego ucheniya ob ob'ektivnoj storone prestupleniya: dis. ... dokt. jurid. nauk. M., 1986. 149 с.
24. *Trajnin A.N.* Uchenie o sostave prestupleniya. M.: Yuridicheskoe izd. MYu SSSR, 1946. 185 с.
25. *Cereteli T.V.* Prichinnaya svyaz' v уголовном праве. M.: Gosyurizdat, 1963. 282 с.
26. *Chinakova L.I.* Social'ny'j determinizm. Problema dvizhushhix sil razvitiya obshhestva. M.: Politizdat, 1985. 159 с.
27. *Shargorodskij M.D.* Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya. M.: Yurilicheskoe izd. MYu SSSR, 1948. 511 с.

A.A. Arutyunov

To the issue of causation in criminal law

The article is devoted to the still actual problem of a causal relationship in criminal law. All-philosophical and criminal and legal concepts of a causal relationship are investigated. The developed positions about a causal relationship in inaction are analyzed. The point of view about the lack of a causal relationship between inaction and the come consequence is located. An attempt is made to “dethronement” of information causality.

Keywords: causal relationship; inaction; causal relationship at inaction; information causality.

А.В. Ростокинский

О легальных протестах и жертвах экстремистского насилия

В представленной статье автор анализирует динамику распространенности преступлений вражды и ненависти по отношению к представителям различных субкультурных групп и делает некоторые выводы о механизме выбора жертв насильственных посягательств.

Ключевые слова: виктимность; преступления вражды и ненависти; субкультура.

Обратиться к проблеме жертв насилия, детерминированного экстремистскими мотивами, автора побудило знакомство с недавно опубликованным докладом информационно-аналитического центра «Сова» *«Ультраправые на улицах: с плакатом за демократию или с ножом в кармане: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2012 году в России»*¹. Авторы данного исследования, не претендуя на всеобъемлющий и универсальный характер, отмечают незначительное снижение в 2012 году количества лиц, пострадавших от действий националистов, прежде всего, входящих в так называемые «белые» — неонацистские и националистические группировки. Если в 2011 году ими — по данным авторов Доклада — были убиты 25, а ранены 195 человек, то в прошедшем 2012 году число учтенных потерпевших снизилось до 19 и 187 человек соответственно. В 2010 году эксперты Центра сообщали о 42 погибших и 401 раненом потерпевшем.

Данные тенденции эксперты вполне обоснованно связывают, с одной стороны, с возросшей активностью правоохранительных органов по выявлению и нейтрализации лидеров «русских наци». Так, по данным экспертов «Совы», в 2011 году «департамент МВД по противодействию экстремизму оказался единственным, чей штат в ходе реформы не сократился, а вырос, к тому же его преобразовали из департамента в Главное управление»². С другой стороны, 2011–2012 гг. отмечены широким участием националистов во всевозможных общественно политических кампаниях: от массовых оппозиционных митингов и «Русских маршей» до социальных

¹ Цит. по: Альперович В., Верховский А., Юдина Н. Национализм-2012. URL: http://polit.ru/article/2013/03/14/2012-report_13-03-11/ (Дата обращения: 20.03.2013 г.)

² Аляев Д. Роль трибуны. Чем больше националисты политизируются, тем меньше они совершают кровавых преступлений // URL: <http://www.newizv.ru/society/2012-02-22/159644-rol-tribuny.html> (Дата обращения: 21.03.2013 г.)

проектов по выслеживанию педофилов или закрытию нелегальных ночлежек¹.

Участие в организованных мероприятиях, безусловно, отнимает достаточно времени и энергии, избыток которых способен привести к вспышкам насилия при иных условиях. Кроме того, в последние годы в России, как и во всех развитых странах, отмечается снижение уровня уличной преступности. Этот феномен, заслуживающий самостоятельных исследований, может объясняться, в числе прочего, и сокращением доли молодых людей, основных фигурантов в ситуациях уличного насилия, и постепенным уходом их в виртуальные сетевые сообщества. Тем не менее в 2012 году российскими судами было вынесено не менее 28 обвинительных приговоров в 21 субъекте Федерации, которыми был установлен мотив ненависти в действиях осужденных, против 60 приговоров в 32 регионах в 2011 году.

К сожалению, следует отметить и сохраняющуюся избирательность при реагировании правоохранительных органов на проявления ненасильственного экстремизма, прежде всего на пропаганду ненависти по признакам религиозной исключительности. Так, среди российских регионов с наиболее высоким уровнем экстремистского насилия эксперты Центра «Сова» выделяют город Москву и Московскую область, город Санкт-Петербург и Башкортостан. Тогда как в северокавказских республиках, где, по признанию самих руководителей правоохранительных ведомств, против Российской Федерации действуют сотни боевиков², подобных случаев за отчетный период не выявлено ни одного. При этом количество пострадавших в двойном теракте возле поста ДПС в г. Махачкале 3 мая с. г. оказалось вполне сопоставимо с количеством жертв преступлений националистов Центральной России за весь 2012 год.

Вместе с тем исследователи отмечают ограниченность положительно эффекта участия националистов в массовых протестных акциях и даже сокращение числа участников ежегодного «Русского марша». Если в митинге 4 февраля «За честные выборы» участвовало порядка 900 сторонников националистических организаций и движений, то в мартовских митингах на Пушкинской площади и на Новом Арбате присутствовало от 100 до 300 их представителей, 5 мая в скандальном «Марше миллионов» — не более 150, а 15 декабря в «Марше свободы» на Лубянской площади участвовали вообще единицы. Массовые акции, как и деятельность клубов, виртуальных сообществ, форумов и электронных изданий, представляют интерес лишь с точки зрения рекламы объединений, привлечения возможных сторонников и общения с единомышленниками.

¹ «Я в тюрьму не хочу опять» «Лента.ру» поговорила с националистом и борцом с педофилами Тесаком // URL: <http://lenta.ru/articles/2012/09/18/tesak/>; Алехина Ю., Стешин Д. Москвичи начали бороться с нелегальной миграцией самостоятельно, но в рамках законов // <http://kp.ru/daily/25820.4/2797779/>. (Дата обращения: 21.03.2013 г.)

² <http://www.1tv.ru/news/crime/207485> (Дата обращения: 21.03.2013 г.)

Участие в митингах, в том числе организуемых иными общественными объединениями, тем более не может изменить приоритеты групп, ориентирующихся на так называемое «прямое действие», проще говоря, уличный террор, устрашение предполагаемых врагов и социальных конкурентов. Более того, для рекламы и сетевой пропаганды необходимы все новые информационные вбросы, в качестве которых и используются видеоотчеты о насильственных акциях и заявления о преследованиях их участников. Точно так же действуют с середины 90-х гг. XX века и террористические группировки «борцов за веру».

Сходные тенденции невозможно не заметить и в выборе жертв посягательств. Как и у северокавказских сепаратистов, главной мишенью националистов в Центральной России постепенно становятся не живущие поблизости представители национальных меньшинств, а конкуренты в борьбе за сферы влияния и политические оппоненты: антифашисты, иноверцы, экологи, представители различных субкультур и др. Среди них был убит 1 и получили ранения 74 человека, в том числе 8 иеговистов и 12 активистов ЛГБТ-движения; против 12 погибших и 95 раненых представителей национальных меньшинств, среди которых оказались и 7 русских. В последней группе наибольшую долю составляют выходцы из Средней Азии (более половины погибших и свыше трети раненых), а также лица с темным цветом кожи: выходцы из Индии, Африки, афроамериканцы (свыше четверти раненых). Третью, относительно немногочисленную группу потерпевших составляют представители народов Кавказа.

Однако, если среди пострадавших выходцев из среднеазиатских республик один погибший приходится на пять раненых, то среди условных «кавказцев» данное соотношение составляет уже 1/3,5. Такое соотношение может объясняться как более активным сопротивлением со стороны потерпевших численно превосходящим и лучше вооруженным нападающим, так и стремлением лиц, получивших ранения, избежать контактов с правоохранительными органами при обращении в лечебные учреждения.

В целом, на выбор жертв насильственных посягательств в большей мере влияют не расовые, этнические или религиозные различия, а субкультурная ксенофобия. «Нерусский человек, который ничем не выделяется из толпы, практически не сталкивается с проблемами. Проблемы начинаются при нарочитой демонстрации своей инаковости. И тут уже геи, мусульмане, инакомыслящие и т. п. могут оказаться по одну сторону баррикад»¹. В самом деле, радикального мусульманина в толпе жителей мегаполиса еще не так просто найти, тут восточная внешность ничего не гарантирует, а лицо без определенного места жительства, кришнаита или ЛГБТ-активиста с плакатом видно сразу. Так, последние страдали в 2012 году в четыре раза чаще, чем в 2011-м, и эксперты объясняют это активностью самого движения. Очевидно, что рост

¹ Кичанова В. Исследование ненависти, кто главный враг националиста? // URL://http://slon.ru/russia/issledovanie_nenavisti_kto_glavnyy_vrag_natsionalista_antifa_liberaly_ili_migranty-919189.xhtml (Дата обращения: 21.03.2013 г.).

экстремизма, проявляющийся в повседневной жизни, как правило, в рисковом (девиантном) поведении, выступает предпосылкой как делинквентного (правонарушающего), так и виктимного состояния потенциальной жертвы насилия.

Достаточно явно это проявляется в ставших почти обыденными посягательствах на жизнь священнослужителей различных конфессий. Среди жертв преобладают лица, известные не просто усердным служением, но своей общественной и миссионерской деятельностью, те, кто «всегда на виду», как о. Сысоев или имам Абдулгапуров¹. Но подчас под действия экстремистов преступники маскируют акции устрашения (устранения) конкурентов, например, в борьбе за руководящий пост, контроль над финансовыми потоками и т. п.

На практике носитель выраженных субкультурных особенностей, как правило, с наиболее заметными атрибутивными признаками, нередко безо всякого столкновения с националистами, расистами или фундаменталистами становится мишенью для насмешек, оскорблений, а то и жертвой агрессии или дискриминации со стороны лиц, принадлежащих к другим субкультурным группам, т. е. демонстрирует повышенную виктимность в отношениях с подобными лицами [1: с. 18–20].

Та же зависимость прослеживается и в выборе объектов вандальных посягательств на здания и сооружения, имеющие религиозное значение. Активизация строительства православных храмов, часовен, воздвижение поклонных крестов, с одной стороны, и политизация проповеди, скандальная история с «Pussy Riot» и рост антиклерикальных настроений в целом сделали православные объекты основной мишенью вандалов. Подобных посягательств в 2012 году было 38, но лишь в одном случае имел место поджог. Тогда как численно преобладающие и наиболее заметные «светские» памятники и мемориальные комплексы подвергались осквернению в полтора раза реже — в 24 случаях. Еще вдвое реже осквернялись культовые объекты конфессий, объединяемых в Докладе понятием «нетрадиционные религии», такие как кришнаиты, иеговисты, родоверы и др. При ничтожно малом количестве подобных объектов в масштабах страны, они подвергались посягательствам втрое реже объектов православных общин (12 случаев), но в двух случаях имели место поджог и взрыв. Объекты еврейских и мусульманских общин осквернялись вдвое реже, чем в 2011 году (8 и 6 случаев соответственно). Также имел место один поджог синагоги и один взрыв мечети. При этом на жизнь имамов с использованием взрывных устройств покушались не менее 10 раз.

Следовательно, как в физике проводник и электромагнитное поле по отдельности не создают электродвижущую силу, так и никакая субкультура не образует экстремизм и не может считаться экстремистской. Поэтому использование некоторыми авторами клише «субкультура экстремизма»

¹ <http://www.newsru.com/religy/19nov2009/foma.html>; http://rus.ruvr.ru/2012_03_23/69311044/
(Дата обращения: 21.03.2013 г.)

может, в лучшем случае, затемнить существо вопроса, а в худшем, — еще более обострить спонтанно возникающие конфликты. Экстремизм представляет форму паразитирования на субкультурных конфликтах, стремления субъекта к переводу их в криминальные формы для усиления собственной значимости, авторитета, влияния в криминальной группировке, пусть и использующей социально-политическую фразеологию, и уже не только в группировке [2: с. 245].

Литература

1. *Ростокинский А.В.* Виктимность и девиация // Российский следователь. 2009. № 13. С. 18–20.
2. *Ростокинский А.В.* Об «идейной» преступности с точки зрения юридическо-го прагматизма // Черные дыры в Российском законодательстве. 2008. № 2. С. 245.

References

1. *Rostokinskij A.V.* Viktimnost' i deviaciya // Rossijskij sledovatel'. 2009. № 13. S. 18–20.
2. *Rostokinskij A.V.* Ob "idejnoj" prestupnosti s točki zreniya juridicheskogo pragmatizma // Cherny'e dy'ry' v Rossijskom zakonodatel'stve. 2008. № 2. S. 245.

A.V. Rostokinskij

On legitimate protests and casualties of extremist violence

In the article the author analyzes the dynamics of the crime of hostility and hatred towards members of the various sub-cultural groups. The author comes to conclusions about the mechanism of selection of victims of violent attacks.

Keywords: victimization; enmity crimes and hate crimes; subculture

Н.Р. Косевич

Предложения по совершенствованию правосудия в отношении несовершеннолетних в рамках реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы

В статье говорится о предложениях по совершенствованию правосудия в отношении несовершеннолетних в рамках участия в рабочей группе в соответствии с планом первоочередных мероприятий по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017.

Ключевые слова: правосудие в отношении несовершеннолетних; Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы.

В соответствии с пунктом 58 Плана первоочередных мероприятий до 2014 г. по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы [1], утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2012 г. № 1916-р [2], Министерству юстиции Российской Федерации совместно с Министерством внутренних дел Российской Федерации, Министерством экономического развития Российской Федерации, Министерством образования и науки Российской Федерации, Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, Министерством здравоохранения Российской Федерации поручено подготовить концепцию кодификации законодательства Российской Федерации в части, касающейся осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних и разработать соответствующие федеральные законы.

Из представителей указанных министерств и ведомств была создана рабочая группа по выполнению положений, предусмотренных п. 58 означенного выше Плана. Кроме них в рабочую группу были включены научные сотрудники ВНИИ МВД России, Российской академии правосудия, Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Научного центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского Минздрава России.

В настоящее время работа по выполнению п. 58 плана первоочередных мероприятий продолжается. Срок исполнения мероприятия — июнь 2013 г. Все участники рабочей группы вносят свои предложения, которые затем обсуждаются и оцениваются на пригодность. Обсуждению подлежат вопросы совершенствования административного, гражданского, уголовного, уголовно-процессуального,

гражданского процессуального кодексов, совершенствования деятельности судебных и административных органов, а также нормативных актов, касающихся осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних.

В рамках настоящей статьи, как представитель Российской академии правосудия в межведомственной рабочей группе, я предлагаю свои соображения по рассматриваемым вопросам.

1. Целесообразность создания единого кодифицированного нормативного акта в области правосудия в отношении несовершеннолетних.

Нормативные правовые акты в области правосудия в отношении несовершеннолетних относятся к различным отраслям права. Объединять их в единый кодифицированный документ не имеет смысла. Подобный универсальный документ будет являться собранием законодательства, громоздким как по объему, так и по сути.

Более того, объединение даже в одном — отраслевом, законе всех норм, касающихся несовершеннолетних, также нецелесообразно. По сути, это будет кодекс в кодексе, сопоставимый по объему и, что важнее, содержащий одинаковые нормы.

Наиболее верный путь, по нашему мнению, тот, который предложил законодатель в Уголовном кодексе. В УК РФ выделяется глава 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Вместе с тем гл. 14 является составной частью Общей части УК РФ, что означает неразрывную связь ее норм с иными положениями Кодекса. Все его отправные положения: о задачах и принципах уголовного закона; основании уголовной ответственности; о понятии и категориях преступления; вине; соучастии; обстоятельствах, исключающих преступность деяния; понятиях, целях и видах наказаний; назначении наказания; освобождении от уголовной ответственности и от наказания; амнистии, помиловании, судимости полностью распространяются на совершивших преступления несовершеннолетних.

В тех случаях, когда нормы Общей части УК по предмету уголовно-правового регулирования совпадают с нормами гл. 14 УК РФ, относящейся к несовершеннолетним, применению подлежат последние как специальные нормы, которые эти вопросы решают для несовершеннолетних более благоприятно, чем нормы, применяемые к лицам старше 18 лет.

Наличие самостоятельной главы в УК РФ об особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних ориентирует правоприменителей к более полному уяснению этих особенностей, предполагает более четкое и тщательное разрешение дел.

Таким образом, можно говорить о сложившейся системе гарантий прав несовершеннолетних в нормах УК РФ как реализации дружественного к ребенку правосудия, объявленного Национальной стратегией действий в интересах детей.

2. Что должен включать в себя термин «правосудие в отношении несовершеннолетних»?

Понятие «правосудие в отношении несовершеннолетних» должно, по нашему мнению, включать в себя рассмотрение дел о преступлениях (в рамках

уголовного судопроизводства) и иных правонарушениях (в рамках административного судопроизводства), совершенных несовершеннолетними, а также включать в себя разбирательство дел в отношении взрослых лиц, совершивших противоправные деяния в отношении несовершеннолетних.

При таком подходе логичным будет в рамках «правосудия в отношении несовершеннолетних» рассмотрение гражданских дел по защите имущественных, жилищных, трудовых и иных прав и законных интересов несовершеннолетних, в случае нарушения указанных прав и интересов взрослыми.

Таким образом, термин «дружественное к ребенку правосудие» предполагает защиту прав и интересов несовершеннолетних от преступных посягательств, с одной стороны, и максимально возможное благоприятное отношение к несовершеннолетним правонарушителям по сравнению со взрослыми, с другой стороны.

Обязательными при этом являются обеспечение приоритета личного и социального благополучия ребенка, специализации правоприменительных процедур (действий) с его участием или в его интересах, учет особенностей возраста и социального положения ребенка.

Одним из обязательных элементов комплекса мер по охране и защите детей является криминализация деяний, посягающих на права и законные интересы несовершеннолетних, разрушающих общепринятые семейные ценности, посягающих на права и интересы членов семьи.

Уголовно-правовой защите семьи и несовершеннолетних посвящена гл. 20 УК РФ, в которой осуществлена консолидация норм о преступлениях, основным объектом которых выступают устои семьи и интересы несовершеннолетних. В качестве дополнительного объекта могут выступать телесная и духовная неприкосновенность личности, ее честь и достоинство, здоровье, жизнь.

В УК РФ в других главах Особенной части также имеются нормы, призванные содействовать уголовно-правовой охране несовершеннолетних. В частности, к числу рассматриваемых преступлений можно отнести следующие: убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ); оставление в опасности (ст. 125 УК РФ); половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ), и развратные действия (ст. 135 УК РФ); необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ), и другие. В этих составах интересы несовершеннолетних выступают в качестве дополнительного непосредственного объекта.

В ряде составов в качестве потерпевших выступают близкие. Еще чаще такой объект имеется в квалифицированных и особо квалифицированных видах ряда преступлений. За их совершение предусматривается усиление ответственности, в том числе, например, за посягательства не только непосредственно на лицо, выполняющее служебный или общественный долг, но и на его близких (в частности, убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга — п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Для многих преступлений, ответственность за которые предусматривается УК РФ, квалифицирующим признаком является посягательство в отношении несовершеннолетних. В частности, истязание заведомо несовершеннолетнего (п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ); заражение венерической болезнью несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 121 УК РФ); заражение ВИЧ-инфекцией несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 122 УК РФ); похищение заведомо несовершеннолетнего (п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ); незаконное лишение свободы заведомо несовершеннолетнего (п. «д» ч. 2 ст. 127 УК РФ); торговля несовершеннолетним (п. «б» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ); использование рабского труда несовершеннолетнего (п. «б» ч. 2 ст. 127² УК РФ); изнасилование несовершеннолетней (п. «д» ч. 2 ст. 131 УК РФ); изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста (п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ); насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетней (несовершеннолетнего) (п. «д» ч. 2 ст. 132 УК РФ); насильственные действия сексуального характера в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста (п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ), и другие.

В случаях, когда в диспозициях правовых норм не содержатся вышеупомянутые обстоятельства, ст. 63 УК РФ относит совершение преступления в отношении близких лица в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «ж») и совершение преступления в отношении малолетнего (п. «з») к обстоятельствам, отягчающим наказание.

Если в диспозициях статей Особенной части УК РФ содержится упоминание о «беспомощном состоянии», то к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, относятся и малолетние дети (т. е. не достигшие возраста 14 лет).

Все вышеперечисленное представляет собой систему уголовно-правовой защиты несовершеннолетних в УК РФ.

3. Предложения по совершенствованию законодательства.

3.1. Требуется законодательно определить специализированный государственный орган, в компетенцию которого будет входить осуществление контроля за несовершеннолетними, освобожденными от уголовной ответственности, условно осужденными или условно-досрочно освобожденными. Им могла бы стать комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП), но для этого нужно определиться с ее статусом.

3.2. Целесообразно создать службу пробации для несовершеннолетних, возложив на нее функции по социальной реабилитации несовершеннолетних, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы либо вернувшихся из специальных учебно-воспитательных учреждений. В случае создания такой службы на нее можно возложить обязанности из п. 3.1 настоящих предложений. Или, наоборот, законодательно закрепить за КДН и ЗП функции пробации, соответственно реорганизовав их деятельность и штатную структуру.

3.3. Согласно Национальной стратегии предполагается создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия, чему послужит включение в систему судов органов профилактики правонарушений несовершеннолетних.

В настоящий момент согласно ч. 4 ст. 29 УПК РФ, если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушению прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства, требующие принятия необходимых мер.

Ответственность за непринятие мер по частному определению суда или по представлению судьи предусмотрена ст. 17.4 КоАП РФ.

В этой связи представляется целесообразным дополнить ст. 315 УК РФ положением об уголовной ответственности за злостное неисполнение частных определений судов представителем власти, государственным служащим, служащим органа местного самоуправления, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации, а равно воспрепятствование их исполнению. Под злостностью следует понимать случаи повторного неисполнения частного определения суда, после привлечения к административной ответственности.

Указанное положение считать частью 2 ст. 315 УК РФ.

Существующую в настоящее время норму ст. 315 УК РФ считать ч. 3 ст. 315 УК РФ.

В части 1 ст. 315 УК РФ предусмотреть уголовную ответственность граждан за злостное неисполнение решения суда. В частности, речь может идти о неисполнении судебного решения о порядке общения с ребенком в случае раздельного проживания одного из родителей или иного родственника. Под злостностью следует понимать случаи неоднократного неисполнения решения суда.

3.5. Статью 156 изложить в редакции:

«Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, *а также иных, совместно проживающих с несовершеннолетним лиц и принимающих участие в его воспитании*, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним, — наказывается...»

3.6. Исключить из действующей редакции статей 134–135 УК РФ понятия «половая зрелость» в связи с отсутствием в действующем законодательстве определения данного понятия, что позволяет уклоняться преступникам от привлечения к уголовной ответственности.

4. Совершенствование деятельности судов.

4.1. При отсутствии решения о создании ювенальных судов усилить контроль за соблюдением рекомендаций Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной

ответственности и наказания несовершеннолетних», согласно которым суды ориентированы на необходимость повышенного внимания к качественному рассмотрению уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, поскольку их правовая защита предполагает необходимость выявления обстоятельств, связанных с условиями жизни и воспитания каждого несовершеннолетнего, состоянием его здоровья, другими фактическими данными, а также с причинами совершения уголовно наказуемых деяний, в целях вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора, принятия других предусмотренных законом мер для достижения максимального воспитательного воздействия судебного процесса в отношении несовершеннолетних.

При этом основные усилия следует направить на обеспечение специализации и повышение квалификации судей, их обучение основам детской и подростковой психологии, физиологии и сексологии.

4.2. Поскольку в соответствии с положениями Национальной стратегии комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав должны быть освобождены от функций органа внесудебной юрисдикции, то суды необходимо наделить полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних и их родителей (законных представителей). Следует определить подсудность данных дел. Соответствующие изменения должны быть внесены в КоАП РФ.

Литература

1. Указ Президента РФ от 01.06.2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.
2. Распоряжение Правительства РФ от 15.10.2012 г. № 1916-р «О плане первоочередных мероприятий до 2014 года по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // СЗ РФ. 2012. № 43. Ст. 5908.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 01.06.2012 g. № 761 «O Nacional'noj strategii dejstvij v interesax detej na 2012–2017 gody'» // SZ RF. 2012. № 23. St. 2994.
2. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 15.10.2012 g. № 1916-r «O plane pervoocheredny'x meroprijatij do 2014 goda po realizacii vazhnejshix polozhenij Nacional'noj strategii dejstvij v interesax detej na 2012–2017gody'» // SZ RF. 2012. № 43. St. 5908.

N.R. Kosevich

Proposals for Improvement of Juvenile Justice in the Implementation of the National Action for Children for 2012–2017

The article refers to proposals to improve the juvenile justice, through participation in the working group, in accordance with the plan of priority actions for the implementation of the National Strategy for Action for Children 2012-2017.

Keywords: juvenile justice; the National Strategy of Action for Children for 2012–2017.

Л.Б. Ситдикова

Критерии оценки качества в сфере оказания услуг

Статья посвящена проблеме определения качества оказания услуг. Несмотря на многомерность данного понятия, а также учитывая доктринальные подходы ученых, автор предлагает собственный подход к определению критериев оценки качества в сфере оказания услуг.

Ключевые слова: услуга; договор; качество; критерии.

В современных условиях особую значимость и актуальность для правового регулирования услуг представляет решение вопроса об установлении в договоре требований о качестве. Существующие в экономической литературе определения качества оказываемой услуги в большей степени ориентированы на материальные услуги, оценка свойств которых во многом совпадает с оценкой вещей и результатов работ. Если в договоре подряда необходимо достижение о вещественного результата, то для услуг наличие результата, по общему правилу, является факультативным и не обязательным условием для надлежащего исполнения.

Следует отметить, что попытки применить в сфере оказания услуг подходы к определению качества, оправдавшие себя в сфере материального производства, часто являются несостоятельными. Многообразие требований потребителей услуг затрудняет стандартизацию процесса оказания услуг.

Экономическое понятие качества услуги характеризует такие ее свойства, как степень удовлетворения конкретной потребности в процессе использования полезных свойств данной потребительской стоимости; соответствие стандартам, техническим условиям, а также индивидуальным запросам заказчиков; совокупность потребительских свойств услуги, которая способствует наиболее полному удовлетворению потребностей заказчика.

Вышеизложенное свидетельствует, что вопрос формирования критериев оценки качества услуг составляет одну из сложнейших проблем правоприменительной деятельности. На сегодняшний день ни законодатель, ни юридическая доктрина не предлагают участникам гражданского оборота и судам ка-

кой-либо концепции оценки надлежащего исполнения договоров возмездного оказания услуг именно с позиции ее качества.

Необходимо отметить, что ученые не оставляют попытку разработать те или иные критерии оценки качества услуг, которым посвящен целый ряд научных исследований [7–9, 11, 13]. При оценке качества оказываемой услуги наука использует как экономические, социальные, так и правовые критерии. Чтобы получить полное представление о качестве выполнения услуги, необходимо оценить каждое ее свойство.

Обратимся к рассмотрению имеющихся в современной правовой и экономической литературе мнений по вопросу определения критериев оценки качества услуг.

Так, в современной науке авторы исследовали вопросы качества риелторских услуг. Например, как утверждает Л. Харебова, «если риелтор несет ответственность за юридическую чистоту, безопасность и комфортность при совершении сделки, то комфортность выступает в системе качества риелторской услуги, как важный ее элемент»¹. Иной позиции придерживается А. Рогожкин, считая, что «качество услуги — понятие индивидуальное, и у каждого клиента есть свое представление о том, как ему должны оказывать те или иные услуги. Одному нравится, когда агент улыбается, общается, другого может это раздражать. Одному предложенная в офисе чашка кофе в радость, а другой в ответ на это поморщится, потому что не пьет кофе. Поэтому основой измерения качества услуги является соотношение ожидания клиента и его восприятия деятельности компании».

Следует остановиться и на точке зрения А. Оганесяна, который полагает, что «традиционно к критериям, по которым судят о качестве услуг риелтора, относят его знание рынка недвижимости и умение быстро сориентироваться в рыночной стоимости объекта, объем юридических знаний и способность обеспечить чистоту сделки, опыт работы и объем собственной клиентской базы данных. Безусловно, сюда же следует отнести навыки корректного убеждения и ведения переговоров, наличие ресурсов для адекватного продвижения заказа и удовлетворения запросов клиента, обязательность и расторопность риелтора, его мотивированность к качественному оказанию услуги»².

Если рассмотреть подходы ученых в отношении качества медицинских услуг, то, по мнению Ю. Андреева, качество медицинских услуг зависит в первую очередь от мастерства и профессионализма врача-исполнителя, медицинского персонала, от их добросовестности и умения, от наличия соответствующих современных медико-технических средств, от адекватных, научно

¹ Шехова А. Риелторские услуги: знак качества или качество без знака? // М2 = Квадратный метр. Вып. № 41 (249). 12–18 октября 2005 г. – URL:<http://www.m-2.ru/newspaper> (Дата обращения: 25.09.2012 г.)

² Оганесян А. Критерии качества услуг и ответственность риелтора // Журнал «НЕДВИЖИМОСТЬ-КОМФОРТ». 22.04.2003 г. – URL:http://www.comfort.kiev.ua/ab_us (Дата обращения: 25.09.2012 г.)

обоснованных приемов консультирования и лечения, от соблюдения врачами и медицинским персоналом этических норм, включая клятву, «от степени закрепления вопросов качества, мер ответственности за его несоблюдение на законодательном и договорном уровне» [1: с. 127].

Наиболее простым способом определения надлежащего качества оказанных правовых услуг, как указывает Н.В. Козлова, является достижение юристом выгодного для его клиента процессуального результата (решение в пользу клиента), «ибо надежных критериев, как пишет автор, наверное, не существует. Главное, чтобы сам клиент не заблуждался по поводу необходимого ему результата услуг» [6: с. 51]. Еще более определенную позицию занял Е.М. Берлин, предлагающий дифференцированный набор критериев качества правовых услуг с учетом многообразия последних. При этом он выделяет такие критерии, как отсутствие в тексте юридического заключения или иного документа, составленного юристом, ошибок и юридических неточностей (ссылок на устаревшие нормативные акты и т. п.); наличие в предоставляемой консультации клиенту ссылок на судебную и арбитражную практику; полное и подробное указание всех реквизитов в жалобе или ином документе [2: с. 25]. По мнению Н.В. Козловой и Е.М. Берлина, критерии надлежащего качества услуги могут быть обнаружены именно в полезных свойствах результата оказанной услуги. В то же время Н.В. Козлова не претендует на то, чтобы наличие или отсутствие положительного эффекта (пользы) всегда служило критерием качества правовой услуги.

Для повышения качества правовых услуг, как отмечает Р.Г. Мельниченко, следует опираться на «минимальные стандарты» профессиональных навыков, необходимых юристу: наличие юридического образования, стаж работы, сдача квалификационного экзамена и пр. [8: с. 7]. Д.И. Степанов предлагает в отношении квалифицированных профессиональных услуг, обладающих высокой степенью эксклюзивности, в законодательном порядке закрепить иной, более высокий критерий качества, при этом делая оговорку «за исключением обычных профессиональных услуг» [12: с. 267]. В качестве критериев оценки, как отмечает А.В. Дроздова, «приемлема оценка мастерства исполнителя, технологической дисциплины (соблюдение последовательности), качества обслуживания для потребительских услуг (этика общения, создание комфортной обстановки для потребителей — заказчиков услуг, учет их запросов)» [4: с. 50–51].

Системный подход к оценке качества на примере образовательной услуги предложен В.В. Кваниной. Автор считает, что качество образования — многомерное понятие, а потому может быть определено только через качество его элементов: образовательного процесса и результата обучения, которые также являются многомерными явлениями, содержащими следующие составные части: «управление образовательным процессом, учебно-методическое обеспечение, организация производственной практики, наличие компьютерных классов и комфортных для проведения занятий аудиторий, профессиональная деятельность профессорско-преподавательского состава и т. д.

Качество результата обучения может быть представлено в виде соответствия полученных студентом знаний, умений, навыков требованиям ГОС (Государственный образовательный стандарт), запросам работодателей, мироощущениям самого обучающегося» [5: с. 44–45].

Анализ практики предоставления информационных услуг, проведенный А.Л. Денисовой, показывает, что процесс изучения информационных потребностей клиента является достаточно сложным и зависит от ряда особенностей, которые характеризуются: достаточно низкой степенью пертинентности (под пертинентностью понимается соответствие полученной информации информационной потребности пользователя) информационных запросов; практическим отсутствием методик изучения информационных потребностей клиентов; низким уровнем компетентности клиентов в вопросах оптимизации профессиональной деятельности посредством новых информационных технологий; слабой формализуемостью процесса изучения информационных потребностей с позиций определения ее структуры и содержания с целью дальнейшей детализации; отсутствием системы критериев, выбора технологии, удовлетворения информационных потребностей из предложенных альтернатив [3: с. 75].

В связи с этим следует отметить и позицию Л.К. Терещенко, которая в качестве показателей, характеризующих уровень информационных услуг, приводит: полноту, достоверность, актуализацию, своевременность, непротиворечивость, защищенность информационных ресурсов, а также их сбалансированность [10: с. 343]. Как видно из перечисленных выше факторов, качество информационной услуги, по нашему мнению, во многом зависит не только от условий, связанных с содержательной характеристикой получаемой информации, но и от качественных характеристик ее составляющих, таких как услуги связи (например, скорость информационного обмена, предлагаемая провайдером Интернет-услуг, качество передачи данных электронной почты), а также от информационной подготовки самого пользователя при получении услуги в режиме удаленного доступа, которая влияет на качество информационного запроса (например, при поиске информации с использованием различных поисковых систем — «Yandex», «Google», «Rambler» и др.), при этом пользователи по однотипному информационному запросу получают разную информацию, т. е. с различной степенью релевантности.

В то же время качество оказания консультационных услуг во многом связано с профессиональными качествами исполнителя — как самого консультанта, так и консультационной фирмы. Анализ доктринальных подходов к критериям оценки качества консультационной услуги позволяет выделить основу ее пяти составляющих элементов: 1) информационные показатели, характеризующие информационную обеспеченность клиентов (опыт работы в данной сфере услуг, объем реализации услуг за предшествующие периоды, информация об основных параметрах предоставления консультационных услуг, ее полнота и актуальность, наличие рекламных материалов; причем дан-

ная информация должна быть предоставлена в разрезе отдельных видов консультационных услуг); 2) квалификационные требования, характеризующие профессионализм консультационной фирмы; 3) профессиональные качества консультанта (специальное образование, стаж работы, профиль деятельности — специализация); 4) профессиональность исполнения (отсутствие возвратов на исправление, количество отказов в консультационной услуге, технический уровень исполнения услуги, выполнение услуги в установленные сроки, количество услуг с использованием новых видов и прогрессивных форм обслуживания и др.); 5) качество обслуживания (эргономичность, этичность).

В связи с этим необходимо указать, что не все свойства услуги влияют на оценку ее качества, а только та совокупность, которая определяется потребностями клиента. Поэтому большинство параметров качества той или иной услуги носит эмпирический характер. С точки зрения заказчика, под качеством услуги понимается своеобразная форма мнения, которая является результатом сравнения ожиданий качества до потребления услуги с непосредственным восприятием качества в момент и после ее потребления. Представления о них можно получить только после предоставления услуги или в процессе ее реализации.

Рассмотренные выше точки зрения авторов, безусловно, представляются весьма ценными, поскольку характеризуются комплексным подходом и показывают влияние на качественные критерии услуг, основанные как на объективных, так и субъективных факторах.

Проведенное исследование позволило выявить основные факторы, влияющие на качество оказания услуг:

- открытый доступ клиентов к информации о конкретной услуге (наименовании, содержании, предмете услуги, ее количественных и качественных характеристиках, единицах изменения услуги и т. п.);
- наличие документов, регламентирующих деятельность организации или индивидуального предпринимателя, оказывающих услугу (устав, положения, инструкции, руководства, правила и т. п., включая наличие требований к их содержанию);
- наличие специального технического оснащения организации (индивидуального предпринимателя), оказывающих услугу, (наличие оборудования, позволяющего обеспечить доступ к информационным ресурсам и т. п.);
- укомплектованность организации аттестованными специалистами и их квалификация (наличие количественных и квалификационных требований к персоналу и т. п.);
- наличие требований к технологии оказания услуги организацией или индивидуальным предпринимателем;
- особенности информационного сопровождения деятельности организации, оказывающей услугу (состав и доступность информации об организации, порядке и правилах предоставления услуг, сведения о периодичности обновления информации и источниках информации и т. д.);

– наличие внутренней (собственной) и внешней систем контроля за деятельностью организации, а также за соблюдением качества фактически оказываемых услуг стандарту;

– перечень ответственных должностных лиц и мер ответственности указанных лиц за качественное оказание услуг в организации.

Вышеизложенное свидетельствует, что качество услуги — понятие многомерное, к которому следует подходить дифференцированно.

Литература

1. *Андреев Ю.* Гражданско-правовые договоры возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ) // *Хозяйство и право.* 2006. № 1. С. 119–128.
2. *Берлин Е.М.* Законодательное регулирование качества правовых услуг // *Право и экономика.* 2002. № 5. С. 23–28.
3. *Денисова А.Л.* Качество информационных услуг (теория и методология): дис. ... докт. экон. наук. Тамбов, 2001. 341 с.
4. *Дроздова А.В.* Понятие и содержание услуги как объекта гражданских прав // *Сибирский юридический вестник.* 2003. № 1. С. 50–51.
5. *Кванина В.В.* Гражданско-правовое регулирование в сфере высшего профессионального образования в РФ: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 47 с.
6. *Козлова Н.В.* Договор возмездного оказания правовых услуг // *Законодательство.* 2002. № 4. С. 46–52.
7. *Кратенко М.В.* Договор об оказании юридической помощи в современном гражданском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. 30 с.
8. *Мельниченко Р.Г.* Конституционное право на юридическую помощь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 24 с.
9. *Петров А.И.* Договор возмездного оказания консультационных услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 20 с.
10. *Публичные услуги и право: научно-практ. пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова.* М.: Норма, 2007. 416 с.
11. *Ситдикова Л.Б.* Теоретические и практические проблемы правового регулирования информационных и консультационных услуг в гражданском праве России. М.: Юристъ, 2008. 343 с.
12. *Степанов Д.И.* Услуги как объект гражданских прав. М.: Статут, 2005. 349 с.
13. *Щуковская О.М.* Правовое регулирование деятельности по оказанию правовых услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 22 с.

References

1. *Andreev Yu.* Grazhdansko-pravovy'e dogovory' vozmezdno go okazaniya uslug (gl. 39 GK RF) // *Xozyajstvo i pravo.* 2006. № 1. S. 119–128.
2. *Berlin E.M.* Zakonodatel'noe regulirovanie kachestva pravovy'x uslug // *Pravo i e'konomika.* 2002. № 5. S. 23–28.
3. *Denisova A.L.* Kachestvo informacionny'x uslug (teoriya i metodologiya): avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. Tambov, 2001. 341 s.
4. *Drozдова A.V.* Ponyatie i sodержaniye uslugi kak ob'ekta grazhdanskix prav // *Sibirskij yuridicheskij vestnik.* 2003. № 1. S. 50–51.
5. *Kvanina V.V.* Grazhdansko-pravovoe regulirovanie v sfere vy'sshego profes-

sional'nogo obrazovaniya v RF: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2006. 47 s.

6. *Kozlova N.V.* Dogovor vozmeznogo okazaniya pravovy'x uslug // Zakonodatel'stvo. 2002. № 4. S. 46–52.

7. *Kratenko M.V.* Dogovor ob okazanii yuridicheskoy pomoshhi v sovremennom grazhdanskom zakonodatel'stve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk Tomsk, 2005. 30 s..

8. *Melnichenko R.G.* Konstitucionnoe pravo na yuridicheskuyu pomoshh': avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2001. 24 s.

9. *Petrov A.I.* Dogovor vozmeznogo okazaniya konsul'tacionny'x uslug: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan', 2004. 20 s.

10. Publichny'e uslugi i pravo: nauchno-prakticheskoe posobie / Pod red. Yu.A. Tixomirova. M.: Norma, 2007. 416 .

11. *Sitdikova L.B.* Teoreticheskie i prakticheskie problemy' pravovogo regulirovaniya informacionny'x i konsul'tacionny'x uslug v grazhdanskom prave Rossii. M.: Yurist'', 2008. 343 s.

12. *Stepanov D.I.* Uslugi kak ob''ekt grazhdanskix prav. M.: Statut, 2005. 349 s.

13. *Shhukovskaya O. M.* Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti po okazaniyu pravovy'x uslug: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2001. 22 s.

L.B. Sitdikova

Criteria for the Evaluation of Quality in the Provision of Services

The article is devoted to a problem of determination of quality of rendering services. Despite multidimensionality of this concept, and also considering doctrinal approaches of scientists, the author offers his own approach to definition of criteria of an assessment of quality in the sphere of rendering services.

Keywords: service; contract; quality; criteria.

В.К. Кузьменко

Правовая характеристика контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов

В статье на основе проведенного анализа действующего законодательства дана уголовно-правовая характеристика контрабанды, сделан вывод о необходимости внесения изменений в Перечень стратегически важных товаров и ресурсов, утвержденный Постановлением Правительства РФ, в целях повышения эффективности борьбы с названным видом контрабанды.

Ключевые слова: контрабанда; стратегически важные товары и ресурсы; Единая таможенная территория Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС; таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС; Государственная граница Российской Федерации.

Товары и ресурсы, отнесенные к категории «стратегически важных», составляют значительный объем российского экспорта и в связи с этим формируют основную часть поступлений в доходную часть бюджета в виде таможенных платежей. Однако есть сложности в правоприменительной практике и нормотворчестве, вызванные отсутствием понятия «стратегически важные товары и ресурсы», существуют проблемы технико-нормативной конструкции (построения) нормы, имеются проблемы правовой оценки (квалификации) контрабанды. Данная статья посвящена поиску путей решения указанных проблем.

Уголовное законодательство, регламентирующее борьбу с контрабандой стратегически важных товаров и ресурсов, претерпело за последнее время значительные изменения. Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ [7] исключена статья 188 УК РФ, а деяния, предусмотренные частью 2 статьи 188 УК РФ, включены в диспозицию нормы статьи 226.1 «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при соз-

дании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей» главы 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», а также включены в диспозицию нормы статьи 229.1 «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ» главы 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Признание ст. 188 УК РФ, утратившей силу, было обусловлено тем обстоятельством, что контрабанда не запрещенных к обороту товаров (товарная контрабанда), по мнению законодателя, совершается в целях уклонения от уплаты таможенных платежей и полностью охватывается составом ст. 194 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица.

Вместе с тем нельзя согласиться с такой позицией законодателя, так как экономическая (торговая или, как ее называют, товарная) контрабанда не во всех случаях преследовала цель полной либо частичной неуплаты таможенных платежей. Ее совершение также могло быть направлено на перемещение через таможенную границу товаров и валютных средств в обход установленных ограничений, связанных в том числе с мерами нетарифного регулирования.

Это касается ввоза в Российскую Федерацию товаров (включая продукты питания, лекарства, обувь и одежду), не соответствующих установленным стандартам качества, ветеринарным, фитосанитарным, эпидемиологическим нормам и угрожающих жизни и здоровью потребителей, а также незаконного вывоза валютных средств, сырьевых товаров, таких как углеводороды, лесоматериалы, водные биоресурсы, что связано с совершением иных преступлений (хищений и незаконной добычи указанных предметов и ресурсов).

Кроме того, декриминализация деяний, предусмотренных частью 1 статьи 188 УК РФ, сделала невозможным применение положений статьи 104.1 УК РФ, предусматривающих конфискацию имущества, являющегося предметом незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Положения статьи 104.1 УК РФ не распространяются на преступления, предусмотренные статьей 194 УК РФ [6].

Возвращаясь к диспозициям норм статей 226.1 и 229.1 УК РФ, следует отметить, что в них, в отличие от упраздненной статьи 188 УК РФ, отсутствуют контрабандообразующие признаки преступлений. Данные нормы являются бланкетными и в них не раскрывается понятие незаконного перемещения предметов и товаров через таможенную границу Таможенного союза или Государственную границу Российской Федерации.

5 июля 2010 года в г. Астана главами государств — членов Таможенного союза подписан Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств — членов Таможенного союза (далее — Договор). Часть 2 статьи 3 Договора определяет, что каждая сторона обязуется принять меры по внесению изменений в свое законодательство, предусматривающее в том числе и уголовную ответственность за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и законодательства государств — членов Таможенного союза и приведение к единообразному определению противоправности таких деяний.

Внесенные в УК РФ вышеуказанные изменения не соответствуют положениям Договора в части приведения к единообразному определению противоправности таких деяний, поскольку вместо унификации норм уголовной ответственности за контрабанду принята редакция этих норм (статей 226.1 и 229.1 УК РФ), еще более отличающаяся от норм, имеющих в Уголовном законодательстве Республики Беларусь и Республики Казахстан.

В статье 250 УК Республики Казахстан и статье 228 УК Республики Беларусь раскрываются контрабандообразующие признаки объективной стороны этого преступления. К ним относятся перемещение через границу, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств идентификации, либо сопряженное с недекларированием или заведомо недостоверным декларированием (аналогично с упраздненной нормой части 2 статьи 188 УК России).

Сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан показал, что в Уголовных кодексах стран — членов Таможенного союза по-разному сформулированы диспозиции статей, предусматривающих ответственность за контрабанду, что негативно скажется на принятии решения о привлечении к уголовной ответственности.

Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает контрабанду двух видов: контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено, отнесенная к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка (статья 250); контрабанда других товаров и предметов как экономическая контрабанда (статья 209), отнесенная к преступлениям в сфере экономической деятельности.

В соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь (статья 228) уголовная ответственность установлена за контрабанду товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к перемещению. Необходимо отметить, что из стран, входящих в Таможенный союз, только в Уголовный кодекс Республики Беларусь не внесены изменения относительно таможенной границы. Здесь по-прежнему незаконным является перемещение через «таможенную границу республики», а не Таможенного союза. В Уголовном кодексе Казахстана ответственность установлена за незаконное перемещение «через таможенную

границу Таможенного союза и (или) Государственную границу Республики Казахстан».

Стратегически важные товары и ресурсы как объект посягательства в уголовном кодексе Республики Беларусь и Республики Казахстан вообще отсутствуют.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых норм государств — членов Таможенного союза позволяет прийти к выводу, что, с учетом того, что Белоруссия, Казахстан и Россия имеют Единое таможенное пространство и Единую таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, представляется необходимым единообразно сформулировать уголовно-правовые нормы о контрабанде в национальных Уголовных кодексах этих государств.

Проведенное сравнительно-правовое исследование положений уголовных кодексов стран — участниц СНГ позволяет сделать вывод, что из 10 стран — участниц СНГ (Украина подписала, но так и не ратифицировала договор о присоединении к СНГ) только в уголовных кодексах Азербайджана, Армении, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана к объектам посягательства, а именно в статьях «Контрабанда» в том числе выделяется стратегически важные сырьевые товары, как это было в ч. 2 статьи 188 УК РФ. Причем ни один из указанных уголовных кодексов не содержит в качестве квалифицирующего признака совершение контрабанды стратегически важных сырьевых товаров в крупном размере.

Вместе с тем объективная сторона контрабанды товаров, предусмотренных частью 2 статьи 188 УК РФ, обуславливалась совершением незаконных деяний по перемещению товаров и иных предметов (в том числе и запрещенных к свободному обороту) через таможенную границу Российской Федерации противоправными способами, перечисленными в диспозиции статьи 188 УК РФ.

Таким образом, с вступлением в силу Федерального закона № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» для применения статьи 188 УК РФ относительно контрабанды не только обычных товаров, но и наркотических средств, оружия необходимо было внесение в данную норму соответствующих изменений, в части замены понятия «таможенная граница Российской Федерации» понятием «таможенная граница Таможенного союза».

Такие изменения были внесены лишь в связи с вступлением в силу Федерального закона № 420-ФЗ, которым статья 188 УК РФ была исключена из Уголовного кодекса Российской Федерации, а деяния, предусмотренные частью 2 указанной статьи, включены в диспозицию новых статей 226.1 и 229.1 УК РФ.

Предметом преступления по статье 226.1 УК РФ являются в том числе стратегически важные товары и ресурсы, если их стоимость превышает один миллион рублей. В статье 226.1 УК РФ, в отличие от ч. 2 ст. 188 УК РФ, термин «стратегически важные сырьевые товары» заменен на термин «стратегически важные товары и ресурсы». Для целей применения данной нормы требуется издание соответствующего перечня таких товаров и ресурсов, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации. Соответствующий перечень готовился достаточно долго и был утвержден лишь

в сентябре 2012 года Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [8]. Длительный срок подготовки Постановления Правительства Российской Федерации был связан с такими объективными обстоятельствами, как сложность предмета правового регулирования; отсутствие регламентации в действующей нормативной правовой базе полномочий федеральных органов исполнительной власти по определению критериев, формирующих понятие «стратегически важные товары и ресурсы».

В юридической литературе также отсутствует единообразный подход к понятию «стратегически важные товары и ресурсы». Условно можно выделить следующие подходы к определению содержательной части указанного понятия, по которым предлагается считать стратегически важными следующие товары и ресурсы:

- товары, утверждаемые постановлениями Правительства Российской Федерации и указами Президента Российской Федерации (А.Н. Козырин, С. Никулин, А.В. Наумов) [1; 4; 5: с. 75, 124, 23];
- товары, в отношении которых Правительством Российской Федерации установлены специальные правила вывоза (Л.Ф. Рогатых) [6: с. 47];
- товары, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружений и военной техники (В.И. Михайлов, А.В. Федоров) [2: с. 41].

Проведенный ретроспективный анализ актов законодательства в данной сфере позволяет выделить следующие этапы нормативного правового регулирования перемещения стратегически важных товаров и ресурсов. Указом Президента Российской Федерации от 14 июня 1992 г. № 628 «О порядке экспорта стратегически важных сырьевых товаров» [13] было установлено, что в целях защиты экономических интересов России, недопущения незаконного размещения валютной выручки за рубежом и неоправданной конкуренции российских предприятий на внешнем рынке с 1 июля 1992 г. экспорт стратегически важных сырьевых товаров осуществляется предприятиями и организациями, зарегистрированными для этих целей Министерством внешних экономических связей Российской Федерации. Перечень таких товаров был определен Постановлением Правительства РФ от 26 июня 1992 г. № 434 «Об утверждении перечня стратегически важных сырьевых товаров, экспорт которых осуществляется предприятиями и организациями, зарегистрированными Министерством внешних экономических связей Российской Федерации» [12].

Хотя в дальнейшем в перечни стратегически важных сырьевых товаров неоднократно вносились изменения, Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1995 г. № 245 «Об основных принципах осуществления внешнеторговой деятельности в Российской Федерации» [10] нормативное определение таких товаров фактически было исключено. В соответствии с этим же

Указом с 25 марта 1995 г. экспорт этой группы товаров осуществлялся без регистрации в Министерстве внешних экономических связей Российской Федерации предприятий и организаций-экспортеров.

Кроме того, он признал утратившим силу Указ Президента от 14 июня 1992 г. № 628 «О порядке экспорта стратегически важных сырьевых товаров», фактически отменен и институт «спецэкспортеров». Во исполнение названного Указа и в целях дальнейшего совершенствования государственного регулирования внешнеторговой деятельности постановлениями Правительства от 5 ноября 1995 г. № 1110 [11] и от 21 марта 1996 г. № 300 [9] признаны утратившими силу решения об утверждении перечня стратегически важных сырьевых товаров и осуществлении экспорта таких товаров на основе регистрации контрактов.

Изменения в законодательстве повлекли снятие статуса «стратегических» для целей внешней торговли с таких товаров, как дикие животные, дикорастущие растения, пшеница, природный газ, удобрения, электроэнергия, нефть сырая и продукты ее переработки и ряда других товаров, поименованных в утративших силу правовых нормативных актах.

Уголовно-правовое регулирование контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов также претерпело существенные изменения. Впервые в Уголовное законодательство Федеральным законом от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [12] в число предметов контрабанды (ст. 78 УК РСФСР) были включены стратегически важные сырьевые товары.

Далее с вступлением в силу Уголовного кодекса Российской Федерации с 1 января 1997 года стратегически важные сырьевые товары были включены в ч. 2 статьи 188 УК РФ в числе товаров и предметов, незаконное перемещение которых через таможенную границу оценивается как контрабанда и в отношении которых установлены специальные правила их перемещения через таможенную границу Российской Федерации.

В сложившейся правовой ситуации положения части 2 статьи 188 УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за контрабанду стратегически важных сырьевых товаров, не применялись и соответственно случаев привлечения к уголовной ответственности за контрабанду по этому квалифицирующему признаку не было.

Контрабанда товаров, обладающих признаками стратегически важных товаров, до 8 декабря 2011 года квалифицировалась по части 1 статьи 188 УК РФ, как контрабанда обычных товаров. Однако в связи с декриминализацией товарной контрабанды, а также по причине отсутствия до 29 сентября 2012 г. утвержденного Правительством Российской Федерации Перечня стратегически важных товаров и ресурсов незаконный их вывоз из России не влек за собой уголовной ответственности.

В настоящее время Перечень является единственным действующим нормативно правовым актом, определяющим статус стратегически важных товаров и

ресурсов в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС и Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Перечень содержит наименования стратегически важных товаров и ресурсов, а также соответствующие коды ТН ВЭД ТС.

Всего в Перечне 15 позиций, включающих такие товары и ресурсы, как спирт, драгметаллы, мясо осетровых рыб, янтарь, лесоматериалы, флора и фауна, находящиеся под угрозой исчезновения, озоноразрушающие вещества, черные и цветные металлы, пушнина, нефть, нефтепродукты и пр.

Данный Перечень состоит из трех разделов: стратегически важные товары, стратегически важные ресурсы, стратегически важные ресурсы флоры и фауны.

Первый и второй разделы Перечня дифференцированы законодателем по трем разрядам:

– товары, которые для целей применения указанного Перечня определяются только кодами ТН ВЭД ТС. При этом наименования данных товаров приводятся сугубо для удобства пользования;

– товары, определяемые на основании требований, предусмотренных разделами 1.1, 2.1 Единого перечня товаров, к которым применяются запреты (ограничения) на ввоз, вывоз странами — участниками Таможенного союза в пределах Евразийского экономического сообщества в торговых отношениях с третьими странами. При этом коды ТН ВЭД ТС, прилагаемые в Перечне, приведены лишь для удобства пользования;

– товары, в отношении которых в целях применения данного Перечня следует руководствоваться как указанным наименованием, так и кодом, предусмотренным ТН ВЭД ТС.

Несмотря на высокую потребность в данном документе со стороны правоохранительных органов и отсутствие до настоящего времени сложившейся правоприменительной практики на современном этапе, ясно, что в Перечень необходимо внести изменения.

Пунктом 4 Перечня в качестве стратегически важных товаров значатся озоноразрушающие вещества и продукция, их содержащая, в соответствии со списками «А» и «В» раздела 1.1 и списками «С», «Е» и «D» раздела 2.1 Единого перечня товаров, к которым применяются запреты и ограничения на ввоз или вывоз государствами — членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами, утвержденного Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27.11.2009 г. № 19.

Однако, согласно пункту 5 решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 г. № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования»¹, Единый перечень товаров, к которым приме-

¹ Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.08.2012 г. № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии — <http://www.tsouz.ru> (Дата обращения: 17.01.2013 г.)

няются запреты или ограничения на ввоз или вывоз государствами — членами Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества в торговле с третьими странами (далее — Единый перечень), и положения о применении ограничений, утвержденные Решением Межгоссовета ЕврАзЭС от 27.11.2009 г. № 19 «О едином нетарифном регулировании Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации»¹ не применяются, то есть Единый перечень, в который входили положения пункта 4 Перечня, утратил силу.

В этой связи пункт 4 Перечня является не действующим, а сам Перечень требует внесения соответствующих изменений.

Отметим, что включение в Перечень объектов СИТЕС и Красной книги необходимо рассматривать в качестве временной меры.

Данные предметы на территории Российской Федерации не являются объектами сделок купли-продажи, то есть не могут рассматриваться как товары. В этой связи определение их стоимости в целях принятия решений о возбуждении уголовного дела будет вызывать серьезные сложности.

Оптимальным решением данной проблемы, учитывая значительность ущерба, наносимого интересам Российской Федерации в результате незаконного вывоза указанных предметов, представляется исключение из Перечня пункта 15 «Виды дикой флоры и фауны, подпадающие под действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г. или занесенные в Красную книгу Российской Федерации» и установление уголовной ответственности за их контрабанду.

Еще одной актуальной проблемой в отношении категории, указанной в пункте 15 Перечня, и особенно для приграничных территорий Российской Федерации с Китаем и странами Юго-Восточной Азии является контрабанда продукции, произведенной из таких объектов, как, например, контрабанда корня женьшеня, лап медведей. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость установления уголовной ответственности не только за контрабанду видов дикой флоры и фауны, но и за аналогичные преступления в отношении продукции, произведенной из таких объектов, включенных в Красную книгу Российской Федерации и (или) являющихся объектами международных договоров Российской Федерации.

Проведенный ретроспективный анализ правового регулирования перемещения стратегически важных товаров и ресурсов и их уголовно-правового регулирования позволил прийти к выводу, что стратегически важные товары и ресурсы — это особо важные объекты с точки зрения задач обеспечения экономической безопасности.

¹ Решение Межгоссовета ЕврАзЭС (Высшего органа Таможенного союза) от 27.11.2009 г. № 19 «О едином нетарифном регулировании Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии — <http://www.tsouz.ru> (Дата обращения: 17.01.2013 г.)

В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, криминализации общества и хозяйственной деятельности формируются новые угрозы обеспечению экономической, энергетической экологической, продовольственной и другим видам безопасности. Выявление возможных угроз и выработка мер по их предотвращению имеют первостепенное значение в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. С выявлением таких угроз и выработкой мер по их предотвращению и в Перечень и в статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающих уголовную ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов, несомненно, будут вноситься изменения.

В настоящее время целесообразно внести следующие изменения:

В статью 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации:

Наименование дополнить словами «редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира».

Абзац первый части первой после слов «иной военной техники» дополнить словами «редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира, включенных в Красную книгу Российской Федерации и (или) являющихся объектами международных договоров Российской Федерации, их частей или продукции, произведенной из них».

Пункт 15 Перечня исключить.

Указанные изменения позволят привлечь к уголовной ответственности лиц, незаконно перемещающих через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС любые редкие и находящиеся под угрозой исчезновения объекты животного и растительного мира, их части или продукцию, произведенную из них, включенные в Красную книгу Российской Федерации и (или) являющиеся объектами международных договоров Российской Федерации независимо от их стоимости.

Литература

1. *Козырин А.Н.* Преступления в таможенной сфере // *Налоговый вестник.* 2002. № 2. С. 75.
2. *Михайлов В.И., Федоров А.В.* Таможенные преступления: Уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности / Под ред. А.В. Федорова. СПб.: Баттерфляй, 1999. 41 с.
3. Методические рекомендации по вопросам возбуждения таможенными органами уголовных дел по признакам контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей / Авторский колл.: В.И. Козлов, В.И. Остапенко, Е.А. Савенкова // Приложение к письму ФТС России от 23.07.2012 г. № 18-12/36749.
4. *Наумов А.В.* Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование / Под ред. Г.М. Резника. М.: Волтерс Клувер. 2005. 124 с.
5. *Никулин С.* Уголовная ответственность за контрабанду // *Законность.* 1995. № 1. С. 23.

6. *Рогатых Л.Ф.* Квалификация контрабанды: учеб. пособие. СПб.: Проспект, 1999. 47 с.

Нормативно-правовые акты

7. Федеральный закон от 7 декабря 2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 12.12.2011 г. № 50. Ст. 7362.

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923 «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 21 сентября.

9. Постановление Правительства от 21 марта 1996 г. № 300 «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации по вопросу о регистрации контрактов при экспорте товаров» // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.04.1996 г. Ст. 1447.

10. Указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1995 г. № 245 «Об основных принципах осуществления внешнеторговой деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.03.1995 г. № 11. Ст. 968.

11. Постановление Правительства от 5 ноября 1995 г. № 1110 «О признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.11.1995 г. № 46. Ст. 4458.

12. Федеральный закон от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.07.1994 г. № 10. Ст. 1109.

13. Указ Президента Российской Федерации от 14 июня 1992 г. № 628 «О порядке экспорта стратегически важных сырьевых товаров» // Российская газета. 1992. 18 июня.

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 434 «Об утверждении перечня стратегически важных сырьевых товаров, экспорт которых осуществляется предприятиями и организациями, зарегистрированными Министерством внешних экономических связей Российской Федерации» // Деловой мир. 1992. № 128. С. 14–17.

References

1. *Kozy'rin A.N.* Prestupleniya v tamozhennoj sfere // Nalogovy'j vestnik. 2002. № 2. S. 75.

2. *Mixajlov V.I., Fedorov A.V.* Tamozhenny'e prestupleniya: Ugolovno-pravovoj analiz i obshhie voprosy' operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti / Pod red. A.V. Fedorova. SPb.: Batterflyaj, 1999. S. 41.

3. Metodicheskie rekomendacii po voprosam vozbuzhdeniya tamozhenny'mi organami ugolovny'x del po priznakam kontrabandy' i ukloneniya ot uplaty' tamozhenny'x platezhej / Avtorskij koll.: V.I. Kozlov, V.I. Ostapenko, E.A. Savenkova // Prilozhenie k pis'mu FTS Rossii ot 23.07.2012 g. № 18-12/36749.

4. *Naumov A.V.* Praktika primeneniya Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: kommentarij sudebnoj praktiki i doktrinal'noe tolkovanie / Pod red. G.M. Reznika. M.: Volters Kluver, 2005. 124 s.

5. *Nikulin S.* Ugolovnaya otvetstvennost' za kontrabandu // *Zakonnost'*. 1995. № 1. S. 23.
6. *Rogaty'x L.F.* Kvalifikaciya kontrabandy': ucheb. posobie. SPb.: Prospekt, 1999. 47 s.

Normativno-pravovy'e akty'

7. Federal'ny'j zakon ot 7 dekabrya 2011 g. № 420-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii» // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 12.12.2011 g. № 50. St. 7362.
8. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 13 sentyabrya 2012 g. № 923 «Ob utverzhdenii perechnya strategicheski vazhny'x tovarov i resursov dlya celej stat'i 226.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // *Rossijskaya gazeta*. 2012. 21 sentyabrya.
9. Postanovlenie Pravitel'stva ot 21 marta 1996 g. № 300 «O priznanii utrativshimi silu nekotory'x reshenij Pravitel'stva Rossijskoj Federacii po voprosu o registracii kontraktov pri e'ksporte tovarov» // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 01.04.1996 g. № 14. St. 1447.
10. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 6 marta 1995 g. № 245 «Ob osnovny'x principax osushhestvleniya vneshnetorgovoj deyatel'nosti v Rossijskoj federacii» // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 13.03.1995 g. № 11. St. 968.
11. Postanovlenie pravitel'stva ot 5 noyabrya 1995 g. № 1110 «O priznanii utrativshimi silu nekotory'x reshenij Pravitel'stva Rossijskoj Federacii po voprosam osushhestvleniya vneshnetorgovoj deyatel'nosti» // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 13.11.1995 g. № 46. St. 4458.
12. Federal'ny'j zakon ot 1 iyulya 1994 g. «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovny'j kodeks RSFSR» // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. 04.07.1994 g. № 10. St. 1109.
13. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14 iyunya 1992 g. № 628 «O poryadke e'ksporta strategicheski vazhny'x syr'evy'x tovarov» // *Rossijskaya gazeta*. 1992. 18 iyunya.
14. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26 iyunya 1992 g. № 434 «Ob utverzhdenii perechnya strategicheski vazhny'x syr'evy'x tovarov, e'ksport kotory'x osushhestvlyaetsya predpriyatiyami i organizacijami, zaregistrirrovanny'mi Ministerstvom vneshnix e'konomicheskix svyazej Rossijskoj Federacii» // *Delovoj mir*. 1992. № 128. S. 14–17.

V.K. Kuzmenko

**The Legal Characteristics of Smuggling
of Strategically Important Goods and Resources**

The criminal-legal characteristic of smuggling of strategically important goods and resources based on the analysis of the current legislation is given in the article. The author concluded about the necessity of requiring changes in the List of strategically important goods and resources which is approved by the Decree of the Government Russian Federation, for the improving efficiency of struggle against mentioned above type of smuggling.

Keywords: smuggling; strategically important goods and resources, EurAsEC Customs Union; customs border of EurAsEC Customs Union; state border of the Russian Federation.

Е.М. Леонов

К вопросу о понятии, видах и системе организационных договоров в отечественной цивилистике

В статье исследуются вопросы, касающиеся организационных договоров: понятия, виды и различные способы классификации.

Ключевые слова: организационные отношения; организационные договоры; рамочные договоры.

Вопрос о необходимости выделения организационных отношений в предмете гражданского права, а также о понятии, сущности и видах организационных договоров является в современной цивилистической науке крайне дискуссионным, поэтому актуальным как для теории гражданского права, так и для практики, с учетом положений, содержащихся в ст.ст. 429, 798, 799, 1041 ГК РФ, о предварительном договоре, договоре об организации перевозок, договоре простого товарищества. Кроме того, о важности изучения проблематики организационных договоров в настоящий момент свидетельствует также Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также отдельные законодательные акты РФ» (в ред., принятой Государственной Думой РФ в первом чтении 27.04.2012) [10], которым предлагается включить в ГК РФ ст. 429.1 о рамочном договоре (договоре с открытыми условиями), являющемся одним из видов организационных договоров (о чем будет сказано ниже).

В отечественной науке гражданского права проблема организационных отношений впервые была обстоятельно исследована профессором О.А. Красавчиковым, который определял организационные отношения (без привязки к определенной отрасли права) как построенные на началах координации или субординации социальные связи, направленные на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, действий их участников либо на формирование социальных образований [6: с. 53].

Ученый отмечал следующие особенности организационных отношений [6: с. 52]: 1) содержание организационных отношений складывается из организационных действий, направленных на упорядочение «организуемых» отношений; 2) объектом организационного отношения является упорядоченность отношений, связей, действий участников «организуемого» отношения; 3) целью организационного отношения является упорядочение, организованность соответствующего акта (процесса) по передаче имущества, выполнению работ и т. д.

Организационные **гражданско-правовые** отношения классифицированы О.А. Красавчиковым на следующие группы [6: с. 54–55]: 1) организационно-предпосылочные (направлены на завязку и последующее развитие имущественных отношений); 2) организационно-делегирующие (происходит наделение определенными полномочиями одних лиц по осуществлению определенного рода действий от имени других); 3) организационно-контрольные (предоставляющие одному субъекту возможность контролировать действия другого субъекта); 4) организационно-информационные (ориентированные на взаимный обмен между участниками имущественного правоотношения определенного рода информацией).

В то же время достаточно большое количество ученых высказывалось против выделения организационных отношений в предмете гражданского права, поскольку они расценивались лишь как «предпосылка возникновения имущественных отношений», исключающая возможность рассматривать организационные отношения в качестве части предмета гражданско-правового регулирования и признающая их практическое отсутствие [1]. Так, например, О.С. Иоффе указывал, что «ошибка О. А. Красавчикова в том, что организованность, составляющую неотъемлемое свойство общественных явлений, он, ссылаясь на конкретные способы правовой организации отдельных имущественных отношений, отсекает от последних и объявляет особым гражданско-правовым организационным отношением, между тем любые общественные отношения, в том числе имущественные, характеризуются... определенной степенью их организованности...» [5: с. 264].

Таким образом, дискуссия о месте организационных отношений в предмете гражданского права и существовании соответствующих организационных договоров в гражданском праве появилась уже с момента разработки данной теоретической конструкции.

Единого определения, единых признаков и системы организационных договоров наука гражданского права к настоящему времени не выработала. Однако, обобщая теоретически взгляды на данную проблему, нужно отметить, что ученые подчеркивают направленность организационных договоров на **организацию** товарообмена, а не на сам факт товарообмена, т. е. подчеркивают их ориентированность на установление связей участников товарного оборота.

Предметом организационных договоров служит определение наиболее общих условий взаимосвязанной деятельности, которые не могут быть предусмотрены в заключаемых субъектами разовых, отдельных договорах [8: с. 284], а целью является создание возможностей и предпосылок для более успешного осуществления взаимосвязанной деятельности лиц, повышение координированности и согласованности совершаемых в дальнейшем имущественных операций [8: с. 285].

Представляется обоснованной позиция, согласно которой в качестве критерия выделения организационных договоров указывается факт пере-

дачи определенных материальных благ: по организационным договорам предусматриваются действия, не связанные с передачей материальных благ (в отличие от «имущественных договоров»). Л.Г. Ефимова обоснованно указывает, что обычно, группа организационных договоров противопоставляется договорам, опосредующим передачу товаров, выполнение работ или оказание услуг [2: с. 304]. Вместе с тем критерия передачи материальных благ явно не достаточно для отграничения организационных договоров от всех остальных видов договоров.

В науке выделяются также следующие черты организационных договоров:

- то, что они являются промежуточным звеном между ситуацией, когда субъекты вообще не связаны никакими обязательственными отношениями, и ситуацией, когда их отношения уже носят завершённый по своему содержанию характер [4];

- обладают достаточно разнообразными функциями (от организации заключения в будущем отдельно взятого договора — предварительный договор — до формирования длительных экономических связей контрагентов, рассчитанных на совершение в будущем определенного числа сделок — рамочные соглашения) [4];

- имеют в большинстве случаев долгосрочный или бессрочный характер.

Организационные договоры упорядочивают имущественные отношения субъектов, но, как правило, не на уровне единичного обязательства, а определенной совокупности таких обязательств. Данные договоры предусматривают общие требования к заключению и исполнению всего множества отдельных обязательств в пределах их действия. Данная функция организационных договоров заключается в формировании и стабилизации долгосрочных отношений участников договора [8: с. 285]. Вместе с тем М.А. Егорова обоснованно отмечает, что отсутствие материальной составляющей в организационном договоре исключает и возможность передачи имущества по условиям такого договора. Следовательно, организационный договор не может носить характера реальной сделки, всегда являясь сделкой консенсуальной [1].

Вопрос о видах и системе организационных договоров также является дискуссионным. Так, Е.А. Суханов, разделяя гражданско-правовые договоры на имущественные и организационные, подразделяет, в свою очередь, организационные договоры на предварительные, генеральные и многосторонние [9: с. 182]. К организационным договорам можно отнести, например, договор простого товарищества, учитывая, что в соответствии с положениями гл. 55 ГК РФ, данный договор направлен на организацию совместной деятельности сторон для извлечения прибыли или иной не запрещенной законом цели.

Большое количество организационных договоров регулирует отношения, возникающие в процессе транспортировки грузов. К ним, в частности, могут быть отнесены договор об организации перевозок грузов, договор об организации перевозок пассажиров, узловые соглашения и т. д. [7].

Высказывается точка зрения об отнесении к числу организационных правоотношений представительства и соответственно договора поручения [7].

Спорным является вопрос о соотношении понятий организационного и рамочного договора. Так, Л.Г. Ефимова под рамочным понимает договор, целью которого является организация длительных деловых связей в виде потока разнообразных деловых отношений, для достижения которой требуется заключение (как правило, между теми же сторонами) договоров-приложений, отдельные условия которых согласовываются в базовом договоре [3: с. 3], вместе с тем и рамочный, и организационный договоры она признает идентичными [7].

Отметим, что большинство ученых рассматривает рамочное соглашение (рамочный договор) только как один из видов организационных договоров. Представляется, что последняя точка зрения является более обоснованной, так как, например, предварительный договор, рассмотренный выше, не подпадает под определение рамочного, учитывая, что данным договором не предусматривается заключение совокупности определенных договоров-приложений.

Указанными выше договорами категория организационных договоров, разумеется, не исчерпывается. Однако рассмотренные договоры в большинстве случаев относятся учеными к типу организационных, т. е. в данном случае имеется определенное единство мнений.

Систему организационных договоров можно построить по различным критериям. Так, по способу достижения основной организационной цели таких договоров [4] могут быть выделены договоры, исполняемые:

- путем создания новых организационных структур;
- путем осуществления совместной деятельности участниками такого договора;
- путем заключения соответствующих исполнительских сделок.

Некоторые ученые строят систему организационных договоров, исходя из их правовой цели [1]:

- организационно-координирующие договоры (правовой целью данной организационной сделки является либо стабилизация существующих организуемых отношений (например, придание им долгосрочного, повторяющегося характера), либо их оптимизация (например, путем согласования порядка и (или) процедуры взаимодействия субъектов «организуемого» отношения), либо повышение их экономической эффективности;
- организационно-формирующие договоры (правовой целью данных организационных договоров является формирование условий для возникновения новых общественных отношений (например, предварительный договор);
- организационно-корпоративные договоры. В данном случае правовой целью является формирование корпоративно-правового отношения (учредительный договор, договор простого товарищества).

По направленности результата выделяются имеющие организационную цель договоры и являющиеся имущественными или неимущественными, но содержат в себе элементы организационного договора [7].

Существует также и другая классификация организационных договоров [7]: корпоративные договоры — договоры, направленные на упорядочение (нормализацию) отношений участников гражданского оборота, связанных с созданием и управлением организациями; рамочные договоры — договоры, направленные на упорядочение (нормализацию) обязательственных отношений между участниками гражданского оборота при невозможности определения всех существенных условий договора в момент его совершения; предварительные договоры — договоры, направленные на упорядочение (нормализацию) отношений между его участниками в связи с осуществлением ими юридически значимых действий по заключению основного договора; видовые договоры — договоры, направленные на упорядочение (нормализацию) конкретных обязательственных отношений, возникающих из гражданско-правовых договоров определенных видов.

М.А. Егорова, например, делит организационные сделки на три вида: правообразующие, правоизменяющие и правопрекращающие [1]. В науке имеются и иные классификации организационных договоров.

Как видно из приведенных выше классификаций и систематизаций организационных договоров, данный правовой институт является крайне многообразным по сферам своего применения, по выполняемым им функциям и целям, преследуемым при заключении указанных договоров. Следовательно, организационные договоры могут быть классифицированы по различным критериям, в зависимости от целей соответствующей классификации. Следовательно, ни одна из приведенных классификаций не может претендовать на «всеобъемлемость» исследуемого в настоящей статье правового института, а отражает лишь часть его определенных признаков. Необходимо отметить также, что в рамках системы организационных договоров существенную роль играет и систематизация «второго уровня». Так, например, важное научное и практическое значение имеет систематизация организационных договоров на транспорте.

Таким образом, вопросы, касающиеся организационных договоров, хотя и являются достаточно дискуссионными, разработка их концепции имеет важное практическое и теоретическое значение.

Литература

1. Егорова М.А. Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 10–21.
2. Ефимова Л.Г. Банковские сделки: право и практика. М.: НИМП, 2001. 654 с.
3. Ефимова Л.Г. Рамочные (организационные) договоры. М.: Волтерс Клувер, 2006. 104 с.
4. Илюшина М.Н. Проблемы применения организационной природы предварительного договора к отчуждательным сделкам с долями в ООО // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 37–44.
5. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2003. 782 с.

6. *Красавчиков О.А.* Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2-х тт. Т. 1. М.: Статут, 2005. 492 с.
7. *Козлова Е.Б.* Организационные договоры: понятие и классификация // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 3–9.
8. *Пугинский Б.И.* Коммерческое право России. М.: Зерцало, 2008. 350 с.
9. *Суханов Е.А.* Гражданское право: В 4-х тт. Т. 3. М.: Волтерс Клувер, 2007. 800 с.
10. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также отдельные законодательные акты РФ» (в ред., принятой Государственной Думой РФ в первом чтении 27.04.2012 г.).

References

1. *Egorova M.A.* Organizacionnoe otnoshenie i organizacionny'e sdelki v grazhdansko-pravovom regulirovanii // Zakony' Rossii: opyt', analiz, praktika. 2011. № 5. S. 10–21.
2. *Efimova L.G.* Bankovskie sdelki: pravo i praktika. M: NIMP, 2001. 654 s.
3. *Efimova L.G.* Ramochny'e (organizacionny'e) dogovory'. M.: Wolters Kluver, 2006. 104 s.
4. *Ilyushina M.N.* Problemy' primeneniya organizacionnoi prirody' predvaritel'nogo dogovora k otchuzhdatel'ny'm sdelkam s dolyami v OOO // Zakony' Rossii: opyt', analiz, praktika. 2011. № 5. S. 37–44.
5. *Ioffe O.S.* Izbranny'e trudy' po grazhdanskomu pravu. M.: Statut, 2003. 782 s.
6. *Krasavchikov O.A.* Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbranny'e trudy': V 2-x tt. T. 1. M.: Statut, 2005. 492 s.
7. *Kozlova E.B.* Organizacionny'e dogovory': ponyatie i klassifikaciya // Zakony' Rossii: opyt', analiz, praktika. 2011. № 5. S. 3–9.
8. *Puginskij B.I.* Kommercheskoe pravo Rossii. M.: Zerczalo, 2008. 350 s.
9. *Suxanov E.A.* Grazhdanskoe pravo: V 4-x tt. T. 3. M.: Wolters Kluver, 2007. 800 s.
10. Proekt Federal'nogo zakona № 47538-6 «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu, tret'yu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa RF, a takzhe otdelny'e zakonodatel'ny'e akty' RF» (v redakcii, prinyatoj Gosudarstvennoj Dumoj RF v pervom chtenii 27.04.2012 g.).

E.M. Leonov

To the Issue about Definition, Types and System of Organizational Contracts in Russian Civil Law

The article is devoted to the issues about organizational agreements: definition, types and different ways of classification.

Keywords: organizational relations; organizational agreements; frame contracts.

Д.А. Пашенцев

Обзор ежегодной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского, 25 апреля 2013 г.

На юридическом факультете МГПУ 25 апреля 2013 г. состоялась ежегодная межвузовская научная конференция «Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика», посвященная памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. Конференция проводилась при участии Ассоциации юридических вузов, а также при информационной поддержке компаний «Консультант Плюс» и «Гарант».

Проходила она в традиционном формате: сначала пленарное заседание, а потом работа по секциям.

На пленарном заседании с приветствием к участникам конференции выступили декан юридического факультета МГПУ Д.А. Ростиславлев и исполнительный директор Ассоциации юридических вузов В.И. Липунов. Затем слово предоставили члену-корреспонденту РАО, профессору Ю.А. Дмитриеву, который хорошо знал Феликса Михайловича Рудинского лично и поделился своими воспоминаниями об этом выдающемся ученом и прекрасном человеке.

Свои воспоминания об ученом также озвучил профессор В.А. Северухин — первый декан юридического факультета МГПУ.

Оба выступавших особо подчеркнули такие личные качества Феликса Михайловича, как доброта и неизменный мягкий юмор. Они акцентировали внимание аудитории на основных событиях творческого пути профессора Рудинского, который вел успешную преподавательскую и научную деятельность в области прав человека. В 1963 г. Феликс Михайлович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Институт свободы совести по советскому государственному праву», а в 1980 г. — докторскую диссертацию «Теоретические проблемы личных конституционных прав граждан СССР».

С 1998 г. профессор Ф.М. Рудинский работал в Московском городском педагогическом университете в качестве заведующего кафедрой Конституционного права и отраслевых дисциплин. В 2002 году Феликс Михайлович Рудинский под-

держал инициативу создания независимого научно-исследовательского Института свободы совести и был избран его научным руководителем. В 2007 г. он создал секцию по просвещению в области прав человека Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

Феликс Михайлович опубликовал свыше 130 научных работ, и большая часть из них посвящена проблемам прав человека, вопросам формирования новой науки — науки прав человека.

Выступавшие отметили, что в МГПУ деятельность профессора Ф.М. Рудинского способствовала созданию научной школы в области прав человека и той обстановки доброжелательности, которая сложилась на юридическом факультете.

После пленарного заседания участники конференции продолжили работу по секциям. Состоялись заседания семи секций.

На конференции с докладами и сообщениями выступило более 70 человек: профессора, доценты, преподаватели и аспиранты. В работе конференции приняли участие 16 докторов наук. Помимо МГПУ, были представлены такие учебные и научные заведения, как Российская академия образования, Институт государства и права РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская правовая академия, Российская академия правосудия, Воронежский государственный университет, Российский государственный социальный университет, Дипломатическая академия МИД РФ, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Сибирский Федеральный университет, Международный юридический институт и некоторые другие. Такой представительный состав участников свидетельствует о научной значимости и актуальности ежегодно проводимого форума.

Одной из самых представительных по составу участников стала секция «Теоретические и практические проблемы истории государства и права», доклады на которую представили 8 докторов юридических наук. Бурные дискуссии вызвал прозвучавший на данной секции доклад профессора Ю.В. Сорокиной из Воронежского государственного университета, посвященный проблемам европейского универсализма в его соотношении с российской историей. Докладчик высказала тезис о том, что главной чертой российского национального сознания является состояние раскола, понимаемого в широком смысле как тотального раскола между блестяще образованным, но тонким слоем интеллектуалов и остальным инертным обществом, раскола между властью и народом, раскола между политическими силами в определении генеральной линии развития России, раскола между властью и либеральной оппозицией, религиозного раскола. Российский партикуляризм консервирует общество, мешает органическому его объединению. Партикуляризм отрицает универсализм как тип мышления и восприятия мира.

В дискуссии по данному докладу выступили декан юридического факультета Д.А. Ростиславлев, доцент А.В. Львов и доцент М.В. Яровая. Они озву-

чили несколько иную позицию, призвали не забывать про цивилизационные и национальные особенности, обогащающие человечество и влияющие на развитие прав и государства.

На секции с интересным докладом выступила д.ю.н., представитель Финансового университета при Правительстве РФ О.Н. Петюкова, которая рассказала об особенностях взаимоотношений государства и церкви на разных этапах российской истории и ответила на многочисленные вопросы присутствовавших на секции ученых.

В связи с тем, что на юридическом факультете МГПУ, следуя заложенным Ф.М. Рудинским традициям, особое внимание обращается на права человека, соответствующая проблематика обсуждалась в рамках двух секций: «Права человека и гражданина в условиях глобализации» и «Свобода совести». На первой секции особое внимание участников привлек доклад профессора В.Н. Протасова из Российской правовой академии, который рассказал о некоторых методологических проблемах современной юриспруденции. В рамках второй секции прозвучало интересное сообщение кандидата исторических наук С.А. Мозгового, который подчеркнул, что проблемы с реализацией права на свободу совести есть не только в нашей стране, и рассказал о религиозной политике президента США Б. Обамы.

В связи с тем, что в текущем году отмечается 20 лет с момента принятия действующей Конституции Российской Федерации, одна из секций была посвящена данному юбилею. С интересным докладом выступила профессор МГПУ Т.А. Пряхина, которая рассказала про правовые позиции Конституционного Суда РФ. Профессор Ю.А. Дмитриев поделился своими мыслями по поводу основных направлений возможной ревизии действующей Конституции.

Также в рамках отдельных секций на конференции обсуждались такие вопросы, как проблемы развития современного частного права, тенденции развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства, влияние международного частного права на защиту прав человека.

Н.Е. Борисова

**Рецензия на монографию Д.А. Пашенцева,
Е.Л. Алехиной, М.И. Долаковой
«Финансовое право Российской империи:
от идей к реализации»
(М.: АПКиППРО, 2012. 282 с.)**

Монография посвящена важным и недостаточно исследованным вопросам, связанным с развитием финансового права в период Российской империи. В данной работе коллектив авторов под руководством профессора Д.А. Пашенцева продолжает исследование той проблематики, что ранее уже нашла свое отражение в нескольких публикациях [1, 2].

Структура монографии свидетельствует о том, что авторы избрали интересный и перспективный метод исследования, на который указывает уже само название работы: сначала проанализированы основные финансово-правовые идеи рассматриваемого периода в динамике, затем на этой основе показано развитие правовых норм. Такой подход соответствует разрабатываемой Д.А. Пашенцевым методологии, которую сам автор позиционирует как идеалистическую [3: с. 8–9]. Ее сущность состоит в том, что первоочередное внимание уделяется тем идеям, которые возникали раньше норм и правоотношений и определили развитие права. В итоге становится более понятно, почему в конкретный исторический период принимались именно такие правовые нормы, как на них повлияли господствовавшие в обществе правовые и внеправовые идеи. Как пишут в первой главе сами авторы, развитие права «начинается с того, что высказываются новые идеи, на их основе разрабатываются концепции, а уже затем они реализуются на практике» [3: с. 39].

Финансовое право как самостоятельная отрасль в системе права Российской империи отсутствовало. Но в рассматриваемый в монографии период происходило его активное становление. Разрабатывались новые концепции, а затем принимались нормативные акты, связанные с совершенствованием бюджетной системы и финансового контроля, нормализацией денежного об-

ращения и государственного кредита. Бурно развивалось законодательство в налоговой и кредитно-банковской сфере. Все эти вопросы и нашли свое отражение в рецензируемой работе.

Представляют несомненный научный интерес некоторые выводы, сформулированные и обоснованные в работе. Среди них отметим положение о том, что первая половина XIX века стала этапом зарождения отечественной финансово-правовой науки. Первые шаги данной отрасли научного знания были сделаны в рамках междисциплинарного синтеза, в русле развивавшейся общей науки о финансах. Однако уже в это время можно с уверенностью говорить об устойчивой тенденции к выделению финансово-правовой мысли, ориентированной на изменение действующего законодательства о финансах.

Отметим также вывод о том, что финансовая деятельность государства в рассматриваемый период не была эффективной. Ее главной задачей являлась фактически задача фискальная — наполнение казны для удовлетворения все возраставших государственных расходов. При этом увеличение налогового бремени не приносило ожидаемых результатов в силу бедности основной части населения. Государственный кредит использовался недостаточно рационально, не стимулировал развитие экономики. Внешние займы под высокие проценты ложились тяжелым бременем на экономику, требуя новых средств для их погашения. Совершенствование финансового законодательства приносило свои плоды только в периоды общего экономического подъема, что говорит о тесной взаимосвязи успешного развития финансовой деятельности государства с состоянием дел в экономике страны в целом.

Большое место уделяется в монографии проблемам истории налогообложения. Исследуя с историко-правовых позиций вопрос о социальной сущности прямого и косвенного налогообложения, авторы делают вывод о том, что прямое обложение является более социально ориентированным по сравнению с косвенным. Данный вывод опирается на анализ конкретного фактологического материала, а также на мнение некоторых дореволюционных правоведов. В то же время в современной литературе по этому вопросу высказывается и противоположная точка зрения. Ее придерживались некоторые государственные деятели прошлого, например, С.Ю. Витте, о чем говорится и в самой рецензируемой работе.

Заслуживают внимания и поддержки и иные выводы, сформулированные авторами в рецензируемой монографии. При этом достоверность данных выводов подтверждается тем, что они опираются на использование большого количества источников, на тщательный анализ нормативно-правового материала.

Высокий научный уровень исследования подтверждается тем фактом, что авторы используют большое количество архивного материала из фондов Государственного архива Российской Федерации, Центрального исторического архива Москвы и Российского государственного исторического архива. Использование архивных документов позволяет лучше понять истоки финансово-правовой мысли, проследить ее зарождение и постепенное практическое

воплощение сначала в программных записках министров финансов, а затем и в нормативных актах.

В качестве спорного момента отметим, что с современных позиций вызывает сомнение отнесение банковского права к праву финансовому. В современной литературе банковское право нередко рассматривается как самостоятельная комплексная отрасль права, включающая в свой состав как финансово-правовые, так и гражданско-правовые нормы. Что касается рассматриваемого в монографии периода, то тогда даже сам термин «банковское право» практически не употреблялся.

В целом, можно сделать вывод, что рецензируемая монография выполнена на высоком научном уровне и вносит значительный вклад в развитие истории финансового права как отрасли научного знания.

Литература

1. *Пашенцев Д.А.* Вопросы налогообложения в финансово-правовой мысли Российской империи // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2011. № 2. С. 42–50.
2. *Пашенцев Д.А.* Особенности правового регулирования денежного обращения в Российской империи второй половины XIX – начала XX века // История государства и права. 2008. №7. С. 71–84.
3. *Пашенцев Д.А.* Методологические проблемы современной историко-правовой науки // Право и образование. 2013. № 1. С. 39–47.

References

1. *Pashencev D.A.* Voprosy' nalogooblozheniya v finansovo-pravovoj my'sli Rossijskoj imperii // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2011. № 2. S. 42–50.
2. *Pashencev D.A.* Osobennosti pravovogo regulirovaniya denezhnogo obrashheniya v Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 7. S. 71–84.
3. *Pashencev D.A.* Metodologicheskie problemy' sovremennoj istoriko-pravovoj nauki // Pravo i obrazovanie. 2013. № 1. S. 39–47.

Т.М. Пряхина

**Актуальные проблемы правовой культуры
избирательного процесса.**

**Рецензия на монографию Е.М. Крупени,
И.Г. Смолиной «Правовая культура
избирательного процесса:
персоноцентристский анализ»**

(М.: Университетская книга, 2012. 276 с.)

Проблемы избирательного права и избирательного процесса находятся на острие политической и идеологической борьбы, являются центром общественных дискуссий, парламентских дебатов, провоцируют институциональные и межличностные конфликты не одно десятилетие. Все попытки решить проблемы, возникающие в ходе организации и проведения выборов исключительно правовыми средствами, не приносят искомого социального эффекта. Это свидетельствует о необходимости расширения сферы научного поиска. Междисциплинарный подход, синтез, направленный на выработку новых императивов развития, технологий выживания, идеологии XXI в., стал не игрой ума, не академической программой, родившейся в кабинетной тиши, а насущной необходимостью и имеет блестящие перспективы (См.: Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997. С. 16). Применительно к обсуждаемой проблематике такой подход позволит выйти на новый уровень научных обобщений, откроет новые перспективы избирательного процесса как важного инструмента консолидации общества и повышения эффективности государства. В свете вышесказанного очевидна правота авторов рецензируемой монографии, указывающих на необходимость обращения к неюридическим (культурно-историческим, социально-психологическим, аксиологическим) аспектам и проявлениям современного государства в процессе принятия и реализации управленческих решений. Познавательная экспансия юриспруденции действительно остро нуждается в том, чтобы получить гуманитарное родовое оправдание в процессе исследования различных аспектов государственно-правовой жизни общества, поддерживаемой благодаря суммарному взаимодействию людей, их активной реализации своих публичных статусов (См.: Крупени Е.М., Смолина И.Г. «Правовая культура избирательного процесса: персоноцентристский анализ». М.: Университетская книга, 2012. С. 5).

Как отмечает В.Т. Кабышев, выборы — многогранное явление. Это самый массовый процесс, который знает право. Выборы призваны не только выявить суверенную политическую волю избирателей, но и узаконить ее. Это высшее непосредственное выражение власти народа. Реализация института выборов вне правовой формы невозможна. Законодатель всегда определяющую, значительную часть общественных отношений, возникающих в процессе выборов, регулирует нормами права. При этом следует различать фактическую и юридическую стороны выборов, ибо первая без второй существовать может, а вторая без первой — нет. Правовое регулирование избирательных отношений не изменяет их природу как фактических общественных отношений, а лишь придает им форму правовых отношений (См.: Кабышев В.Т. Выборы в зеркале конституционного правосудия (некоторые размышления) // Конституционный контроль: доктрина и практика: материалы международной конференции, посвященной 20-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, 28–29 октября 2011 г. / Под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, 2012. С. 332). Действительно, природа выборов как фактических общественных отношений доминирует, а попытки ее игнорировать обречены на провал. Нельзя преувеличивать регулятивные возможности права. В результате выборы не оправдывают ожиданий общества, становятся катализатором социального недовольства и протестных выступлений. Односторонний догматический взгляд на политико-правовую реальность игнорирует фактическую сторону выборов, уводит ее в тень, что в корне неверно. Монография Елены Михайловны Крупени и Ирины Геннадиевны Смолиной восполняет пробел, существующий в юридической науке. Правовое регулирование выборов не может и не должно подменять сам избирательный процесс. Оно призвано обеспечить выявление подлинной воли избирателей и ее реализацию. Авторы, обращаясь к правовой культуре избирательного процесса в контексте персоноцентристской исследовательской программы, возвращают нас к истокам демократии, где выборы являются высшим непосредственным выражением власти народа.

Процессы, происходящие в России, достаточно сложны и требуют нетрадиционных решений. Если концепция демократии еще верна, то условия ее применения неузнаваемо изменились. Применительно к современному пониманию народовластия следует выбрать тип общественной демократии, он наиболее устойчив, поскольку задействует в принятии государственных решений все основные единицы, не оставляя их в долговременной политической изоляции. Принцип полноценного политического участия гораздо важнее, чем принципы правления большинства и наличия сильной политической оппозиции. Важнейший критерий демократичности процесса управления — эффективное участие, признающее равные и действительные возможности всех членов политического сообщества излагать свои взгляды на существо и характер проводимой политики. Кроме того, каждый член политической ассоциации должен получить равные и реальные возможности для ознакомления с политическими альтернативами,

их вероятными последствиями, чтобы осуществить осознанный выбор. Об этом писал В.В. Путин в своей статье «Демократия и качество государства», утверждая, что нам важно создать политическую систему, при которой людям можно и необходимо говорить правду. Тот, кто предлагает решения и программы, несет ответственность за их реализацию. Те, кто выбирает «принимающих решения», понимают, кого и что они выбирают. Это принесет доверие, конструктивный диалог и взаимное уважение между обществом и властью (Коммерсант. 2012. 6 февраля.). Принцип полноценного политического участия по-иному расставляет акценты, заставляя нас обратиться к анализу личностных характеристик субъектов, участвующих в демократических процедурах. Новаторский подход авторов монографии заключается в том, что они предприняли попытку «взглянуть» на политико-правовой феномен избирательного процесса с позиции его индивидуальных субъектов: граждан, кандидатов на выборные должности, депутатов органов государственной власти разных уровней, а также структур гражданского общества (См.: Крупеня Е.М., Смолина И.Г. Правовая культура избирательного процесса: персоноцентристский анализ. М.: Университетская книга, 2012. С. 6).

Новый взгляд на избирательный процесс открывает иные горизонты выборов. Человек рассматривается как полноценный участник процесса властвования, находится в центре внимания исследователей. И в этом заключается высокий гуманистический пафос рецензируемой монографии. Ученые выдвинули и обосновали тезис, согласно которому гражданин, с его взглядами, позициями и отношениями, является создателем всего политико-правового опыта (культуры), поэтому необходимо задействовать его гуманитарный потенциал для решения задач реформирования публично-правовой сферы. Авторы обращаются к творческим способностям гражданина, которому свойственны инициатива и ответственность, самостоятельность в делах и независимость во взглядах, способность к рефлексии и правовой рациональности, критичность и реалистичное восприятие политико-правовой действительности, неприятие патернализма, политико-правовая мобильность и креативность мышления.

Опираясь на персоноцентристский подход, авторы комплексно, системно изучают широкий спектр проблем. В зоне научного поиска Е.М. Крупени и И.Г. Смолиной вопросы теоретико-правового и деятельностного аспектов правовой культуры избирательного процесса: сознания субъектов права в области избирательного процесса; сущности и функций политико-правового сознания субъектов публичного статуса в избирательном процессе; коллективного бессознательного в механизме самореализации статусного публичного права; формирования правовой культуры граждан и кандидатов в выборные органы государственной власти в избирательном процессе; правовой культуры в организации и деятельности избирательных комиссий.

Вышесказанное свидетельствует о масштабности задач, поставленных и успешно решенных авторами блестящей по содержанию и исполнению фундаментальной научной работы. Монография Е.М. Крупени и И.Г. Смолиной

дает адекватные ответы на вопросы современности, свидетельствующие о широте авторской эрудиции, глубоком понимании сути содержания и «подводных течений» избирательного процесса.

Авторы последовательно строят здание новой персоноцентристской модели избирательного процесса, закладывая в его фундамент добротную теоретическую базу. Основательное освещение таких центральных категорий, как «правовая культура», «избирательный процесс», «демократия», «народ», «политическая система», позволило авторам сделать ряд умозаключений, которые представляют несомненный научный интерес. В частности, Е.М. Крупеня и И.Г. Смолина обращают внимание на социальную детерминированность правовой культуры, ее зависимость и нахождение в системе взаимообратных связей с актами поведения и деятельностью человека (С. 18). Авторы подчеркивают, что институты в сфере государственно-правовой жизни общества объективны по своему происхождению. Одновременно их функциональная достаточность в обществе поддерживается лишь благодаря усилиям людей. То есть в контексте своего функционала государственно-правовые институты исключительно субъективны (С. 19–20). Это важный посыл, позволяющий правильно расставить акценты соотношения объективного и субъективного в праве. Оно не является самодостаточным институтом, объективно по происхождению и содержанию, но обретает жизненную силу, начинает работать благодаря активной деятельности людей, субъективно его понимающих, оценивающих и применяющих.

Избирательный процесс рассматривается авторами в контексте теории юридического процесса, что позволило им увидеть и продемонстрировать всю сложность и многогранность данного явления (С. 21–23, 27–32).

Ученые поднимают сложную проблему, значение которой трудно переоценить. Е.М. Крупеня и И.Г. Смолина подчеркивают, что совершенствование и модернизационное обновление политической системы Российской Федерации и соответственно избирательного процесса следует осуществлять, избегая крайностей и соблюдая правило золотой середины. Это позволит рационально разрешать противоречия между закономерностями и потребностями государственного управления, с одной стороны, и политической системы общества — с другой. При формировании состава представительных органов власти важно руководствоваться принципом разумной достаточности народного представительства. Он поможет уберечься от множества партий, посредством которых часто реализуются лишь личные амбиции определенных политиков, а также защитит политическую систему общества от доминирования, а то и монополии, какой-либо одной партии, которая в таком положении обычно игнорирует оппозицию (С. 29–30). Сложность данной задачи требует при ее решении учитывать уникальный опыт российского народа, обретенный в рамках национальной правовой системы. И данный опыт широко представлен в монографической работе Е.М. Крупени и И.Г. Смолиной.

Достаточность правовой культуры избирательного процесса проявляется благодаря ее разнообразным и по-разному проявляющим себя функциям,

в полной мере рассмотренными авторами. Е.М. Крупеня и И.Г. Смолина освещают познавательную, мировоззренческую, идеологическую, нормативную, информационную, поведенческую, управленческую функции правовой культуры избирательного процесса (С. 37–50).

Авторы вышли за узкие рамки теоретического конструирования социальных проблем и обратили свой взор на деятельностный аспект правовой культуры избирательного процесса (С. 51–107). В работе представлена динамика избирательного процесса как событийного явления, разворачивающегося в определенном историческом времени и социокультурном пространстве конкретного государства, задействующего значительное число лиц со своей психологией, властными амбициями, нравственными установками, экономическими потребностями, политическими предпочтениями, представлениями о своей социальной значимости. Высокий уровень правовой культуры участников избирательного процесса способен заставить звучать эти разрозненные голоса гармонично и цельно. Нельзя не согласиться с учеными в том, что такие качественные характеристики и правовые свойства, как единение многого, согласие разногласного и относительное разнообразие различного, отношения между социальным целым и его частями, когда стороны, оставаясь противоположностями, тем не менее приходят к отношениям договорного равновесия интересов, прав и обязанностей, органическому правопорядку, способствует именно публично-правовая активность гражданина. Человекосберегающие технологии позволяют сформировать заинтересованное отношение граждан к судьбе своего государства, функционированию институтов политической системы общества, государственной власти, предупреждая их взаимное отчуждение (С. 166–167).

Комплексный, всесторонний, системный анализ психолого-правовых элементов правовой культуры избирательного процесса позволил авторам сделать ряд новаторских выводов. Е.М. Крупеня и И.Г. Смолина ставят вопрос о сознании индивидуального субъекта, его роли в процессе реализации норм избирательного процесса как о значимом реальном факторе, существенно влияющем на уровень демократии. Подобная постановка проблемы позволила авторам выстроить целостную конструкцию правовой культуры избирательного процесса. Ученые обосновали позицию, согласно которой механизм действия той части публичного права, которая имеет отношение к избирательному процессу, предполагает наличие психологического компонента — определенную степень осознанности действий субъекта по реализации статусов (С. 128).

Творческой находкой авторов стал раздел монографии, посвященный коллективному бессознательному в механизме самореализации статусного публичного права (С. 157–181). Характеризуя суть государственной власти в России в контексте коллективного бессознательного, ученые верно подмечают, что она прочно ассоциируется с самодержавием. Последнее применительно к цивилизационному развитию России и выступает в различных обличиях: в удельном, монархическом, в форме советской или президентской республики (С. 175). В моногра-

фии архетип державности представлен как многоуровневое явление, имеющее сложную конструкцию. В политико-правовых представлениях, составляющих его содержание, выделены институционально-функциональные элементы, нормы-традиции, ценности (С. 175–178). Полагаем, архетип державности — центральное звено, позволяющее объяснить специфику демократических преобразований в России. Так, отмечается, что авторитаризм того или иного плана, в который на протяжении XX века превращались все попытки демократизации и либерализации России, не есть случайность. Скорее это отражение специфики политической культуры страны, массовых ожиданий от власти, структуры социально-политического запроса. Как плодотворный рассматривается следующий путь: принять за отправную точку неизбежность воспроизводства в российской политической традиции авторитарности как таковой, примириться с ней как с определенной неизбежностью и сосредоточить свои усилия на ее смягчении, сглаживании неприятных черт (См.: Вилков А.А., Кузнецов И.И. Единая? Неделимая!.. Опыт ретроспективного анализа теории разделения властей в России. Саратов: Изд-во СГУ, 2001. С. 87–88). Е.М. Крупеня и И.Г. Смолина также признают, что демократический формат современного Российского государства на практике блокируется державнической доминантой политико-правовых представлений, укоренившихся в глубинах коллективного бессознательного российского народа, правовой культурой, обусловившей системоцентристскую ее организацию в историческом процессе (С. 180). Возникают вопросы, на которые мы не можем дать однозначные ответы. Если институты непосредственной демократии в целом и избирательный процесс в частности призваны выявить подлинную волю народа, то не следует ли выбирать тип власти, адекватный запросам населения? Можно ли и нужно ли ломать архетип народа во имя абстрактных демократических ценностей и не приведет ли это к утрате идентичности российского народа? При любом ответе на эти сложные вопросы настаиваем на том, что монополизировать власть недопустимо. Демократия предполагает многополярность процесса властвования, и здесь мы вместе с авторами можем уповать на созидательные, творческие начала личности, способности ее к саморазвитию и, следовательно, к изменению в новых исторических условиях (С. 181).

Практическую ценность в аспекте формирования правовой культуры субъектов избирательного процесса монографическое исследование Е.М. Крупени и И.Г. Смолиной трудно переоценить (С. 182–271). На базе богатого социологического и статистического материала, уважительного отношения к ментальности и избирательным предпочтениям российских граждан, анализа корреляционной зависимости между реформаторскими инициативами государства и избирательными установками граждан, авторы предлагают ряд мер, позволяющих позитивно влиять на избирательную культуру граждан (С. 192–193).

Особого внимания заслуживает правовая культура кандидатов на избрание в представительные органы государственной власти и органы местного самоуправления либо на выборную государственную или муниципальную

должность как наиболее активной и заинтересованной фигуре избирательного процесса, которая задает ему динамику и напряженность (С. 213–214). Полностью разделяем точку зрения о необходимости наращивания научного обеспечения и сопровождения избирательного процесса в части, касающейся кандидатов. Нельзя преуменьшать значение доктринального мировоззрения и науки в целом для проведения каждой избирательной кампании. Рациональное знание способно оказать действенное влияние на процесс приведения во власть компетентных, нравственных и патриотичных кандидатов (С. 241). Фундаментальный труд Е.М. Крупени и И.Г. Смолиной — одна из первых и весьма удачных попыток формирования доктринального мировоззрения как востребованного компонента избирательного процесса. Более того, не будет преувеличением сказать, что монография «Правовая культура избирательного процесса: персоноцентристский анализ» должна стать настольной книгой сотрудников избирательных комиссий. Именно избирательные комиссии, находящиеся в авангарде избирательного процесса, призваны обеспечить его законность и демократичность. Как подчеркивают авторы монографии, правовая культура организации и деятельности избирательных комиссий детерминирует характеристики избирательного процесса с разных позиций: организации, реализации права и информационного обеспечения. Поэтому к членам и служащим избирательных комиссий, благодаря усилиям которых достигается суммарный итог в деятельности избирательных комиссий, предъявляются высокие требования в области правовой культуры: это правовые знания, интегрированные в систему современной гуманитаристики; высокий профессионализм, правомерное поведение, находящееся в основе деятельности, правовая институционализация решений в правоприменительных актах. Обобщая вышесказанное, можно констатировать: достоинством по замыслу и фактическому воплощению монографического исследования Е.М. Крупени и И.Г. Смолиной является не только познавательная ценность книги. Она чрезвычайно полезна в практическом плане для обеспечения высокой культуры избирательного процесса.

Книга Е.М. Крупени и И.Г. Смолиной в целом — яркое явление в правовой теории, новаторский труд в области исследования правовой культуры в целом и правовой культуры избирательного процесса в частности с точки зрения персоноцентристского анализа.

Последовательная логика исследования, комплексный, всесторонний анализ заявленной проблематики, обширная источниковедческая база, обращение к практике проведения избирательных компаний позволили авторам сформулировать самостоятельную концепцию правовой культуры избирательного процесса с позиций теоретико-правового, деятельностного и психолого-правового аспектов. Аргументированность предложений, направленных на повышение правовой культуры избирательного процесса, очевидна, они обоснованы, аргументированы и вызывают доверие.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2013, № 2 (12)**

Арутюнов Александр Арташевич — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин МГПУ (advokat@arutyunov.ru)

Борисова Наталья Евгеньевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Первого Московского юридического института, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин МГПУ (neob09@bk.ru)

Звонарев Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ. (Zvonarev_av@mail.ru)

Косевич Николай Рудольфович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Российской академии правосудия, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МГПУ (KNRRU@mail.ru)

Кузьменко Владислава Константиновна — аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин МГПУ (kuzmenkoVK@ca.customs.ru)

Куксин Иван Николаевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин МГПУ (proffKuk-1944@yandex.ru)

Леонов Евгений Михайлович — аспирант кафедры коммерческого права и основ правоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (evgenyleonow@gmail.com)

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права МГПУ (Dp-70@mail.ru)

Павленко Евгения Михайловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека (Eugenia@kaluga.ru)

Питько Елена Вадимовна — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин МГПУ (archi_78@mail.ru)

Пряхина Татьяна Михайловна — доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин МГПУ (Doktrina2005@yandex.ru)

Ростокинский Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МГПУ (arostokinskiy@yandex.ru)

Северухин Владимир Александрович — кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права МГПУ (Sev99@yandex.ru)

Ситдикова Любовь Борисовна — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин МГПУ (LB.Sitdikova@mail.ru)

Царёв Алексей Юрьевич — кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин МГПУ (Tsar1953@yandex.ru)

Чурилов Сергей Никифорович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики МГПУ (StepanovaLM@jurist.mgpu.ru)

Шутикова Наталья Сергеевна — старший преподаватель кафедры международного права и прав человека МГПУ (shutikovanat@rambler.ru)

Яровая Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ (Mare777@yandex.ru)

Ястребова Алла Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права ДА МИД РФ (fautorsa@aha.ru)

«MCTTU Vestnik Series “Legal Sciences”» / Authors, 2013, № 2 (12)

Arutyunov Aleksandr Artashevich — Doctor of Legal Science, professor of Criminal Law Department, MCTTU (advokat@arutyunov.ru)

Borisova Natal'ya Evgen'evna — Doctor of Legal Science, professor, head of State and Legal Disciplines department of the First Moscow Institute of Law, professor of State and Legal Disciplines department of MCTTU (neo609@bk.ru)

Zvonarev Andrey Vladimirovich — Ph. D. in History, docent of Theory and History of Law and State department, MCTTU (Zvonarev_av@mail.ru)

Kosevich Nikolay Rudol'fovich — Ph.D.in Law, docent of criminal law department of Russian Academy of Justice, docent of Criminal Law department of MCTTU (KNRRU@mail.ru)

Kuz'menko Vladislava Konstantinovna — post graduate student of Criminal Law department, MCTTU (kuzmenkoVK@ca.customs.ru)

Kuksin Ivan Nikolaevich — Doctor of Legal Science, professor, professor of Criminal Law Department, MCTTU (proffKuk-1944@yandex.ru)

Leonov Evgeny Michailovitch — Postgraduate student of commercial law and foundations of jurisprudence department of Lomonosov Moscow State University (evgenyleonow@gmail.com)

Pashentsev Dmitriy Alekseevich — Doctor of Legal Science, professor of Theory and History of Law and State Department, MCTTU (Dp-70@mail.ru)

Pavlenko Eugenia Mikhaylovna — Ph.D. in Law, docent of International Law and Human Rights department, MCTTU (Eugenia@kaluga.ru)

Pit'ko Elena Vadimovna — Senior lecturer of Civil Law Department, MCTTU (archi_78@mail.ru)

Pryaxina Tatyana Mixajlovna — Doctor of Legal Science, professor of State and Legal Disciplines department, MCTTU (Doktrina2005@yandex.ru).

Rostokinskiy Alexander Vladimirovich — Ph.D.in Law, docent of Criminal Law Department, MCTTU (arostokinskiy@yandex.ru)

Severukhin Vladimir Alexandrovich — Ph.D.in Law , professor of Theory and History of Law and State Department, MCTTU. МГПУ.(Sev99@yandex.ru)

Sitdikova Lyubov' Borisovna — Doctor of Legal Science, Professor of Civil Law Department, MCTTU (LB Sitdikova@mail.ru)

Tsaryov Aleksey Yur'evich — Ph.D.in Law, docent of State and Legal Disciplines department, MCTTU (tsar1953@yandex.ru)

Churilov Sergey Nikifirivich — Doctor of Legal Science, professor, Head of Criminal Procedure and Criminalistics department, MCTTU (LB Sitdikova@mail.ru)

Shutikova Natal'ya Sergeevna — Senior lecturer of International Law and Human Rights department, MCTTU (shutikovanat@rambler.ru)

Yarovaya Marina Vyacheslavovna — Ph.D.in Law, docent of Theory and History of Law and State Department, MCTTU (Mare777@yandex.ru)

Yastrebova Alla Yur'evna — Ph.D.in Law, docent of international Law department of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (fautorsa@aha.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5 поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а.л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. **Рисунки** должны выполняться в графических редакторах. **Графики, схемы, таблицы** нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: Т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

10. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору Пашенцеву Дмитрию Алексеевичу (Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета). Телефон редакции: (499) 959-55-51. E-mail: dr-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 2 (12), 2013

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

Л.Ю. Ильина

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра ГБОУ ВПО МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. e-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 26.09.2013 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.